

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

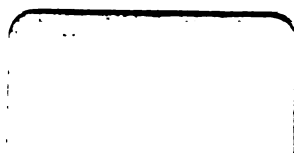
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

М А Й
1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛXVII.

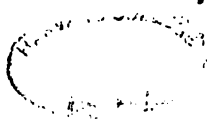

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

Printed in USSR
(Russia)

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
Jul 25 1973

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Монахиня Росвита, писательница X вѣка. В. А. Вильвасова.

Религии востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. (Продолженіе). . . . . В. П. Васильева.

Пармения (Окончаніе) . . . . . Ѳ. А. Златоустовскаго.

Николай . . . . . рникъ и его ученіе . . . . . Я. И. Вейнберга

Учитель . . . . . семинаріи въ Германіи . . . . . Д. Михайлова.

Наша церковная литература. } (См. на 3-й стр. обѣртки).
Современныя летописи. }

подчинить мірянина священнику, священника епископу, епископа папѣ и папу императору; они не замѣчали, что были лишь орудіями духовенства, и наивно радовались, видя, что папы съ любовью помогаютъ ихъ планамъ. Смысль Оттоновой политики не только въ Германіи, но и въ сосѣднихъ земляхъ, въ Италіи и Даніи, въ Лотарингіи и Франціи, заключался въ стремленіи сохранить единство имперіи при помощи однообразнаго церковнаго строя, при посредствѣ епископовъ, во всемъ угодливыхъ императору. Этой новой политической системѣ было найдено и новое выраженіе: имперія, созданная Оттономъ Великимъ, назвалась „Священной Римскою имперіей“, и въ этомъ выраженіи сказалось уже то церковно-клерикальное направленіе императорской политики, которое было завѣщено ей Карломъ Великимъ и принесло столько зла развитію Западной Европы.

Должно сознаться, что въ Священной Римской имперіи было слишкомъ достаточно того вѣшняго блеска, который всегда способенъ ослѣпить современниковъ и подкупить приговоръ потомства. Власть Оттона I простиралась отъ Сены до Вислы и отъ Эйзера до Абруццъ; онъ воевалъ съ Датчанами въ Шлезвигѣ, съ Славянами на Одерѣ, съ Бургундцами на Ронѣ, съ Византіяцами на Гарильио, и остался побѣдителемъ во всѣхъ войнахъ; онъ былъ королемъ Германіи и Италіи, сюзереномъ Вендовъ, Чеховъ, Поляковъ и Датчанъ, онъ покровительствовалъ Бургундіи и вмѣшивался въ дѣла Франціи. Въ Европѣ не было ни одной страны, въ которой не чувствовалось бы такъ или иначе вліяніе оттоновой власти. О Россіи, конечно, не могло быть тогда и рѣчи, Испанія была слишкомъ отдалена, Англія была защищена моремъ отъ имперіи, у которой не было флота. На всемъ европейскомъ континентѣ, гдѣ только была латинская вѣра, не было ни одной страны, которая не признавала бы властительной воли Оттона. Это, конечно, льстило честолюбію императора; но не менѣе справедливо, что этотъ блескъ имперіи покупался дорогою цѣною нѣмецкой крови и національныхъ интересовъ Германіи. Чтобы быть королями Италіи и защитниками папъ, державшихъ въ своихъ рукахъ императорскую корону, Оттоны совершили рядъ походовъ за Альпы, гдѣ нѣмецкое войско билось за интересы ему чуждые и проливало кровь ради цѣлей ему враждебныхъ. Это истощало Германію и истощало совершенно бесплодно: для Нѣмцевъ не возможно было воевать въ одно и то же время въ Ломбардіи и Апуліи, на Эйзерѣ и Одерѣ, какъ не возможно было позже для Французовъ воевать разомъ въ Мадридѣ и Москвѣ. Подобно Каролингамъ, Оттоны заботились

болѣе о нуждахъ Италіи, чѣмъ объ интересахъ своей родины, и вопросы церкви ставили выше задачъ политики; подобно Каролингамъ, Оттоны скоро выродились, и уже внукъ перваго императора, Оттонъ III, стремился, по его собственнымъ словамъ, „отбросить племенную саксонскую грубость, и ставъ истиннымъ Римляниномъ, окружить себя византійскою пышностію“. Германія должна считатьъ большимъ для себя счастіемъ, что Оттонъ III рано умеръ, — онъ слишкомъ уже усердно заботился объ искорененіи грубой нѣмецкой натуры!

Въ итогѣ, Оттоновская политика, внѣшняя и внутренняя, привела къ тѣмъ же результатамъ, что и политика Каролингской династіи, — къ полному политическому банкротству. Оттоны болѣе всего заботились объ упроченіи своей власти въ Италіи, а между тѣмъ, по словамъ современнаго имъ хрониста, „въ Италіи Нѣмцевъ никто не любитъ, и многіе нѣмцы умираютъ тамъ отъ яда“ ¹⁾. Если же Италіанцы встрѣчали войска императоровъ ядомъ, то Нѣмцы провожали ихъ въ италіанскіе походы проклятіями. Занятые италіанскими дѣлами, императоры не пекутся объ организаціи національной государственной власти въ Германіи: князья, герцоги и графы подрываютъ существенныя права монархическаго начала и пріобрѣтаютъ наследственность своихъ правъ и должностей; ослабляя королевскую власть и уничтожая народныя права, нѣмецкіе князья достигаютъ свободы закрѣпляютъ за собою пародъ и продавать крѣпостныхъ, какъ домашнихъ животныхъ, при чемъ человекъ продается дешевле головы рогатаго скота! Желая противодействовать усиленію княжеской власти, императоры возвышаютъ въ Германіи церковныхъ сановниковъ, и въ борьбѣ съ князьями, опираются на епископовъ, подвергая центральную власть большой опасности: еслибъ епископы измѣнили королю, если они когда-нибудь измѣнятъ коронѣ, — центральная власть рухнетъ, что, какъ извѣстно, и случилось. Путь, указанный Оттономъ Великимъ, привелъ императорскую власть, послѣ 150-лѣтнихъ напряженныхъ усилій, къ полному уничтоженію, сдѣлавъ императора въ Германіи игрушкой нѣмецкихъ курфюрстовъ и заставилъ его въ Италіи униженно преклоняться предъ папскимъ всемогуществомъ, созданнымъ ошибками императорской же политики.

Политическое состояніе Германіи X столѣтія довольно точно отразилось на исторіографіи того времени. Къ началу вѣка, вмѣстѣ съ паденіемъ Каролингской монархіи, прекращаются главнѣйшія ис-

¹⁾ Thietmar., ap. *Perts*, v. III, p. 782.

МОНАХИЯ РОСВИТА, ПИСАТЕЛЬНИЦА X ВѢКА.

Десятое столѣтіе отмѣчено въ исторіи Германіи рѣзкими чертами, исполнено крупныхъ явленій. Зарождавшееся народное самосознаніе Германіи, едва только успѣвъ создать свой національный политическій органъ, было осуждено выдержать тяжелую борьбу съ космополитическимъ стремленіемъ къ всемірному господству. Историческій интересъ десятаго столѣтія сосредоточенъ на этой борьбѣ, окончившейся, нѣсколько вѣковъ позже, торжествомъ національныхъ стремленій.

14-го апрѣля 919 года, въ Фрицларѣ, герцогъ Саксонскій Генрихъ былъ избранъ въ короли Германіи; когда, вслѣдъ за избраніемъ, архіепископъ Майнцскій предложилъ новому королю свои услуги къ помазанію и коронованію, Генрихъ I скромно, но рѣшительно отказался отъ такой чести: „Для меня довольно и того преимущества предъ моими предками, что я называюсь королемъ и избранъ къ тому божіею милостію и вашимъ соизволеніемъ; помазаніе же и корона пусть будутъ предоставлены болѣе меня достойнымъ“ ¹⁾. Отклоняя отъ себя церковное помазаніе, Генрихъ I тѣмъ самымъ ясно говорилъ, что онъ отрекается отъ сана Римскаго императора, созданнаго теократическимъ стремленіемъ, и довольствуется титуломъ вполне самостоятельнаго короля нѣмецкаго народа. Семнадцатилѣтнее правленіе Генриха доказало, на сколько его національная политика была разумна и согласна съ интересами народа: во время его жизни не было ни возстаній, ни междоусобій, и послѣ его смерти, духовенство, которому Генрихъ не позволялъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, такъ отзывалось объ немъ: „Недостаточно и цѣлаго дня“, говоритъ клирикъ Руотгеръ“, чтобъ разказать, какимъ образомъ Генрихъ достигъ, что въ государствѣ, которое онъ получилъ въ самомъ

¹⁾ Widuk. l. I, cap. 26 (ар. *Perts*, v. III, p. 4).

печальномъ состояніи, водворился прекрасный, величественный миръ, въ государствѣ, всѣ части котораго были страшно обезпокоиваемы, какъ безпрестанными нападеніями сосѣдей, такъ и ужасными раздорами между его союзниками и друзьями. Здѣсь — дикій, сильный на сушѣ и морѣ Датскій народъ грозитъ бѣдствіями и разореніями; тамъ — скрежснутъ зубами разъединенныя Славянскія племена; въ это же время, грозный венгерскій народъ огнемъ и мечемъ опустошаетъ земли государства; по ту сторону Рейна, одво возстаніе смѣняетъ другое; а вельможи государства, со всѣхъ сторонъ окруженнаго врагами, свирѣпѣютъ противъ собственной плоти и крови, и, казалось, невозможно прекратить всѣ эти бѣдствія. Но Генрихъ достигъ этого, и въ короткое время распространился въ чужихъ краяхъ, по милости божіей, такой страхъ предъ его силою, какого никогда не было прежде, и такое единеніе связало все населеніе государства, какое не встрѣчалось прежде ни въ одной странѣ¹⁾. Клирикъ Руотгеръ былъ правъ: это единеніе потому и было сильно и крѣпко, что основывалось на національномъ принципѣ. Генрихъ — первый король чисто Нѣмецкаго государства; имъ начинается исторія Нѣмецкаго народа.

Путь національной политики, указанный Генрихомъ, былъ отвергнутъ его же собственнымъ сыномъ, Оттономъ I, принявшимъ титулъ императора. За прославленнымъ „вѣкомъ Карла Великаго“ слѣдовалъ хваленый „вѣкъ Оттона Великаго“, своимъ важнымъ императорскимъ блескомъ затмившій свѣтлую личность короля Генриха, который стоитъ одиноко въ исторіи X вѣка и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ служить примѣромъ и указаніемъ людямъ новаго времени.

Германскіе бытописатели почтили Оттона I титуломъ „великаго“, который онъ сохраняетъ въ исторіи до настоящаго времени, хотя именно Германіи стояло слишкомъ дорого это чисто вѣгшнее величіе. Нѣмецкіе историки сравниваютъ обыкновенно Оттона I съ Карломъ Великимъ, забывая, однако, что въ этомъ сравненіи заключено осужденіе всѣхъ его стремленій, какъ антинаціональныхъ и теократическихъ. Оттоны не поняли національныхъ стремленій своей родной страны и всецѣло отдали себя на служеніе космополитическимъ цѣлямъ нечуждой имъ церкви. Они стремились, силою императорскаго сана, распространить повсюду истинную вѣру, христіанскую дисциплину и богоугодную жизнь, для чего считали необходимымъ

¹⁾ Ruotg., 3 (ар. *Pertz*, v. IV, p. 257).

торическія записи: *Annales Fuldenses* обрываются на 901 годѣ а *Chronicon Reginonis* останавливается на 905 годѣ; въ теченіе слѣдующаго затѣмъ полустолѣтія, современныя извѣстія ограничиваются сухими и отрывочными замѣтками въ монастырскихъ анналахъ, при чемъ обращается преимущественное и почти исключительное вниманіе на мелкіе мѣстные интересы, не выходящіе часто за ограду монастыря. Только со второй половины X столѣтія анналы становятся болѣе интересны, и выходя за предѣлы мѣстныхъ извѣстій, касаются вопросовъ общегосударственныхъ. Анналы монастырей Рейхенау, Санъ-Галлена и Кельна являются, въ этомъ случаѣ, какъ-бы предвѣстниками болѣе солиднаго, хотя все еще анонимнаго, „сборнаго“ труда, извѣстнаго въ историографіи подъ названіемъ *Continuatio Reginonis*: продолжатель хроники аббата Регинаона хорошо знаетъ описываемыя имъ событія, интересуется судьбами имперіи, и какъ очевидецъ, живо изображаетъ происшествія, отъбныя болѣе важныя и принимая въ нихъ сердечное участіе. Этотъ трудъ обрывается на 967 годѣ, на томъ самомъ, съ которымъ связаны два болѣе извѣстныхъ историческихъ произведенія X вѣка: въ этомъ году монахъ Видукинъ Корвейскій оставляетъ заниматься переработкою житій, чтобы посвятить себя на болѣе важный историческій трудъ, плодомъ котораго была *Res gestae Saxonicae*, и до 967 же года доведенъ извѣстный *Carmen de gestis Oddonis I imperatoris*, написанный Саксонкою Росвитою, монахиней Гандерсгеймскаго монастыря, труды которой составляютъ предметъ настоящей статьи.

Классическое изрѣченіе: *habent et sua fata libelli*, какъ нельзя болѣе оправдалось на трудахъ занимающей насъ писательницы X-го вѣка. Возбудивъ при жизни автора общее сочувствіе и удостоившись изысканныхъ похвалъ отъ современныхъ ученыхъ, произведенія Росвиты хранились въ теченіе слѣдующихъ пяти вѣковъ въ монастырскихъ архивахъ, всѣми забытыя и никому неизвѣстныя, пока, въ 1501-мъ году, поэтъ Цельтисъ не издалъ большей части случайно найденныхъ имъ рукописныхъ трудовъ Гандерсгеймской монахини ¹⁾.

¹⁾ *Opera Hrosvite illustris virginis et monialis germane gente saxonica орте nuper a Conrado Celte inventa*. Въ концѣ книги: *Finis operum Hrosvithae clarissimae virginis et monialis. Germanicae gente Saxonica орте Impressum Norimbergae sub Privilegio Sodalitatis Celticae a Senatu Rhomani Imperii impetrato. Anno Christi Quingentesimo primo supra Millesimum*. Изданіе это давно уже стало библиографическою рѣдкостью; его подробно описалъ *Maugerard*, въ *Esprit des journaux*, avril 1788, p. 257.

Появленіе въ свѣтъ драгоцѣнныхъ памятниковъ германской старины было принято ученымъ міромъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго они вполне заслуживали. Въ теченіе послѣднихъ трехъ съ половиною вѣковъ, произведенія Росвиты были неоднократно издаваемы; ихъ читали, комментировали, переводили на современные языки, и когда, наконецъ, въ 1858 году, было издано первое полное собраніе произведеній Росвиты ¹⁾, они всѣ, безъ исключенія, были объявлены подложными, не заслуживающими никакого вниманія, никуда негодными произведеніями Цельтиса и нѣсколькихъ гуманистовъ конца XV вѣка ²⁾. Мнѣніе о подложности произведеній Росвиты было высказано не въ формѣ сомнѣнія, а какъ фактъ научно-достоверный; подлинность сохранившейся въ Мюнхенѣ рукописи стихотвореній и драмъ Росвиты была отвергнута не какимъ-либо дилетантомъ въ наукѣ, а дѣйствительнымъ членомъ Вѣнской академіи наукъ, Иосифомъ Ашбахомъ, извѣстнымъ въ исторической литературѣ своими обширными изслѣдованіями по исторіи Испаніи ³⁾; наконецъ, трудъ Ашбаха былъ читанъ въ историко-филологическомъ отдѣленіи Вѣнской академіи, которая напечатала его въ своихъ мемуарахъ ⁴⁾, что придадо ему извѣстный авторитетъ. Мнѣніе о подложности тѣхъ произведеній, которыя составляли одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ исторіи X вѣка, произвело большое впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ: не смотря на чисто ученый вопросъ, академическій рефератъ Ашбаха выдержалъ два отдѣльных изданія въ теченіе одного года; извѣстнѣйшіе нѣмецкіе ученые поспѣшили заявить свое полное несочувствіе подобному мнѣнію ⁵⁾; французская и англійская печать обратили на трудъ Ашбаха вниманіе своихъ соотечественниковъ ⁶⁾ и, тѣмъ не менѣе, въ теченіи протекшихъ пяти

¹⁾ *K. A. Barack, Die Werke der Roswitha. Nürnberg. 1858.* Мы ссылаемся постоянно на это изданіе, какъ лучшее и полнѣйшее.

²⁾ *J. Aschbäch, Roswitha und Conrad Celtes. Wien. 1868.*

³⁾ *Geschichte der Ommajaden in Spanien, nebst einer Darstellung des Entstehens des spanischen christlichen Reichs, 2 B Wien, 1860.* Первый трудъ Ашбаха, составившій ему имя, былъ написанъ болѣе 40 лѣтъ назадъ, именно: «Hat Frankен im zehnten Jahrhundert Landesherzoge gehabt?». Эта небольшая статья была помѣщена въ *Schlosser und Bercht, Archiv f. Gesch. u. Liter.*, II, 1831, p. 162 sqq.

⁴⁾ См. *Sitzungsberichte der phil. hist. Classe der k. k. Akademie der Wissenschaften. Mai. 1867.*

⁵⁾ *Waits* въ *Gött. gel. Anz.*, 1867, S. 1261; *Maurenbrecher* въ *Hist. Zeit.*, XX, 416 и др.

⁶⁾ *Revue critique*, 1868, № 11, p. 168; *The Chronicle*, 1867, № 33, p. 784.

лѣтъ, не появилось ни одного сколько-нибудь серьезнаго, тѣмъ менѣе рѣшительнаго изслѣдованія по этому вопросу. Для того чтобы рѣшить, подлинны ли произведенія Росвиты, или поддѣланы Цельтисомъ и его друзьями, членами Рейнскаго общества (*Sodalitas Rhenana*), необходимо ознакомиться съ содержаніемъ самихъ этихъ произведеній и опредѣлить отношеніе Цельтиса къ сохранившейся рукописи.

I.

Въ Мюнхенской придворной библіотекѣ хранится рукопись произведеній Росвиты (*Cod. lat. 14; 485*). По своему внѣшнему виду, рукопись никогда и ни въ комъ не возбуждала ни малѣйшаго сомнѣнія; ею пользовались многіе ученые, и она давно уже подробно описана. Рукопись состоитъ изъ 150 листовъ хорошаго пергамена, въ четвертку; каждый листъ $9\frac{1}{2}$ дюймовъ длины и $6\frac{1}{2}$ дюймовъ ширины; на каждой сторонѣ листа 24 строки, обозначенныя линейками, по которымъ написаны гекзаметры характернымъ тонкимъ почеркомъ XI-го столѣтія ¹⁾; начальныя буквы и заглавія писаны красною краскою.

Таковы существенныя особенности внѣшняго вида рукописи; посмотримъ на внутреннее ея содержаніе.

Рукопись начинается необходимымъ введеніемъ или предисловіемъ, написаннымъ прозою. Росвита, со свойственною ей, какъ женщинѣ и къ тому же монахинѣ, скромностію, поручаетъ свой слабый трудъ, нуждающійся въ исправленіяхъ, благосклонному вниманію всѣхъ образованныхъ людей; она извиняетъ свои ошибки монастырскимъ уединеніемъ, слабостію своего пола и возрастомъ, не достигшимъ еще полной зрѣлости ²⁾; она сознаетъ свое несовершенство въ метрикѣ и латинскомъ языкѣ и высказываетъ опасеніе, что основала свои поэтическіе разказы на источникахъ, быть можетъ, не во всемъ надежныхъ; свое невѣжество она старалась заглядить вставками изъ сочиненій, имѣющихся въ монастырѣ и, сверхъ того, ея недостатки устранялись совѣтами ея учительницъ — монахини Риккардисы и аббатиссы Герберги; если же она написала свое произведеніе дактилическими стихами, то этимъ она обязана не своему таланту, но ми-

¹⁾ *A. Ruland, Der Original - Codex der Roswitha und die Herausgabe desselben durch Conrad Celtes.* Помѣщено въ *Serapeum, Zeit. f. Bibliothekwiss., Handschriftenk. und ältere Litter.*, 1857, № 2.

²⁾ *Barack, p. 2.*

лости Всевышняго. За предисловіемъ слѣдуетъ небольшое, въ 12 строкъ, посвященіе аббатиссѣ Гербергѣ ¹⁾).

За посвященіемъ слѣдуютъ восемь стихотвореній, составляющихъ, по словамъ Росвиты, первую книгу ея трудовъ. Содержаніе этихъ стихотвореній заимствовано изъ легендъ, которыя Росвита собрала *intra dream Gandeshemensis coenobii* ²⁾; легенды переданы почти дословно, безъ всякихъ прибавокъ, и стихотворенія эти являются лишь переложеніемъ прозы въ гекзаметры. Первая книга распадается на двѣ неравныя части: въ первой пять, во второй шесть стихотвореній; передъ каждою частью помѣщено особое посвященіе аббатиссѣ Гандерсгеймскаго монастыря Гербергѣ; во второмъ изъ этихъ посвященій, Росвита называетъ свои три послѣднія стихотворенія *versiculi novelli* ³⁾. Легенды, переложенныя въ гекзаметры, расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Maria. Historia nativitatis laudabilisque conversationis intactae Dei genitricis, quem scriptam repperi sub nomine sancti Jacobi, fratris Domini* ⁴⁾. Росвита нашла въ монастырѣ апокрифическое евангеліе св. Іакова ⁵⁾ и по немъ разказала, въ 859 гекзаметрахъ, важнѣйшія событія всей жизни Богоматери, отъ рожденія до бѣгства въ Египеть. Разказъ простъ и во всемъ вѣренъ легендѣ: „Іоакимъ и Анна, изъ рода Давидова, долгое время остаются бездѣтными, вслѣдствіе чего лишаются права жертвоприношеній; послѣ долгихъ и усердныхъ молитвъ къ Богу, у нихъ рождается дочь Марія, которая скоро превосходитъ всѣхъ своимъ благочестіемъ. Когда, по приказанію левитовъ, она должна была избрать себѣ мужа, то всѣ неженатыя мущины принесли лозы во храмъ, и такъ какъ изъ лозы Іосифа вылетѣлъ бѣлый голубъ и взвился къ небу, то онъ и былъ нареченъ ея мужемъ. Вслѣдъ затѣмъ является ангелъ и возвѣщаетъ Маріи, что она родитъ сына Всевышняго; Марія рождаетъ въ Вифлеемѣ Іисуса Христа, божественность котораго признается волхвами и магами, являющимися съ Востока для поклоненія. Иродъ узнаетъ и ищетъ младенца; по указанію ангела, Іосифъ съ Маріей и младенцемъ бѣгутъ въ Египеть, гдѣ чудеса указываютъ его божественное происхожденіе: змѣи и драконы, львы и леопарды прислуживаютъ ему въ пу-

¹⁾ *Barack*, p. 5.

²⁾ *Ibid.*, p. 3.

³⁾ *Ibid.*, p. 95.

⁴⁾ *Barack*, p. 8—36.

⁵⁾ *J. A. Fabricius*, *Codic. apocryph. Novi Testamenti*, t. I, p. 40 sqq.

стынѣ; по слову Христа, высокая пальма нагнула свою вершину, предлагая малюткѣ плоды свои, и при появленіи его въ языческомъ храмѣ всѣ идолы падаютъ съ своихъ пьедесталовъ на землю“.

2) *De ascensione Domini. Hanc narrationem Johannes episcopus a Graeconia in latinum transtulit.* ¹⁾ Епископъ Іоаннѣ перевелъ съ греческаго разказъ о вознесеніи Господнемъ, а Росвита передала его въ 150 гекзаметрахъ. Разказъ во всемъ согласенъ съ Евангеліями и дѣяніями св. Апостоловъ, за исключеніемъ лишь поэтической прибавки, принадлежащей Росвитѣ, что въ сонмѣ ангеловъ и святыхъ, сопровождавшихъ торжественный путь Спасителя, находился также будто бы и Давидъ, который, игрою на лирѣ, прославлялъ Отца и Сына:

v. 97. Conveniunt illic veterum cunei quoque vatum,
Inter quos medius David, rex psallere doctus,
Cantans in citharis, hortatur talibus ossis etc.

Въ концѣ стихотворенія, Росвита, называя себя, проситъ читателя умолить Бога, чтобъ онъ умилосердился надъ нею и даровалъ бы ей силы воспѣть славу сую и въ другихъ еще духовныхъ стихахъ:

v. 147: Haec quicumque legat, miseranti pectore dicat:
Rex die, Hrosvithae parcens miserere misellae,
Et fac divinis persistere coelitos odis
Hanc, quae laudando cecinit tua facta stupenda ¹⁾).

3) *Passio sancti Gongolfi, martyris* ²⁾ Лучшій изъ духовныхъ стиховъ Росвиты, состоящій изъ 564 строкъ элегическаго размѣра, или точнѣе, изъ 282 леонинскихъ двухстишіи, не считая 18-ти первыхъ строкъ, въ которыхъ заключается обращеніе Росвиты къ Богу. Разказъ Росвиты совершенно сходенъ, въ главныхъ чертахъ, съ извѣстною легендой о св. Гонгольфѣ, которая была очень распространена въ средніе вѣка ³⁾. Гонгольфъ жилъ въ половинѣ VIII вѣка и принадлежалъ къ королевскому дому Бургундіи; за свое благочестіе и за святость жизни, онъ обладалъ даромъ совершать чудеса. Возвращаясь однажды изъ похода, онъ прельстился и купилъ себѣ велико-

¹⁾ *Ambrax*, стр. 20 передаетъ содержаніе приведенныхъ четырехъ строкъ: Die vier letzten Verse enthalten die bescheidene Bitte der Hrosvitha ihre geringe Dichtung mit Nachsicht aufzunehmen.

²⁾ *Barack*, p. 44—62.

³⁾ Нѣсколько житій св. Гонгольева помѣщ. въ *Acta Sancti.* подъ 11-мъ мая (v. II, p. 642—655). Во многихъ библиотекахъ западной Европы хранятся рукописныя легенды св. Гонгольева, преимущественно отъ X—XIII столѣтій; такъ, въ Парижѣ, Штутгартѣ, Карлсруэ, Силь-Гилленѣ и мног. др.

лѣпный садъ, принадлежавшій какому-то бѣдняку. Мѣстоположеніе, тѣнистыя деревья, ключевая вода и другія прелести сада описаны Росвитомъ въ прекрасныхъ поэтическихъ стихахъ (v. 89 sqq.) Гонгольфа осуждали за дорогую цѣну, предложенную бѣдняку, и укоры приближенныхъ усилились, когда бассейнъ съ ключевой водою внезапно высохъ, — Гонгольфъ воткнулъ свой посохъ въ то мѣсто, гдѣ былъ родникъ, и когда на другой день вытащили посохъ, изъ образовавшейся дыры забила ключемъ вода, имѣвшая къ тому же цѣлебныя свойства. 338-мъ стихомъ оканчивается описаніе жизни св. Гонгольфа, и съ 339-го начинается разказъ объ его мученичествѣ. Гонгольфъ жсился на красавицѣ, *regalem genere et nitidam facie* (v. 350), женщиной страстной и невоздержной, которую легенда окрещиваетъ соотвѣтствующимъ ей праву именемъ *Ganea* ¹⁾. Какъ и слѣдовало ожидать, на сцену является домашнее духовное лицо, съ которымъ Ганея входитъ въ преступную связь; по всей окрестности прошла дурная молва о женѣ Гонгольфа; мужъ требуетъ, чтобы жена оправдалась „Божіимъ судомъ“ и предлагаетъ ей опустить правую руку въ холодную воду, — Ганея согласилась и вынула руку обугленною. Гонгольфъ прощаетъ жену, преступность которой была такимъ образомъ доказана, но требуетъ, чтобы *dampnandus clericus* (v. 425) немедленно покинулъ его владѣнія. Клирикъ слѣдующею же ночью убиваетъ Гонгольфа и скрывается съ Ганеей. Гонгольфа хоронятъ съ почестями ¹⁾, и на его гробѣ совершаются чудеса. Ганея не вѣритъ чудесамъ, глумится надъ ними, говоритъ, что это такія же чудеса, какъ и тѣ, о которыхъ ей разказывалъ оракулъ; за такое глумленіе Ганея была немедленно наказана: съ этихъ поръ каждое ея слово повторялъ оракулъ. Росвита, какъ женщина, измѣнила концъ своей легенды, довольно нескромный: Ганея, по словамъ легенды, *miracula non secus ut ventris crepitem existimavit*, за что и была достойно наказана: *in poenam perfidiae venter illi quod viveret perpetuo crepabat*.

¹⁾ *Ganea* или *ganem* обозначаетъ собственно всякое мѣсто для отдохновенія, но употребляется для выраженія увеселительнаго въ порочномъ смыслѣ введенія. *Ganeo* — гуляла, мотъ, развратникъ; особая женская форма слова, если не ошибаемся, не встрѣчается у классиковъ. Росвита три раза упоминаетъ имя жены Гонгольфа и всегда пишетъ маленькою буквою, какъ имя нарицательное: см. vv. 449, 472, 530.

²⁾ По легендѣ, Гонгольфъ былъ похороненъ въ городѣ Туль, Toul; въ разсматриваемомъ стихѣ — *Tul*, см. vv. 494, 525.

4) *Passio sancti Pelagii, pretiosissimi martyris, qui nostris temporibus in Corduba martyrio est coronatus* ¹⁾. Духовный стихъ о мученичествѣ св. Пелагія, состоящій изъ 404 гекзаметровъ, написанъ Росвитою по разказамъ очевидца. „уроженца того города, въ которомъ происшествіе совершилось“ ²⁾. Кордова, какъ и большая часть Испаніи, подпала власти Мавровъ; калифы избрали ее своею резиденціей, и во время разказа, въ ней жилъ Абдерахманъ III (v. 74: Abdrabemen), превосходившій своихъ предшественниковъ ненавистью къ христіанамъ, и вслѣдствіе того, ходившій войною въ Галицію ³⁾. Война кончилась успѣшно для Мавровъ, и они отвели въ плѣнъ знаменитыхъ мужей Галиціи, и въ томъ числѣ, отца Пелагія, который не могъ представить назначеннаго ему слишкомъ большого выкупа. Послѣ долгихъ просьбъ, сыну удалось уговорить отца выдать его, въ придачу къ денежному выкупу, какъ заложника. Пелагій отличался отъ своихъ сверстниковъ и тѣломъ, и душою:

v. 143: Cui fuerat natus praeclari germinis unus
 Omni praenitida compostus corpore forma,
 Nomine Pelagius, formae splendore decorus,
 Consilio prudens, tota bonitate refulgens,
 Qui, vix transactis jam tunc puerilibus annis,
 Attigit aetatis primos flores juvenilis.

Мальчикъ понравился сластолюбивому Абдерахману; по на всѣ предложенія калифа удовлетворить его страсть, Пелагій отвѣчалъ презрительными отказами, и за одно намѣреніе Абдерахмана поцѣловать его, ударилъ калифа по губамъ (v. 269) ¹⁾. Раздраженный

¹⁾ *Barack*, 66 — 77.

²⁾ *Passio sancti Pelagii* cujus seriom martyrii, quidam ejusdem, in qua passus est indigena civitatis mihi exposuit. *Barack*. p. 133. Пелагій умеръ мученическою смертію 26-го іюня 925 года, а въ 953 году императоръ Оттонъ I послыдалъ въ Испанію, къ Абдерахману III, посольство; болѣе чѣмъ вѣроятно, что прибывшій съ этимъ посольствомъ въ Германію какой-нибудь Испанецъ могъ разказывать Росвитѣ, и болѣе подробно, абатиссъ Гербергъ мученичество Пелагія, которое въ то время было еще такъ свѣжо въ памяти каждаго Испанца. По источности нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей разказа можно думать, что разказчикъ только выдавалъ себя за очевидца, чтобы возбудить тѣмъ большее довѣріе къ своему разказу. *Schäfer*, *Gesch. d. Spanien*, II 179; *Aschbach*, *Gesch. d. Ommajaden*, II 101; *Magnin*, *Théâtre de Hrotsvitha* (Paris 1845), p. XXXII; *Barack*, p. XXIII.

³⁾ v. 107 et 111. Абдерахманъ III не ходилъ походами въ ту испанскую область, которую мы въ настоящее время называемъ Галиціею. *Aschbach*, *Gesch. d. Omm.*, II, 23 sqq.

⁴⁾ Священникъ Ригуель, очевидецъ окончательнаго мученичества Пелагія,

калѣфъ приказалъ бросить Пелагія съ городской стѣны въ рѣку, разбивъ его объ утесы; приказаніе было исполнено, но Пелагій остался невредимъ; тогда ему отрубили голову, изрѣзали тѣло на части и бросили въ рѣку. Магометанскіе рыбаки изловили куски тѣла и за дорогую цѣну продали ихъ христіанамъ, которые убѣдились, что это дѣйствительно тѣло Пелагія, такъ какъ голова не горѣла въ огнѣ.

5) *Theophilus. Lapsus et conversio Theophili Vicedomini* ¹⁾. Сказаніе о Теофилѣ, записавшемъ свою душу сатанѣ, было любимомъ темою средневѣковой сказочной литературы; постепенно развиваясь, оно перешло, наконецъ, въ сагу о Фаустѣ ²⁾. Росвита посвятила этому сказанію 455 стиховъ. Въ IX вѣкѣ ³⁾, еще будучи молодымъ человекомъ, Теофилъ былъ избранъ въ архидіаконъ ⁴⁾, и только по собственной скромности, отказался быть епископомъ, не смотря на единоголосное избраніе народа и духовенства. Избранный, вслѣдствіе отказа Теофила, новый епископъ лишилъ Теофила даже мѣста архидіакона. Сожалѣніе по утраченной власти и желаніе вновь получить почетное мѣсто мучать Теофила, и при содѣйствіи какого-то Еврея, *qui magica plures decepit fraude fideles* (v. 84), онъ предается сатанѣ: Теофилъ отрекается отъ Христа, св. Дѣвы и вновь получаетъ свое прежнее мѣсто. Скоро, однако, Теофилъ раскаивается, обращается съ мольбою къ Богоматери, и при ея содѣйствіи, вновь получаетъ обратно не только запись, даппую имъ сатанѣ, но и милость Божию.

6) *Conversio cujusdam juvenis desperati per S. Basilium episcopum* ⁵⁾.

описалъ это иначе: *Cum Pelagium rex tangere vellet, tolle canis, inquit scilicet Pelagius, numquid me similem tuis effeminatum existimas? Et illico vestimenta, quae indutus erat, scidit et fortem in palaestra se athletam constituit.* Flores Espana Sagrada, v. XXIII, p. 234. Такъ какъ искушеніе Абдеррахманомъ Пелагія происходило безъ свидѣтелей, то сцена соблазна была передаваема каждымъ разнащикомъ сообразно личнымъ взглядамъ.

¹⁾ *Barack*, p. 80—94.

²⁾ Слуга Теофила, Eutychianus, оставилъ описаніе евофилловаго приключенія (*Fabric. Bibl. Graeca*, X, p. 339); латинскій переводъ см. *Acta Sanct.*, Febr., I, p. 480. Въ XIII столѣтіи, Рютбеѣъ, знаменитый трубадуръ времени Людовика Св., написалъ драму *Miracle de Théophile*, которая, въ свое время, была извѣстна всей Европѣ (*A. Jubinal, Oeuvres de Rutebeuf*, Paris. 1840, 2 avis).

³⁾ Въ 835 году онъ далъ сатанѣ запись на свою душу (*Barack*, p. XXVI). Если Маньель, *Théâtre de Hrotsv.*, p. XXXIV, называетъ 538 годъ, то это, очевидно, опечатка.

⁴⁾ *Quod lingua vulgi scimus vicedomno vocitari* (v. 17) безъ болѣе точнаго опредѣленія. Теофилъ былъ архидіаконъ Антиохійской церкви въ Киликіи.

⁵⁾ *Barack*, p. 98—106.

Духовный стихъ въ 294 строки на ту же тему, что и предыдущій: Кесарійскій рабъ записалъ себя сатанѣ, чтобы при его помощи добыться руки дочери своего господина, Протерія, предназначенной отцомъ къ монастырской жизни; рабъ достигъ своей цѣли, но долженъ былъ во всемъ признаться женѣ, которая тотчасъ замѣтила, что рабъ избѣгаетъ богослуженія. Жена немедленно потребовала развода и вступила въ монастырь, чтобы замолить свой грѣхъ; послѣ же чистосердечнаго раскаянія раба, Василия, епископъ Кесарійскій, отнялъ у демона запись раба, при чемъ, однако, долженъ былъ долго спорить съ сатаною.

7) *Passio sancti Dionysii, egregii martyris* ¹⁾. Описывая въ 266 гекзаметрахъ страданія св. Діонисія мученика, Росвита впадаетъ въ ту ошибку, которая повторяется многими и въ настоящее время, не смотря на то, что еще въ концѣ прошлаго столѣтія эта ошибка была разъяснена: Росвита приписываетъ одному и тому же лицу событія изъ жизни двухъ—Діонисія Ареопагита, умершаго въ 95 г., и Діонисія, апостола Галліи, мученически пострадавшаго въ 272 году ²⁾. Діонисій, изучавшій въ Египтѣ астрономію, былъ крайне удивленъ солнечному затмѣнію, происшедшему въ моментъ рожденія Иисуса Христа, такъ какъ это затмѣніе не предвидѣлось учеными и астрономами того времени. Возвратясь въ Аѳины, опъ воздвигъ алтарь тому „неизвѣстному Богу“, чье рожденіе сопровождалось такимъ астрономическимъ явленіемъ. У этого-то алтаря апостолъ Павелъ проповѣдывалъ Христа и обратилъ многихъ слушателей, въ томъ числѣ и Діонисія, котораго Павелъ назначилъ старшиною надъ христіанскою общиною въ Аѳинахъ. Діонисій, вслѣдствіе бывшаго ему видѣнія, отправился въ Римъ, желая заслужить вѣнецъ мученичества за новую вѣру; изъ Рима по приказанію Климента, ученика св. Петра, — въ Галлію для проповѣди Евангелія. Въ это время Домиціанъ издалъ указъ о строгомъ преслѣдованіи христіанъ, вслѣдствіе чего *praeses Sisinnius* (v. 160) приговорилъ христіанина Діонисія къ смертной казни чрезъ обезглавленіе. Послѣ казни, Діонисій взялъ въ руки от-

¹⁾ *Barack*, p. 108—116.

²⁾ Еще Абелиръ велъ по этому поводу горячій споръ съ монахами въ *St Denis*. *Fr. Lübker* (*Evang. Kal.*, 1855, S. 93), говоря о Діонисіи Ареопагитѣ, считаемъ необходимымъ прибавить: *Es gab noch andere Diener der ältesten christlichen Kirche, die den Namen Dionysius trugen und mit dem hier bezeichneten nicht zu verwechseln sind, unter welchen vor den übrigen derjenige hervortragt, welcher für den Apostel von Gallien gilt.*

рубленную свою голову и пошелъ съ горы, на которой былъ казненъ; онъ прошелъ, такимъ образомъ, двѣ мили и остановился на томъ мѣстѣ, которое самъ избралъ достойнымъ для погребенія своего тѣла ¹⁾:

v. 229: Truncatum quoque pontificis corpus morientis
 Erigitur subito, nitidum splendore sereno,
 Atque, caput brachiis portans proprium bene firmis,
 Descendit recto gressu de monte profundo,
 In duo martyrium consumnavit pretiosum,
 Transiliensque viae citius duo milia durae,
 Venit adusque locum, servando corpore dignum.
 Quem descendentem cursuque cito gradientem,
 Coetus angelici comitantur, luce sereni,
 Alleluia Deo resonantes voce sonora.

8) *Agnes. Incipit passio sanctae Agnetis, virginis et martyris* ²⁾. По-слѣдній духовный стихъ Росвиты, состоящій изъ 459 гекзаметровъ, разказываетъ страданіе и мученическую смерть св. Агнесы, во всемъ согласно съ описаніемъ св. Амвросія ³⁾. Агнеса, молодая, красивая Римлянка—*mundo celeberrima* (v. 19), *meritis clarissima virgo* (v. 25)—приняла христіанскую вѣру и дала обѣтъ цѣломудрія; сынъ Симпронія, префекта города Рима (v. 43), влюбился въ Агнесу и не падлъ ни лъстивыхъ словъ, ни дорогихъ подарковъ, чтобы склонить ее на бракъ; но Агнеса, обрученная Христу, отвергла всѣ молебны земной страсти. Огорченный отказомъ, сынъ Симпронія заболѣлъ; его жизнь была въ опасности. Симпроній призываетъ Агнесу, уговариваетъ ее удовлетворить страсти любимаго сына, просить ее, затѣмъ совѣтуетъ посвятить себя служенію богини Весты (v. 155); наконецъ грозить, и раздраженный твердостью Агнесы, приказываетъ раздѣть ее и голую бросить въ самый грязный притонъ разврата:

v. 207: Coelestis sponsam regis jussit venerandam
 Vestibus exutam, toto quoque corpore nudam,
 Concurrente trahi conventiculo populari,
 In quo lupanaris nigrum concludier antrum,

¹⁾ La scène principale, c'est-à-dire le voyage miraculeux du saint décapité, est peinte par Hrotsvitha en traits qui ne manquent ni de poésie, ni de grandeur. *Magnin*, p. XXXV. Die schönste Stelle in diesem Gedichte ist die Beschreibung der wunder-vollen Reise des enthaupteten Körpers. Die Dichterin zeichnet sie in Zügen, die mit Poesie eine der Sache angemessene Würde im Ausdruck verbinden. *Barack*, p. XXIX.

²⁾ *Barack*, p. 118 — 132.

³⁾ *Acta Sanct.*, Januar., II, p. 351; Jul., II, p. 228.

In quo lascivi juvenes, rationis egeni,
Colloquio scelerosarum gaudent mulierum ¹⁾.

Едва, однако, сорваны были одежды съ Агнесы, какъ коса ея мгновенно выросла и волосами покрыла все обнаженное тѣло до пятокъ; когда же ее привели въ мѣсто разврата, явился ангелъ съ небеси и крылами своими защитилъ Агнесу отъ преступныхъ взоровъ прелюбодѣйной римской молодежи. Распаленный страстью, сынъ Симпронія палъ мертвымъ при первомъ нечистомъ взглядѣ на нареченную невѣсту Христа. Отецъ, въ отчаяніи, обвиняетъ Агнесу въ колдовствѣ; желая оправдаться, Агнеса обращается съ молитвою къ Богу, и по ея предстательству, сынъ префекта города Рима воскресаетъ. Свидѣтели такого чуда, отецъ и сынъ, увѣрвали въ единого Бога и приняли христіанство; языческіе же жрецы, узнавъ о такомъ чудѣ, настойчиво требовали казни Агнесы, какъ колдуньи, и преемникъ Симпронія въ должности городского префекта, Аспазій — *dictus rituque profanus* (v. 357)—приговариваетъ ее къ смертной казни чрезъ сожженіе. Огонь костра опалилъ зрителѣй, жегъ исполнителей казни, но Агнеса пребыла невредимою среди пламени. Аспазій приказалъ отрубить „чародѣйкѣ“ голову, что и было исполнено вполне успѣшно. Агнеса, по совершеніи надъ нею казни, вознеслась на небо, сопровождаемая сонмомъ ангеловъ.

Послѣднимъ, 459-мъ стихомъ „Агнесы“ заканчивается первая книга сочиненій Росвиты и начинается вторая, содержащая въ себѣ драматическія ея произведенія, что довольно точно обозначено выраженіемъ: *Explicit liber primus, incipit secundus, dramatica serie conlectus*. За этимъ объясненіемъ, въ Мюнхенскомъ кодексѣ слѣдуютъ нѣсколько строкъ въ прозѣ, которыя служатъ какъ-бы эпилогомъ къ „духовнымъ стихамъ“ и прологомъ къ „драмамъ“:

„Содержаніе настоящей книги, равно какъ и предыдущей, я заимствовала изъ древнихъ произведеній, написанныхъ авторами, имена которыхъ хорошо извѣстны, за исключеніемъ описанныхъ выше страданій св. Пелагія, мученичество коего разказалъ мнѣ уроженецъ того города, гдѣ происшествіе совершилось, увѣряя, что онъ самъ видѣлъ этого прекраснѣйшаго изъ людей, и свидѣтельствую, что дѣйствительно таковъ былъ исходъ дѣла. Такимъ образомъ, если въ мои стихи или драмы вкралось что либо ложное, то не по моей винѣ, потому что я точно подражала живымъ разказамъ“ ²⁾.

¹⁾ Barack, p. 124.

²⁾ Barack, p. 133.

Драмы Росвиты интереснѣе, живѣе ея духовныхъ стиховъ; онѣ производятъ болѣе глубокое впечатлѣніе и тѣмъ сильнѣе привлекаютъ наше вниманіе, что писаны рукою женщины X вѣка, въ ту тяжелую эпоху церковнаго сплоченія и общественнаго разъединенія, когда, казалось, не было для драматическихъ произведеній ни поэтовъ, ни актеровъ, ни зрителей, когда самое слово драма было неизвѣстно и звучало какимъ-то анахронизмомъ, вызывавшимъ лишь память о языческой древности. Содержаніе же шести драмъ Росвиты способно лишь усилить наше удивленіе: онѣ переносятъ насъ изъ убогой кельи непорочной монахини въ темные притоны разврата публичныхъ женщинъ, и хотя въ послѣднихъ актахъ этихъ драмъ всегда „добродѣтель торжествуетъ и пороки наказываются“, но во время дѣйствія пороки не всегда стѣсняются въ своихъ выраженіяхъ, а добродѣтель нерѣдко заставляетъ опасаться за свою твердость.

Росвита сознавала, что ея драмы возбуждаютъ сомнительные толки и предположила имъ два объясненія, въ прозѣ: одно въ видѣ предисловія, другое—въ формѣ письма къ своимъ „цѣнителямъ и судьямъ“. Оба объясненія чрезвычайно оригинальны и важны для характеристики Росвиты, какъ писательницы.

„Многіе христіане“, говоритъ Росвита въ предисловіи ¹⁾, „изъ числа которыхъ мы не можемъ исключить и себя, предпочитаютъ суетныя книги язычниковъ, ради большаго изящества ихъ слога, книгамъ Священнаго Писанія. Другіе, даже воплѣвъ преданныя священнымъ страницамъ и презирающіе всѣ другія языческія произведенія, перечитываютъ, однако, довольно часто вымысли Теренція, и прельщены красотою слога, цѣнятъ себя познаниемъ вещей непотребныхъ. Вотъ почему я, звучный голосъ Гандерсгеймскій ²⁾, не задумалась подражать въ моихъ произведеніяхъ тому, кого многіе читаютъ, чтобы, по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ, прославить достойную хвалы чистоту святыхъ дѣлъ тою же формою произведеній, какою возвеличены безбожныя непотребства безстыдныхъ женщинъ. Однако, то обстоятельство, что, занимаясь такого рода произведеніями, я должна была обдумывать и изображать непозволительно гнусное безуміе развратниковъ и ихъ безстыдные разговоры, которые намъ не позволено даже слушать, нерѣдко заставляетъ меня стыдиться и краснѣть. Но

¹⁾ Prosvithae Praefatio. Barack, p. 137—139.

²⁾ *Clamor validus Gandesheimensis* — такъ переводитъ Росвита свое саксонское имя на латинскій языкъ. *Grimm und Schmeller, Latinische Gedichte des X und XI Jahrh. 1838. S. IX, Anm.*

еслибъ я, устыдившись, не трудилась бы надъ подобными произведеніями, то не могла бы достигнуть своей цѣли, не могла бы выразить, по мѣрѣ силъ монахъ, похвалу невиннымъ, потому что чѣмъ соблазнительнѣе льстивыя рѣчи людей развратныхъ, тѣмъ величественнѣе слава божественной помощи, и тѣмъ славнѣе побѣда восторжествовавшихъ, особенно же когда женская слабость побѣждаетъ и мужская сила терпитъ пораженіе. Не сомнѣваюсь, пѣкаторые найдутъ, что мои слабыя произведенія гораздо ниже, гораздо ограниченнѣе и нимало не похожи на тѣ, которымъ я предположила подражать. Пусть, я уступаю такому сужденію; но я, однако, объявляю, что по справедливости не могу быть обвиняема въ дерзкомъ желаніи уподобиться тѣмъ, которые своими познаніями далеко превосходятъ мою слабость. Не на столько я хвастлива, чтобы дерзнула сравнивать себя хотя бы съ послѣднимъ изъ чениковъ древнихъ авторовъ; я стараюсь лишь, хотя и не считаю себя къ тому способною, смиренно употребить мои дарованія на прославленіе того, кто даровалъ мнѣ ихъ. Не на столько я самолюбива, чтобы, избѣгая упресковъ, перестала проповѣдывать всюду, гдѣ только можно, благодѣяніе Христа, проявляющагося въ жизни святыхъ. Если мое благочестіе поправится кому-либо, я буду рада; если же, по моей ничтожности или по неправильности моего грубаго слога, никому не понравится, все-таки я сама порадуюсь тому, что сдѣлала; ибо, между тѣмъ какъ ничтожествомъ собственныхъ трудовъ я, въ прежнихъ произведеніяхъ моего невѣжества, слагала героическія строфы и въ нынѣшнихъ изобразила рядъ драматическихъ сценъ, а все же избѣгла пагубныхъ соблазновъ язычниковъ⁴.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличается „письмо Росвиты къ ученымъ покровителямъ ея книги“¹), хотя, по содержанію, оно многимъ сходно съ предисловіемъ:

„Вполнѣ знающимъ и добродѣтельнымъ, успѣху другого не завидующимъ, но какъ прилично истинно мудрымъ, поощряющимъ, Росвита, малосвѣдущая и многогрѣшная, желаетъ здравіемъ нынѣ и радости во вѣки. Не могу достаточно надивиться вашему похвальному смиренію, ни достойнымъ образомъ возблагодарить васъ за снисхожденіе и благосклонность вашу ко мнѣ, такъ какъ вы, вскормленные преимущественно философскими занятіями и усовершенныя познаніями, нашли достойными одобренія мои произведенія, труды простой жен-

¹) Epistola ejusdem ad quosdam sapientes hujus libri fautores. *Barack*, pag. 140—142.

щины, и, съ братскою добротою поздравляя меня, вы воздавали тѣмъ хвалу подателю способности, во мнѣ присущей, находя, что и мое малое знаніе наукъ далеко превосходитъ мой женскій умъ. Сверхъ того, до настоящаго времени я едва осмѣливалась показывать мои грубыя произведенья очень немногимъ и то лишь близкимъ мнѣ лицамъ; вслѣдствіе чего я почти перестала сочинять что-либо въ этомъ родѣ, потому что было очепь мало такихъ лицъ, которымъ я считала бы нужнымъ представлять мои труды и немного такихъ, которые могли бы указать мнѣ требующее исправленія или поощрить меня на продолженіе подобныхъ трудовъ. Но теперь, такъ какъ говорятъ, что свидѣтельство трехъ лицъ всегда справедливо, подкрѣпленная вашими сужденіями, я чувствую въ себѣ болѣе увѣренности и сочинять, если дозволитъ Господь, и подвергать мои труды критикѣ какихъ бы то ни было ученыхъ мужей. Между тѣмъ, меня волнуютъ противоположныя чувства, именно радость и боязнь: радуюсь отъ всего сердца, что въ лицѣ моемъ воздана хвала Богу, одною лишь милостью котораго я то, что есть; но боюсь, что я кажусь болѣе того, что есть, ибо сознаю, что равно постыдно и отрицать милостивые дары Господа, и похваляться ими, не имѣя ихъ. Вотъ почему я не отрицаю, что, вспомоествуемая милостью Создателя, я приобрѣла по волѣ Божіей нѣкоторыя познанія, будучи способна къ усвоенію ихъ; но сознаю, что, предоставленная собственнымъ силамъ, я ничего не познала бы ¹⁾. Я признаю, что Божествомъ удѣленъ мнѣ умъ свѣтлый, но вслѣдствіе отсутствія заботливости учителей, необразованный и по природѣ склонный къ лѣности. И для того-то, чтобы, по моей небрежности, не уничтожился во мнѣ даръ Божій, я, какъ только мнѣ удастся случайно собрать какія-нибудь нитки или кусочки лохмотьевъ, оторванныхъ отъ плаща философіи, стараюсь вставить ихъ въ мое произведеніе, чрезъ что негодность моего невѣжества изукрашивается примѣсью болѣе благороднаго матерьяла и податель благъ восхваляется во мнѣ тѣмъ справедливѣе, чѣмъ ограниченіе считается жепскій разсудокъ. Такова цѣль моихъ сочиненій, такова единственная причина моихъ усилій; не стараюсь казаться знающею при незнаніи, но что касается лично меня, сознаю,

¹⁾ *Magnin*, p. 454, сопровождаетъ это мѣсто слѣдующимъ общимъ примѣчаніемъ: Nous trouvons dès ces premières pages, un exemple frappant du pédantisme et des subtilités aristotéliques, dans lesquels se complait la docte religieuse. On voit combien elle affectionne la langue de l'école et qu'elle ne s'abstient même pas de la terminologie la plus prétentieusement scolastique.

что я ничего не знаю. И такъ какъ, тронутая вашими похвалами и просьбами, я, наклоняясь подобно тростнику, передаю на ваше усмотрѣніе эту книгу, которую я и писала съ этимъ намѣреніемъ, по которой до настоящаго времени, по причинѣ ея негодности, предпочитала болѣе скрывать, чѣмъ открыто показывать, то подобаетъ, чтобъ вы рассмотрѣли и исправили ее съ неменьшимъ стараніемъ, чѣмъ ваши собственные труды. Исправивъ же книгу какъ слѣдуетъ, возвратите ее мнѣ, чтобъ я могла изъ вашихъ указаній увидѣть, въ чемъ я болѣе всего грѣшу“.

Всѣ драмы написаны прозою, не раздѣлены на „дѣйствія“ и „явленія“, и передъ каждою помѣщенъ, какъ перечень главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и краткое содержаніе драмы (*argumentum*). Въ основу каждой драмы положена непремѣнно легенда, и Росвита довольно рабски слѣдуетъ легендарному разказу, лишь перерабатывая его въ драматическую форму. Всѣхъ драмъ шесть; ни въ одной изъ нихъ не указано мѣсто дѣйствія: легенды были въ то время хорошо извѣстны всѣмъ грамотнымъ людямъ, и читатели не нуждались въ подобныхъ подробностяхъ. Познакомимся ближе съ этими драматическими произведеніями X вѣка, какъ они записаны въ Мюнхенскомъ кодексѣ.

1) *Gullicanus* ¹⁾. Единственная драма, въ основу которой вошли двѣ легенды, и которая, поэтому, распадается на двѣ части ²⁾: обращеніе Галликана ³⁾ и мученичество св. Іоанна и Павла ⁴⁾. Во вре-

¹⁾ *Barack*, p. 145 — 175. Въ XVI и XVII стол., этой драмѣ давали иное и ложное названіе: *Conversio Galliani principis*; а въ XVIII стол., одинъ нѣмецкій ученый, очевидно, не читавшій самой драмы, перевелъ это заглавіе такъ: *Von der Bekehrung eines französischen Prinzen Leuckfeld*, *Antiq. Handersh.*, p. 274.

²⁾ Нѣкоторые ученые принимаютъ обѣ части этой драмы за двѣ отдѣльныя драмы, основываясь на томъ, что 1) передъ второю частью, въ мюнхенскомъ кодексѣ, помѣщенъ списокъ дѣйствующихъ лицъ; 2) первая часть оканчивается выраженіемъ *Amen*, которое въ средневѣковыхъ религиозныхъ мистеріяхъ соответствуетъ извѣстному *Plaudite* древнихъ комедій, и 3) обращеніе Галликана и мученичество св. Іоанна и Павла чествуется церковью не въ одинъ день, но въ два различныя, — 24-го и 25 июня. (*Gottsched*, *Nöthiger Vorrath zur Geschichte der deutschen dramatischen Dichtkunst*, II, 19; *Magnin*, p. XXXIV et 459). Это мнѣніе не можетъ быть принято: 1) для обѣихъ частей Росвита составила одно содержаніе (*argumentum*); 2) вторая часть не носитъ особаго заглавія, и 3) вторая часть слишкомъ коротка для отдѣльной драмы и служитъ лишь заключеніемъ первой части. *Barack*, p. XXXV.

³⁾ *Acta Sanct.*, 24 Junii, t. V, p. 35.

⁴⁾ *Ibid.*, 25 Junii, t. V, p. 158.

мена Константина, главный начальникъ войскъ имперіи ¹⁾, язычникъ Галликанъ влюбляется въ дочь императора Констанцію, христіанку, посвятившую себя Богу. Констанція, не желая лишать имперію важныхъ услугъ храбраго военачальника, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ руку Галликапа, но не ранѣе, какъ послѣ побѣды надъ врагами. Въ знакъ согласія, Констанція принимаетъ во дворецъ двухъ сестеръ Галликапа, и въ свою очередь, посылаетъ на войну двухъ христіанъ, своихъ придворныхъ, Иоанна и Павла. Въ Эракин, близъ Филиппополиса, въ битвѣ съ Сарматами ²⁾, Галликанъ даетъ обѣтъ принять христіанскую вѣру, если только онъ побѣдитъ врага, начинающаго уже торжествовать побѣду. Галликанъ побѣждаетъ, принимаетъ христіанство и, узнавъ что Констанція посвятила себя Богу, отказывается отъ ея руки и удаляется въ Остію, гдѣ ведетъ схимническую жизнь, вмѣстѣ со святымъ мужемъ Гиларіаномъ. Галликанъ такъ разказываетъ императору то чудо, которое заставило его принять христіанство:

„Галликанъ. Мнѣ явился величественный юноша, несшій крестъ на плечѣ и приказалъ мнѣ съ обнаженнымъ мечемъ слѣдовать за нимъ.

„Константинъ. Кто бы онъ ни былъ, — онъ былъ небесъ посланникъ.

„Галликанъ. Я въ этомъ убѣдился: тотчасъ предстали мнѣ справа и слѣва вооруженные воины, лица которыхъ были неизвѣстны, обѣщая мнѣ свою помощь“ ³⁾.

Вторая часть переноситъ читателя въ эпоху Юліана Апостата и открывается ссылкой Галліана въ Александрію, гдѣ графъ Рауціанъ ⁴⁾ заключаетъ его въ темницу, и онъ погибаетъ отъ меча. Затѣмъ Юліанъ призываетъ Иоанна и Павла, убѣждаетъ ихъ привести Юпитеру жертву ⁵⁾, и видя ихъ твердость, приказываетъ Теренціану убить ихъ, но не публично, а тайно, такъ какъ они придворные. Казнь была совершена, но на могилѣ святыхъ сынъ Теренціана „скрежещетъ зубами, испускаетъ слезы, поводитъ безумно глазами, — онъ

¹⁾ Gallicanus, *princeps militiae* (Barack, p. 144) и Gallicanus *dux* (ibid., p. 149).

²⁾ Eusebius, *Vita Const.*, l. IV, стр. 3—5 (ар. *Heinichen*, Lipsiae, 1830).

³⁾ *Barack*, p. 161, in fine.

⁴⁾ Gallicanus, *patria expulsus*, *Alexandriam petiit ibique, a Rautiano comite tentus, gladio est peremptus*. *Barack*, p. 167

⁵⁾ *Villemain*, *Cours de littér. franc.*, II, p. 218 (ed. 1862), перевелъ эту сцену, какъ образецъ драмъ Росвиты, которую онъ относитъ къ XI вѣку.

одержимъ нечистымъ духомъ“¹⁾. Теренціанъ сознаетъ свою вину и молится христіанскому Богу; снѣгъ исцѣляется, и вмѣстѣ съ отцомъ, обращается въ христіанскую вѣру.

2) *Dulcitius* ²⁾. Въ средніе вѣка была очень распространена легенда о дѣвятихъ трехъ сестеръ (*Acta trium sororum*), замученныхъ по приказанію Діоклеціана въ 290 году, въ Фессалоникахъ ³⁾; на этой легендѣ основана драма, отличающаяся своимъ комическимъ элементомъ. Три сестры Аганія, Хіонія и Ирина брошены въ темницу подъ надзоръ Дулциція, который хочетъ обезчестить ихъ, но мгновенно сходитъ съ ума: обнимаетъ печку, цалуетъ уголь, прижимаетъ къ груди грязные котлы и обезображиваетъ себя до того, что даже собственная прислуга не узнаетъ его. На этомъ построены рядъ довольно комическихъ сценъ. Драма во всемъ слѣдуетъ за легендой: Аганія и Хіонія преданы огню, умираютъ на кострѣ, а Ирина погибаетъ отъ стрѣлы, измучивъ предварительно своихъ палачей тѣмъ, что, при помощи двухъ ангеловъ, заставляетъ ихъ дѣлать рядъ промаховъ, не лишениыхъ комизма.

3) *Calimachus* ⁴⁾. Въ числѣ апокрифическихъ сказаній, романтическая исторія Калимаха и Друзіаны принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ народной фантазіи ⁵⁾: язычникъ Калимахъ влюбленъ въ христіанку Друзіану, жену Андроника; Друзіана, желая остаться непорочною и прекратить страданія Калимаха, проситъ у Господа смерти и умираетъ; Андроникъ и апостолъ Іоаннъ хоронятъ Друзіану и поручаютъ Фортунату стеречь могилу. Является Калимахъ и подкупаетъ Фортуната, который вырываетъ тѣло Друзіаны для удовлетворенія страсти все еще влюбленнаго Калимаха.

Фортунатъ. Вотъ тѣло; оно не обратилось въ трупъ, члены еще свѣжи; пользуйся имъ, сколько хочешь.

Калимахъ. О Друзіана, Друзіана! Какую пламенную любовь я питалъ къ тебѣ! Какъ чистосердечно и глубоко я любилъ тебя! Но ты всегда отвергала меня, моимъ желаніямъ противилась. Теперь въ моей власти безчестить тебя, сколько пожелаю ⁶⁾.

¹⁾ *Stridet dentibus, sputa jact, torquet insana lumina; nam plenus est daemonio. Barack, p. 171.*

²⁾ *Barack, p. 177—189.*

³⁾ *Acta Sanct., Aprilis, t. I, p. 245 see.*

⁴⁾ *Barack, p. 193—211.*

⁵⁾ *Fabricius, Codices apocryph. Nov. Test., II, 542.*

⁶⁾ *Barack, p. 199—200.*

Калимахъ не привелъ своей угрозы въ исполненіе: змѣя ужалила святотатцевъ, и они мгновенно умерли. Къ могила́мъ Друзіаны приходятъ Андроликъ со св. Іоанномъ и видятъ три трупа; чтобъ узнать, кто вынулъ изъ гроба Друзіану и кто убилъ Фортуната и Калимаха, св. Іоаннъ воскрешаетъ Друзіану и Калимаха, который разказываетъ о своемъ преступномъ намѣреніи, о наказаніи, его постигшемъ, и принимаетъ христіанскую вѣру; Друзіана воскрешаетъ Фортуната. Злой и преступный Фортунатъ не исправляется и послѣ чуда: „Если, какъ вы говорите, Друзіана меня воскресила и Калимахъ увѣровалъ во Христа, я отрекаюсь отъ жизни и добровольно избираю смерть,— я желаю лучше не жить, чѣмъ сознавать въ нихъ столько милости и благодати“¹⁾). Св. Іоаннъ отвѣчалъ на эту нечестивую рѣчь осужденіемъ Фортуната: „Moriatur, sitque incola gehennae, qui propter alieni invidiam profectus recusavit vivere“.

4) *Abraham* ²⁾). Легенда о св. Авраамѣ полна драматизма ³⁾). Отшельникъ Авраамъ воспитываетъ свою племянницу Марію; когда ей минуло уже 20 лѣтъ, молодой человѣкъ, переодѣвшись въ монаха, соблазнилъ ее, увезъ, и обезчестивъ, бросилъ; Марія стала публичною женщиною. Авраамъ, которому указали мѣсто жительства Маріи, переодѣвается воиномъ и ѣдетъ въ трактиръ, гдѣ ужинаетъ и пьетъ съ Маріей, послѣ чего, уже въ спальнѣ, открывается Марія и спасаетъ ее. Марія бѣжитъ вторично, но уже изъ публичнаго дома въ келью, приготовленную Авраамомъ, гдѣ молитвами искупаетъ грѣхи свои. Встрѣча Авраама съ Маріей въ трактирѣ—лучшая изъ сценъ драмы.

Трактирищикъ. Войди, войди, Марія и покажи твои прелести нашему новичку.

Марія. Я здѣсь.

Трактирищикъ. Счастливая Марія, радуйся: не только, какъ всегда, твои сверстники, но даже старики гоняются за тобою, спѣшаютъ выказать свою любовь къ тебѣ.

Марія. Тѣ, которые меня любятъ, получаютъ отъ меня равнымъ образомъ любовь.

Авраамъ. Приблизься, Марія, и поцѣлуй меня.

Марія. Я не только подарю тебя сладчайшимъ поцѣлуемъ, но и обниму руками твою шею, согбенную годами.

¹⁾ *Barack*, p. 209.

²⁾ *Barack*, p. 215—236.

³⁾ *Acta Sanct., Martii*, t. II, p. 443.

Авраамъ. Мы хорошо поужинали, хорошо выпили, благодаря твоей услужливости, добрый трактирщикъ; позволь теперь мнѣ встать изъ-за стола, чтобъ успокоить въ постелѣ мое усталое тѣло.

Марія. Встань, сударь, встань; я тоже лягу съ тобою въ постель.

Авраамъ. Хорошо. Ничто не принудило бы меня выйти отсюда, еслибъ ты не сопровождала меня.

Марія. Вотъ комната, удобная для насъ; вотъ постель не изъ дурныхъ тюфяковъ. Садись, я сниму съ тебя сапоги, чтобъ ты не утруждалъ себя.

Авраамъ. Запри сперва на ключъ дверь, чтобы никто не могъ войти.

Марія. Объ этомъ не заботься; я такъ сдѣлаю, что никто не войдетъ къ намъ.

Авраамъ. Время снять шляпу и обнаружить кто я такой¹⁾...

Разсматриваемая драма, по мнѣнію знатоковъ, лучшая изъ всѣхъ, и сюжетъ ея нравился современникамъ на столько, что Росвита написала на эту же тему другую драму²⁾.

3) *Paphnutius*³⁾, представляющуюся лишь вариацией „Авраама“ и основанную на подобной же легендѣ⁴⁾. Не приводя подробнаго разказа, передадимъ содержаніе драмы, argumentum, какъ оно составлено Росвитою: „Обращеніе публичной женщины Таисіи, которую отшельникъ Пафнуцій, подъ видомъ любовника, подобно Аврааму, обращаетъ, и налагая на нее эпитемію, запираетъ на пять лѣтъ въ тѣсную келью, пока она не примиряется съ Богомъ, и пятнадцать дней послѣ исполненія эпитеміи, не усыпаетъ во Христѣ“⁵⁾. Драма заключаетъ въ себѣ довольно много признаковъ жизненной правды. Такъ, утопавшая въ нѣгѣ и роскоши Таисія приходитъ въ ужасъ при видѣ грязной кельи, въ которой должна оставаться нѣсколько лѣтъ безвыходно: „Что можетъ быть хуже, что можетъ быть неудобнѣе, какъ

¹⁾ *Barack*, p. 227—229. Въ переводѣ выпущены монологи Авраама и Маріи.

²⁾ Nach dem Zeugnisse aller Kenner ist der Abraham das Hauptdrama unserer Dichterin. Ohne Zweifel hat der Beifall, den dasselbe gefunden hat, das folgende Drama, der Paphnutius, eigentlich nur eine Variante des Abraham, herausgerufen. *Barack*, p. XXXVI, *Magnin*, p. 469.

³⁾ *Barack*, p. 239—269.

⁴⁾ *Acta Sanct.*, Octobrii, t. VI, p. 228.

⁵⁾ Argumentum. Conversio Thaidis meretricis, quam Pafnutius eremita, aequae u^t Abraham, sub specie adiens amatoris convertit et, data poenitentia, per quinquennium in augusta cellula conclusit, donec, digna satisfactione Deo reconciliata, quinta decima peractae poenitentiae die obdormivit in Christo. *Barack*, p. 238.

быть принужденною исполнять всѣ требованія тѣла въ одномъ и томъ же мѣстѣ? Не сомнѣваюсь, что келья скоро станетъ невозможною для жилья отъ чрезмѣрнаго вловонія¹⁾). Въ драму вставлены длинные метафизическіе діалоги между Пафнугіемъ и его учениками: эти діалоги, конечно, взяты изъ жизни X-го столѣтія и не могутъ быть отнесены къ IV-му вѣку, къ отшельнической жизни Пафнугія; они не принадлежатъ Росвитѣ и составляютъ тѣ „остатки лохмотьевъ, оторванные отъ плаща философіи“, о которыхъ упоминаетъ Росвита въ письмѣ къ ученымъ мужамъ.

6) *Sapientia*²⁾), шестая и послѣдняя драма основана на извѣстной легендѣ о трехъ сестрахъ: Вѣрѣ, Надеждѣ, Любви и матери ихъ Софіи, которыя борются и одерживаютъ побѣду надъ глупостью, олицетворенною въ Адріанѣ³⁾). Росвита не отступаетъ отъ легенды и вѣрна ей во всѣхъ подробностяхъ; за исключеніемъ теоріи чиселъ⁴⁾), которую Софія развиваетъ предъ Адріаномъ, и которая служитъ Росвитѣ какъ-бы доказательствомъ ея учености.

Между второю и третьею книгами въ Мюнхенскомъ кодексѣ помѣщены два стихотворенія. Первое состоитъ изъ четырехъ двустишія, представляющихъ не столько поэтическую игру, сколько стихотворную забаву на чисто монастырскую тему: *Quicumque viam cupit ire salutis, dicat Amen*. Послѣднее слово, Amen, составляется изъ первыхъ буквъ четырехъ гекзаметровъ, и первое слово каждаго гекзаметра образуетъ заключеніе пентаметра⁵⁾). Второе стихотвореніе, изъ 35-ти

¹⁾ *Barack*, p. 260.

²⁾ *Barack*, p. 273 - 298.

³⁾ *Acta Sanct.*, Aug. t. I, p. 16.

⁴⁾ *Barack*, p. 278 и сл.

⁵⁾ *Barack*, p. 360:

Quicumque viam cupit ire salutis

D

I

C

A

T

Aspica nupta deo, quae sit tibi gloria terris

Quae maneant coelis, aspice nupta deo!

Munera laeta capis, festiva, fulgida taedis,

Ecce venit sponsus, munera laeta capis.

Et nova dulcisona modularis carmina plectro,

Sponsa hymno exultans et nova dulcisona

Nullus ab altithrono comitatu regregat agni

Quam affectu tulerat nullus ab altithrono.

леонинскихъ стиховъ, посвящено св. Іоанну и рисуетъ апокалипсическій его образъ ¹⁾). Въ произведеніяхъ Росвиты не упомянуты поводы къ составленію этихъ двухъ стихотвореній. Мы знаемъ, что въ Гандерсгеймскомъ монастырѣ была капелла св. Іоанна ²⁾; но заключать изъ этого, что поводомъ къ составленію втораго стихотворенія было особое почитаніе Росвитою св. Іоанна ³⁾, нельзя уже и потому, что это почитаніе выразилось бы въ какомъ-либо произведеніи Росвиты, а между тѣмъ она не упоминаетъ о капеллѣ св. Іоанна даже и въ стихотвореніи спеціально посвященномъ описанію монастыря ⁴⁾.

Третья и послѣдняя книга произведеній Росвиты состоитъ изъ историческаго труда — *Carmen de gestis Oddonis I imperatoris*.

„Стиху о дѣяніяхъ Оттона I императора“ предпосланы: 1) Небольшое письмо, въ прозѣ ⁵⁾, въ которомъ Росвита проситъ Гербергу „просмотрѣть то, что, какъ ей извѣстно, составлено по ея же приказанію“: „Вы возложили на меня“, говоритъ Росвита, „трудъ переложить въ метрическую форму дѣянія цезаря августа, которые я не была въ состояніи даже по наслышкѣ ясно себѣ представить. Сколько трудностей предстало мнѣ, по причинѣ моего невѣжества, при исполненіи этого предпріятія, вы сами можете себѣ представить, потому что я ничего не нашла писаннаго объ этомъ прежде и не могла ни отъ кого услышать правильнаго и подробнаго разказа“ ⁶⁾. 2) Небольшое стихотвореніе, въ 34 строки, къ императору Оттону ⁷⁾ въ которомъ Росвита повторяетъ, что „ей никто не служилъ образцемъ, никакая „прежде написанная“ книга не учила ее писать, но основа ея произведенія заключается единственно въ преданности

¹⁾ *Barack*, p. 361.

²⁾ Die Capelle S. Johannis Evengelistaе lieget vor dem Thurme an der Mittags Seiten, zur linken Hand, bei dem Eingang in die Kirche. *Leuckfeld*, *Antiquitates Gandersheimenses*. 1709, cap. IX, p. 58.

³⁾ *Barack*, p. XLVI.

⁴⁾ *Carmen de primordiis coenobii Gandersheimensis*. *Barack*, p. 540. Росвита упоминаетъ о св. Іоаннѣ (v. 41), но крестителѣ, а не евангелистѣ.

⁵⁾ *Barack*, p. 302.

⁶⁾ O mea domina, non pigerat vestri almitiem perlustrare, quod vestra confectum si ignoratis ex jussione. Id quidem oneris inposuistis, ut gesta Caesaris augusti, quae nec audita umquam affatim valui colligere, metrica percurrerem ratione. In hujus sudore progressionis quantum meae inscitiae difficultatis obstiterit, ipsa conjicere potestis, quia haec eadem nec prius scripta referrî, nec ab aliquo digestim sufficienterque dicta elicere quivi.

⁷⁾ Ad Oddonem I imperatorem. *Barrach*, p. 305.

сердца" ¹⁾; впрочемъ, прибавляетъ Росвита, „что все дѣйствительно происходило такъ, какъ описано, говорили ей тѣ, которые понудили писать" ²⁾, и 3) Стихотвореніе къ императору Оттону II ³⁾, въ 39 строкъ, въ которомъ Росвита называетъ малолѣтняго Оттона II „нашимъ Соломономъ" (ч. 55 et 66) и напоминаетъ ему, что онъ самъ приказалъ ей представить свой трудъ предъ его „ясные глазенки" ⁴⁾.

Послѣднія два стихотворенія, вмѣстѣ взятая, состоятъ изъ 73-хъ строкъ, и только съ 74-й строки начинается собственно „Стихъ о дѣяніяхъ Оттона I", извѣстный также подъ названіемъ „Панегирика въ похвалу Оттона Великаго" ⁵⁾.

По указанію самой Росвиты, заключающемуся въ упомянутомъ письмѣ къ Гербергѣ, „Панегирикъ" написанъ ею по требованію аббатиссы Герберги, дочери баварскаго герцога Генриха и племянницы императора Оттона I ⁶⁾, и представленъ прежде всего незаконнорожденному сыну императора, Вильгельму ⁷⁾, архіепископу Майнцскому ⁸⁾. Такъ какъ въ „Панегирикѣ" упомянуто о коронованіи Оттона II императорскою короною ⁹⁾, а въ письмѣ говорится о Майнцскомъ архіепископѣ Вильгельмѣ, то слѣдовательно, „Панегирикъ" былъ оконченъ между 25-мъ декабря 967 года, днемъ императорскаго коронованія Оттона II, и 1-мъ марта 968 года, днемъ смерти Вильгельма.

При составленіи этого историческаго труда, Росвита, какъ мы

¹⁾ v. 14: Sed non exemplum quisquam mihi praeiuit horum,
Nec scribenda prius scripti docuere libelli,
Causa sed est operis tantum devotio mentis.

²⁾ v. 22: Se res, ut scripsi, sese sic prorsus habere,
Ipsi dicebant mihi, qui scribenda ferebant.

³⁾ Barack, p. 307.

⁴⁾ v. 40: Vilem ne spernas vilis textum monialis,
Quem praesentari, si digneris reminisci,
Ipse tui claris iustisti nuper ocellis.

⁵⁾ Panegyricus in laudem Ottonis Magni. *Ruland*, Serapenm, № 2, p. 24.

⁶⁾ *A. Cohn*, Stammtafeln, I, Taf. 27. *Broemmel*, Geneal. Tabellen, Tab. 29.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Vestro autem *vestrique familiarissimi*, cui hanc rusticitatem sanxistis praesentatum iri, scilicet *archipraesulis Wilhelmi*, iudicio, quoquomodo factum sit, aestimandum relinquo. Barack, p. 304.

⁹⁾ v. 897: Ipsius frolem post illum jam venientem,
Scilicet Oddonem, nutricis ab ubere regem,
Ad fasces *augustalis* provexit honoris
Exemploque sui digne fecit benedici.

видѣли, не пользовалась никакимъ писаннымъ источникомъ; но ея „Панегирикъ“ прежде еще, чѣмъ получилъ ту окончательную форму, въ которой онъ является въ Мюнхенскомъ кодексѣ, послужилъ уже руководствомъ для Видукинда, монаха Корвейскаго монастыря, при составленіи имъ извѣстнаго труда *Res gestae Saxonicae* ¹⁾.

Полный текстъ „Панегирика“ не сохранился. Въ Мюнхенскомъ кодексѣ два довольно значительные пропуска: первый — между 148 и 149 листомъ, второй — между 149 и 150 листомъ ²⁾; въ нихъ должна была заключаться исторія 953—962 годовъ. Собственно говоря, *Car-men de gestis Odilonis I imperatoris* доводитъ исторію перваго императора до 953 года, обрываясь на 825 стихѣ, разказомъ о побѣдѣ Лудольфа въ Италіи; затѣмъ сохранился небольшой отрывокъ изъ 957 года, въ 48 строкъ, въ которыхъ передано отвѣтное письмо императора Лудольфу и возвращеніе Лудольфа на родину (v. 826—873), и заключительныя 39 строкъ, начинающіяся (v. 874) разказомъ о коронованіи въ Римѣ императоромъ Оттона I (2-го февраля 962 г.), упоминающія (v. 899) объ императорской коронаціи Оттона II (25-го декабря 967 года) и заканчивающіяся сознаниемъ Росвиты, что пора окончить трудъ, такъ какъ для дальнѣйшаго окончанія событій, столь важныхъ, необходимо болѣе значительное произведение ³⁾.

Вслѣдъ за послѣднимъ, 912-мъ по счету, стихомъ „Панегирика“, на послѣднемъ 150 листѣ Мюнхенскаго кодекса приписанъ старымъ почеркомъ греческій алфавитъ ⁴⁾.

¹⁾ Die Fassung, welche dem Erzbischof vorgelegt werden sollte, endete mit Adelheids Krönung (v. 877, v. Barack, p. 336); sie konnte schon vor Ottos II Krönung 967 oder 966 vollendet sein. Köpke, Widukind von Korvei, Berlin, 1867, p. 40.

²⁾ Ruland, въ *Serapeum*, № 2, p. 25. Всегда старательные нѣмецкіе ученые считали даже число утерянныхъ, недостающихъ строкъ: въ первомъ пропускѣ должно было быть 388 строкъ, во второмъ—290 строкъ! Pertz, *Mon. Germ.*, VI, p. 304; Barack, p. 335; Pfund, *Geschichtsch. d. deut. Vorzeit*, Cief. 38, переводъ гекзаметрами включаетъ эти пропущенныя строки въ счетъ переведенныхъ и за 752 стихомъ ставится 1140-й стихъ, присчитывая 388 недостающихъ, и за 1188 стихамъ слѣдуетъ у него 1478-й стихъ, восполняющій второй пропускъ въ 290 строкъ. См. *Contzen*, *Geschquell. d. sächs. Kaiserzeit*, p. 112.

³⁾ v. 901: Haec igitur nostris nequeunt exoner orsis,
Sed quaerunt seriem longe sibi nobiliorem.
Hinc ego, tantarum prohibente grayedine rerum,
Ultra non tendo, finem sed provide pono,
Post haec incepte ne succumbam male victa.

⁴⁾ Ruland въ *Serapeum*, № 2, p. 25.

Такова внѣшняя форма и внутреннее содержаніе Мюнхенскаго кодекса произведеній Росвиты (Cod. lat. 14485); его читали и изслѣдовали, списывали и сличали съ позднѣйшимъ спискомъ такіе ученые авторитеты въ палеографіи, какъ Яковъ Гриммъ и Перцъ, Руландъ, Зендтнеръ, Баракъ, Яффѣ, и ни одинъ изъ нихъ не высказывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности кодекса; специалисты по изученію историческихъ источниковъ Германіи — Ваттенбахъ и Кепке, Гизебрехтъ и Концепъ—признали Мюнхенскій кодексъ записанный почеркомъ X столѣтія. Въ настоящее время, Вѣнсскій ученый Іосифъ Ашбахъ представилъ рядъ доводовъ въ пользу мнѣнія, что Мюнхенскій кодексъ произведеній Росвиты писанъ въ концѣ XV столѣтія членами „Рейнскаго общества“ (Sodalitas Rhenana), и преимущественно гуманистомъ Конрадомъ Цельтисомъ, первымъ издателемъ сочиненій Росвиты въ 1501 году и главнымъ виновникомъ подлога, сдѣланнаго съ такимъ искусствомъ, что даже знатоки и ученые были обмануты ¹⁾.

В. Вильбасовъ.

---

¹⁾ So gelang es selbst Kenner und Männer der Wissenschaft zu täuschen. *Aschbach*, p. 113.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮНЬ
1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Учебные планы и приѣрные программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народного просвѣщенія.

Монахія Росвита, писательница X вѣка.
(Окончаніе) . . . . . В. А. Бильбасова.

Религіи востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. (Окончаніе) . . . . . В. П. Васильева.

Николай Конерникъ и его ученіе. (Продолженіе). . . . . Я. И. Вейнберга.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Картини изъ исторіи римскихъ нравовъ отъ Августа до послѣдняго изъ Антониновъ, необходимое пособіе при изученіи римскихъ классиковъ, сочиненіе *Л. Фриблендера*. Переводъ *Надежды Бялозерской*, съ третьяго исправленнаго изданія.
Томъ I и II-й. . . . . Н. Θ. Фоккова.

Новыя учебныя руководства для Татаръ-магометанъ.
(Вилкиъ. — Хисабкиъ. — Грамматика русскаго языка для татаръ восточной Россіи. Тилкиъ.
Часть 1-я, Г. *Радлова* . . . . . Н. Ильминскаго.

Бъ вопросу о преподаваніи логики и философской пропедевтики въ гимназіяхъ.
(Окончаніе). . . . . Н. Н. Запольскаго.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на 3-й стр. обѣрткѣ).

МОНАХИНЯ РОСВИТА, ПИСАТЕЛЬНИЦА X ВЪКА¹⁾.

II.

Извѣстный гуманистъ Конрадъ Цельтисъ²⁾, латинистъ и поэтъ, философъ, бывшій профессоромъ Вѣнскаго университета, объѣздившій всю Италію, посѣтившій Польшу и Венгрію, довольно потрудился въ монастырскихъ архивахъ Германіи пасть собираніемъ матеріаловъ для своихъ сочиненій. Подобно своимъ современникамъ, Стабію, исторіографу императора Максимилиана I, и Сунтгейму, собирателю историческихъ матеріаловъ, онъ былъ поощряемъ въ своихъ трудахъ императорами Фридрихомъ III и Максимилианомъ I, которымъ исторіографія Германіи столь многими обязана. Въ 1494 году, разыскивая матеріалы для составленія исторіи города Нюрнберга, Цельтисъ нашелъ въ бенедиктинскомъ монастырѣ св. Эммерама, въ Регенсбургѣ, небольшую рукопись, въ четверку, въ 150 листовъ, исписанную „стихами и прозою“. Въ монастырѣ никто не читалъ этой рукописи, и ни одинъ монахъ не зналъ, что заключалось въ ней, и кто была та „монахиня“, которая писала ее. Цельтисъ первый прочелъ рукопись и узналъ, что заключающіяся въ ней произведенія относятся къ X вѣку и принадлежать перу монахини Гандерсгеймскаго монастыря Росвиты, о которой до того времени не встрѣчалось ни малѣйшаго упоминанія.

Едва ли можно сомнѣваться, что „не только древность рукописи, но еще болѣе то обстоятельство, что женщина, и къ тому же X столѣтія, вѣка Оттоновъ, является писательницей,—возбудили полное вни-

¹⁾ *Окончаніе*. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* майскую книжку 1873 года.

²⁾ *Celtis*, въ лучшихъ изданіяхъ (*Waits* въ *Gött. gel. Anz.*, 1867, стр. 1262), по гречески Κελτός; встрѣчается также *Celtis*, даже *Zeltis*. Это—латинизированное, по обычаю того времени, емальное имя *Pickel*, или *Bickel*, то-есть, разецъ, *celtis*, отъ *caelaga*.

маніе Цельтиса“¹⁾, и онъ рѣшился издать эту рукопись. Только теперь, послѣ опредѣленія Цельтисомъ значенія манускрипта, какъ драгоценнаго памятника исторіи X вѣка, монастырскія власти сознають цѣну рукописи, хранящейся въ монастырской библіотекѣ: по настоятельной просьбѣ Цельтиса, пріоръ Лаврентій и священникъ Эразмъ рѣшаются отдать Цельтису рукопись для изданія, и то не иначе, какъ составивъ объ этомъ официальный актъ и потребовавъ отъ Цельтиса поручительства извѣстнаго монастырю Нюренбергскаго гражданина Фридриха Розенриттера. Актъ, за подписью пріора и священника, съ приложеніемъ монастырской печати, свидѣтельствуеъ, до какой степени монастырь св. Эммерама дорожилъ рукописью, которую онъ выдавалъ, съ тѣмъ чтобы, по минованіи надобности, рукопись была возвращена. Этотъ важный документъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ego frater Laurentius, Aicher, Prior coenobii sancti Emmerami Ratisponae, ordinis sancti Benedicti, et frater Erasmus Australis, ejusdem monasterii et ordinis professus et sacerdos, recognoscimus per praesentis literas, nos ex favore et benevolentia *Conrado Celti* poetae ad usum et utilitatem suam accommodasse librum quendam, in quo continetur metricae et prosaicae editio cujusdam monialis, quem ipse proprio cyrographo nobis promisit (se redditurum) postea quam usus fuerit (et) Norimbergae provido viro civi ibidem Friderico videlicet Rosenritter praesentavit. In hujus rei testimonium hanc hartam ego praedictus Prior sigillo prioratus communivi. Datum Ratisponae in nostro coenobio quinta feria ante festum Purificationis Virginis Mariae anno salutis 94“²⁾.

Неопредѣленно обозначенный въ документѣ срокъ, на который была выдана Цельтису рукопись, — postea quam usus fuerit — протянулся цѣлые семь лѣтъ, и только въ 1501 году вышло въ свѣтъ то первое изданіе, о которомъ мы уже упоминали. Это изданіе посвящено Цельтисомъ курфюрсту Саксонскому Фридриху. Въ посвященіи, Цельтисъ говоритъ о своей любви къ отечественной исторіи: „Accessit mihi mihi quaedam historiarum germanicarum vicinarumque nobis nationum cupido. Ut si quos invenissem de regibus et imperatoribus nos-

¹⁾ Mehr noch als das Alter der Handschrift erregte der Umstand, dass eine Frau, und zwar schon im X Jahrhundert, in Zeitalter der Ottonen, als Schriftstellerin aufgetreten war, die Aufmerksamkeit unsers Dichters. *Aschbach*, p. 4.

²⁾ Cod. epist. Celtis. lib. IV, ep. 13, p. 36. *Aschbach*, p. 33. *Engelb. Klüpfel*, de vita et scriptis Conradi Protucii pars alt., p. 78; *Ruland* въ *Scrapium*, № 2, p. 18; *Barack*, p. LXI. Мы привели сводный текстъ.

tris codices, aut illorum clare gesta, aut dicta ab externis vel nostraciis literis mandata: illos in lucem ederem aut ad „Illustratam nostram Germaniam“, quae in manibus est, insererem, aut argumenta scribendi acciperem. Cum itaque nuper ejus gratia peregre profectus fuisset: forteque in coenobium ordinis sancti Benedicti concessissem: reperi vetustissimum litera ferme gothica et mulieris manu conscriptum codicem sub titulo et inscriptione virginis et monialis germanae gente Saxonica. Quo continebantur ea, quae in fronte et indice hujus voluminis ¹⁾ continentur. Incredible dictu quanto stupore et gaudio correptus fuerim dum mulierem germanam post sexcentos annos, tot enim ab Oddone primo in nostram usque etatem fluxere: latina oratione et versu loquentem legissem“ ²⁾. Мы уже знаемъ, что не названный здѣсь „монастырь св. Венедикта“ былъ именно Регенсбургскій монастырь св. Эммерама, которому, согласно условію, Цельтисъ возвратилъ рукопись, и въ которомъ она хранилась подъ № 485-мъ, обозначенная въ монастырскомъ каталогѣ, какъ *Codex E. CVIII*; послѣ закрытія монастыря, рукопись была перевезена въ Мюнхенъ, гдѣ хранилась до настоящаго времени, какъ *Cod. lat. 14.485*, который мы подробно описали.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Цельтисъ возвратилъ монастырю св. Эммерама ту именно рукопись, которую получилъ въ силу официального акта и за поручительствомъ Розенриттера: затруднивъ выдачу рукописи всевозможными формальностями, монастырскія власти, конечно, не допустили бы, чтобы Цельтисъ присвоилъ себѣ эту рукопись или выдалъ бы, вмѣсто нея, какую-либо другую; между тѣмъ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы между монастыремъ и Цельтисомъ была какая-либо непріятная переписка по поводу взятой имъ изъ монастыря рукописи. Если монастырь св. Эммерама и имѣлъ поводъ быть недоволенъ Цельтисомъ, то единственно за его безцеремонное отношеніе къ рукописи, такъ какъ вся она испорчена различными приписками и поправками, сдѣланными его рукою.

Ученые XV и XVI столѣтія обращались съ рукописями крайне небрежно и Цельтисъ, въ этомъ отношеніи, не составляетъ исключенія. Рукопись произведеній Росвиты находилась не менѣе 7 лѣтъ въ рукахъ Цельтиса, и не смотря на то, онъ не позаботился даже списать ее и отдать въ типографію, для набора, самый манускриптъ, въ данномъ случаѣ единственный,—при чемъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ,

¹⁾ То-есть, въ изданіи 1501 года.

²⁾ *Ruland* въ *Scriptum*, № 2, p. 18.

на поляхъ, позволилъ себѣ даже написать замѣтки для наборщиковъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Ille titulus praerponitur ibi: Mundi labentis“¹⁾; или: „Hic ensere argumentum“²⁾. Этою же небрежностію объясняется, что Цельтисъ, въ приведенномъ посвященіи, называетъ тонкій черкъ рукописи *littera ferme gothical*³⁾.

Небрежно относился Цельтисъ къ рукописи, небрежно и къ собственному ея изданію. Такъ, не объясняя причины и не имѣя ни малѣйшаго повода, онъ измѣнилъ въ своемъ изданіи тотъ порядокъ статей, какой приданъ имъ въ рукописи: мы видѣли, что въ Мюнхенскомъ кодексѣ помѣщены сперва „духовные стихи“, затѣмъ драмы; въ изданіи же Цельтиса драмы поставлены на первомъ мѣстѣ, при чемъ небольшое заявленіе Росвиты, служащее эпилогомъ для стиховъ и прологомъ для драмъ, утратило свой смыслъ, и тѣмъ не менѣе, оставлено Цельтисомъ и помѣщено послѣ драмъ и передъ стихами, то-есть, прямо противоположно самому смыслу заявленія⁴⁾. Мы видѣли, что въ Мюнхенскомъ кодексѣ, передъ каждою драмою Росвита помѣстила краткое содержаніе ея, *argumentum*; Цельтисъ написалъ подобныя же „содержанія“ и къ каждому духовному стиху, чего въ рукописи нѣтъ⁵⁾. Мюнхенскій кодексъ, бывшій у Цельтиса, начинается небольшимъ введеніемъ, написаннымъ прозою⁶⁾; Цельтисъ вставилъ предъ этимъ введеніемъ или предисловіемъ слѣдующую фразу: „Hrotsuithae illustris mulieris germane gente Saxonica orbe in opera sua carmine conscripta profacio feliciter incipit“⁷⁾. Цельтисъ не только исправляетъ нѣкоторые стихи⁸⁾, но вставляетъ свои собственные тамъ, гдѣ это ему кажется необходимымъ¹⁾, измѣняетъ, исправ-

¹⁾ Fol. 3, ap. *Ruland*, p. 21; ср. *Barack*, p. 8, v. 45.

²⁾ Fol. 2, ap. *Ruland*, p. 22; ср. *Barack*, p. 44, гдѣ *argumentum* не помѣщено.

³⁾ Это, по мнѣнію *Ruland*, p. 20, было бы даже необъяснимо, «wusste man nicht wie unbegreiflich eben jene Zeit des Celtis und seiner Nachfolger die Codices zu bezeichnen pflegte».

⁴⁾ *Magnin*, p. 453; *Barack*, p. 133. Celtis übersah, dass er durch diese Umstellung in Widerspruch mit sich und dem Codex gerieth. *Aschbach*, p. 13.

⁵⁾ *Klöpffel*, De vita et scriptis Conradi Celtis, первый замѣтилъ это: *Argumenta, quae singulis vitis praemittuntur, ut apertum est, Roswithae non sunt; sed uti verisimillimum est, Celtis editoris* (t. II, p. 88).

⁶⁾ *Hunc libellum etc.*, *Barack*, p. 1.

⁷⁾ *Ibid.*, *Ruland*, p. 20.

⁸⁾ Въ первомъ духовномъ стихѣ, v. 405: *Decreverunt populum concurrere cunctum*—Цельтисъ вставляетъ *mox* передъ *decreverunt*. *Barack*, p. 20.

⁹⁾ Въ стихѣ о св. Пелагій, v. 220: *Qui cum vidissent vultum capti speciosum*—весь принадлежитъ Цельтису. *Barack*, p. 70.

леть по собственному усмотрѣнію ¹⁾ и доходить, наконецъ, до того, что даже имя Росвиты пишеть различно: Hrosvita, Hrosuitha, Hrot-suitha....

Что первое изданіе произведеній Росвиты, сдѣланное Цельтисомъ, неудовлетворительно, было уже давно замѣчено; но лишь недавно, въ 1867 году, было высказано мнѣніе, что Цельтисъ издалъ въ 1501 году не произведенія Росвиты, а свои собственныя и своихъ друзей. „Форма и содержаніе мнимыхъ произведеній Росвиты“ говоритъ Ашбахъ, — „стремленія Цельтиса и намеки, встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ, наконецъ, многія не напечатанныя еще письма его друзей доказываютъ, что эти поэтическія произведенія составлены не саксонской монахиней Росвитой въ X столѣтіи, но Цельтисомъ и нѣкоторыми членами Рейнскаго ученаго общества въ эпоху возрожденія“ ²⁾. Доказательства, приводимыя Ашбахомъ, въ высшей степени интересны, такъ какъ онъ пользовался рукописнымъ сборникомъ писемъ Цельтиса ³⁾, и чрезвычайно оригинальны.

Въ вопросѣ о подлинности какой-либо рукописи, надписи, акта и вообще письменнаго документа, изслѣдованіе его содержанія, конечно, важнѣе изученія его формы; внѣшніе признаки—бумага, пергаментъ, камень, почеркъ, чернила и т. п., менѣе надежны, чѣмъ признаки внутренніе — языкъ, обороты и формы рѣчи, способъ счисленія при хронологическихъ отмѣткахъ, состояніе культуры и т. п. Изъ этого, впрочемъ, нисколько еще не слѣдуетъ, чтобы внѣшняя форма должна была быть оставлена безъ всякаго вниманія, какъ то дѣлаеть Ашбахъ, доказывая подложность Мюнхенскаго кодекса произведеній Росвиты. Если старшій библіотекаръ въ Вюрцбургѣ, Антонъ Руландъ, хорошо изслѣдовавшій Мюнхенскій кодексъ именно съ внѣшней стороны, признаеть его почеркъ „характеристическимъ тонкимъ почер-

¹⁾ См. подробное сличеніе кодекса съ первымъ изданіемъ у *Ruland, Serapient*, № 2, p. 17—25.

²⁾ *Aus der Form und dem Inhalte der angeblichen Roswitha'schen Werke, aus den Bestrebungen des Conrad Celes und manchen Andeutungen in seinen Schriften, aus mehreren bisher ungedruckten Briefen seiner Freunde sollen die Beweise beigebracht werden, dass jene poetischen Productionen nicht von der sächsischen Nonne Roswitha im zehnten Jahrhundert, sondern von Celtes und einigen Mitgliedern der rheinischen gelehrten Gesellschaft im Zeitalter des Humanismus ihre Entstehung erhalten haben. Aschbach, p. 2.*

³⁾ Въ императорско-королевской придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ хранится сборникъ писемъ, писанныхъ къ Цельтису его друзьями: *Codex epistolaris Celtisus*. Ашбахъ приводитъ отрывки изъ нѣсколькихъ писемъ.

комъ XI столѣтія¹⁾, — то Ашбахъ, не отвергая этого, довольствуется замѣчаніемъ, что „въ средніе вѣка были мастера поддѣлывать древніе почерки“²⁾; замѣчая въ кодексѣ нѣкоторыя оригинальныя особенности, Ашбахъ довольно наивно высказываетъ желаніе, чтобы знатоки въ палеографіи подвергли кодексъ возможно точному изслѣдованію³⁾; даже вопросъ о замѣчаніи Цельтиса, который характеризовалъ тонкій почеркъ выраженіемъ *litera ferme gothica*, оставленъ Ашбахомъ безъ изслѣдованія⁴⁾. Всѣ эти вопросы подлежали, прежде всего, изслѣдованію самаго Ашбаха, рѣшающагося отвергать подлинность всѣми признаннаго кодекса; взывать, въ настоящее время, къ палеографамъ о помощи, намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, крайне оригинальнымъ и вовсе несерьезнымъ способомъ, — а если палеографія подтвердитъ принадлежность кодекса XI столѣтію, не перейдетъ ли тогда положеніе Вѣнскаго профессора изъ несерьезнаго въ довольно смѣшное? Ашбахъ не останавливается на внѣшнихъ признакахъ, сознавая, вѣроятно, что они не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, послѣ того, какъ Перцъ и Яффѣ, не говоря уже о другихъ авторитетахъ въ подобныхъ вопросахъ, отнесли Мюнхенскій кодексъ къ концу X или къ началу XI столѣтія.

Не съ большимъ вниманіемъ относится Ашбахъ и къ нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ. Здѣсь, на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ вопросъ о языкѣ, какъ существеннѣйшій пунктъ для рѣшенія задачи—въ X, XI или въ XV столѣтіи писана рукопись произведеній Росвиты. Ашбахъ отнесся къ вопросу о языкѣ болѣе чѣмъ легко⁵⁾, и ограничился посвященіемъ ему слѣдующихъ, ничего не рѣшающихъ, пяти строчекъ: „Латинскій языкъ X столѣтія варвар-

1) Characteristisch-nette Schrift des XI Jahrhunderts. *Ruland* въ *Scraperum*, № 2, p. 19.

2) Die alterthümliche Schrift liefert keinen vollständigen Beweis für die Echtheit des Altes der Handschrift. Mann weiss, mit welcher Virtuosität angeblich alte Urkunden im Mittelalter vielfach gefälscht worden sind. *Aschbach*, p. 34, Anm. 1.

3) Es kommen in dem Codex einige Absonderlichkeiten vor, welche wie Anderes noch wohl von einem Paläographen näher zu untersuchen wären. *Ibid*.

4) Die Schrift ist keineswegs eine gothische, wie Celtes in der Vorrede sie bezeichnet. *Aschbach*, p. 77.

5) Ашбахъ, напримѣръ, говоритъ: Es wäre nicht uninteressant, im Einzelnen nachzuweisen, welche Idiotismen bei der Roswitha mit denen bei den deutschen Humanisten am Ende des XV Jahrh. übereinstimmen (p. 24, Anm. 1). Ваццъ на это прекрасно замѣтилъ: Es wäre das nicht blos interessant, sondern für seine Aufgabe nothwendig, ganz unerlässlich gewesen: mit blossen Behauptungen ohne Nachweis ist in der That gar nichts gethan (*Gött. gel. Anz.*, 1867, p. 1264).

скій и тяжелый, въ произведеніяхъ же Росвиты онъ довольно правиленъ, легокъ и походитъ на языкъ лучшихъ писателей XV столѣтія⁴⁾). Послѣ изданій Перца, и особенно, Барака, отмѣтившаго всѣ особенности кодекса и возстановившаго даже грамматическія неправильности языка⁵⁾), отзывъ Ашбаха не можетъ никого удовлетворить, такъ какъ всякому легко изучить языкъ Росвиты, не выдавъ даже кодекса. Изданіе Барака важно еще и потому, что въ немъ текстъ Мюнхенскаго кодекса, испорченный во многихъ мѣстахъ Цельтисомъ, возстановленъ по такъ-называемому Поммерсфельдскому списку⁶⁾), сдѣланному съ Мюнхенскаго кодекса до изуродованія его поправками Цельтиса.

Въ чемъ же заключаются особенности языка Росвиты, женщины и монахини?

Всѣ произведенія Росвиты дышатъ воодушевленіемъ къ побѣдѣ добродѣтели надъ порокомъ и исполнены хваленій въ честь Творца; такое настроеніе автора высказывается довольно ясно и въ языкѣ, въ выборѣ словъ для выраженія мыслей. Какъ монахиня, Росвита часто употребляетъ слова: *oltithronus*, *celsithronus*, *aethereus*, *lucisator*, *gaudimonium* и т. п.; какъ женщина, она любитъ уменьшительную форму: *gloriola*, *gratiola*, *pellicula*, *infantula*, *carminulus*, *tempusculum*, *amniculus* и т. п., особенно съ окончаніемъ *cola*: *christicola*—любимое слово Росвиты, *eremicola* и т. п.; чтимое монахиней слово *amen* служитъ нерѣдко приставкой къ окончанію словъ: *familamen*, *juvamen*, *peccamen*, и т. п.

Ашбахъ хочетъ увѣрить насъ, что языкъ Росвиты на столько пра-

⁴⁾ Die Latinität des zehnten Jahrhunderts war in der Wirklichkeit eine barbarische und ungentk, in unsern Dichtungen ist sie eine ziemlich correcte und gewandte, welche der im fünfzehnten Jahrhunderte bei den besten Schriftstellern vorkommenden entspricht. *Aschbach*, p. 24.

⁵⁾ Was diese Ausgabe (sc. Baracks) betrifft, so suchte sie sich aufs strengste dem Texte des Münchener Codex anzuschliessen. Nur in den Fällen, wo dieser einer augenscheinlichen Schreibfehler oder eine durchaus unwahrscheinliche Lesart aufwies, wurde von ihm abgewichen... Um in ihren leoninischen Versen und in ihren Dramen den Reim herzustellen, hat Hrotsvitha sehr häufig die Regeln der Grammatik hintangesetzt. Wie sich von selbst versteht, musste, sobald der Grund zu diesen grammatikalischen Unregelmässigkeiten vorlag, auf die ursprüngliche wenn gleich fehlerhafte Form des Codex zurückgegangen werden. *Barack*, p. LX.

⁶⁾ Pommerfelder Abschrift хранится въ графской Шенборнской (Schönborn) библиотекѣ, въ Поммерсфельдѣ; списокъ этотъ былъ сдѣланъ съ Мюнхенскаго кодекса равнѣ изданія его Цельтисомъ, и вѣроятно, для Тритгейма. *Klöpffel*, II, p. 81; *Perts* въ *Archiv*, B. IX, p. 534.

виденъ, что соотвѣтствуетъ скорѣе языку лучшихъ писателей XV столѣтія, нежели X вѣка; но намъ кажется, что ни одинъ гуманистъ, тѣмъ менѣе членъ Рейнскаго ученаго общества, не позволилъ бы себѣ такихъ сочетаній, какъ *vitaliter aura* ¹⁾, *spem habere mansuris bonis*, такихъ производствъ, какъ *penitius*—сравнительная степень отъ *penitus* ²⁾ Цельтисъ и его ученые друзья не составляли такихъ словъ, какъ *cunctigenus*, вмѣсто *omnigenus* ³⁾, или *insensatus* вмѣсто *mente destitatus* ⁴⁾; такихъ adverb., какъ *clarum* вмѣсто *clare* ⁵⁾, или *meatim* вмѣсто шео поге ⁶⁾; и вѣроятно, всѣ гуманисты знали латинскую грамоту на столько, чтобы не смѣшивать *hic* и *huc*, *illic* и *illuc* ⁷⁾ и не писать постоянно *istec* вм. *istic* ⁸⁾. Въ произведеніяхъ Росвиты часто встрѣчается древняя форма Infinitiv. на *ier* и Infin. fut. act. на *ire* ⁹⁾, что, конечно, могли знать въ XV столѣтіи и поддѣлать; но Цельтисъ, конечно, не благодарить Ашбаха за приписываемое ему, какъ „лучшему писателю XV столѣтія“, употребленіе Activ. вм. Passiv. (*volutes* вм. *voluteris* ¹⁰⁾, неправильностей спряженія, въ родѣ *fatigar* вм. *fatigabor* ¹¹⁾, *succensit* отъ *suscendo* ¹²⁾, неудачной постановки Imperf., Perf. и Plusquamperf. не тамъ, гдѣ слѣдуетъ ¹³⁾; каковой же гуманистъ употребить су-

¹⁾ *Maria*, v. 117: An frueretur adhuc calida *vitaliter aura*

²⁾ *Paphnutius*: est ne hic *penitius*, in quo possimus colloqui secretius? *Barack*, p. 251.

³⁾ *Maria*, v. 347: Praeponit sociis jam *cunctigenae* bonitatis.

⁴⁾ *Calimachus*: O *insensate* et *amens*! *Barack*, p. 197.

⁵⁾ *Agnes*, v. 420: A quo continuo *clarum* rutilante corona.

⁶⁾ *Sapientia*: Nolite, meae filiae, serpentinis hujus satanas lenociniis cor apponere, sed *meatim* pastidite. *Barack*, p. 277.

⁷⁾ *Passio s. Gongolfs*, v. 95: *Hic* ubi praeclarus senior deduxit ocellos *Passio s. Pelagii*, v. 328: *Illic* vela dabant citius corpusque levabant. Въ обоихъ случаяхъ неправильно.

⁸⁾ *Theophilus*, v. 62: *Istec* sed, fragilis tolerans patienter honoris. Здѣсь *istec* не опечатка — оно отмѣчено въ примѣчаніи; въ этомъ же духовномъ стихѣ оно встрѣчается еще два раза: vv. 154 и 296; встрѣчается оно и въ другихъ произведеніяхъ Росвиты, но *istic* не встрѣтилось ни разу.

⁹⁾ *Exponter*, *venerarier*, *reserarier*; actum *ire*, habitum *ire*; accepturum fore вм. esse. *Barack*, p. 47, 81, 137, 312, 18, 224.

¹⁰⁾ *Abraham*: Multum disconvenit, filia, ut, quae cum Dei genitrice *Maria* per mysterium nominis praemines in axe, inter sidera numquam casura, inferior meritis in terrae *volutes* infinis. *Barack*, p. 217.

¹¹⁾ *Abraham*: Nulla super his ultra sollicitudine *fatigar*. *Barack*, p. 283.

¹²⁾ *Pelagius*, v. 63: Sed si quos ignis Christi *succensit* amoris.

¹³⁾ *Barack*, p. 266 (*dignoreris*, Imperf. вм. Perf., ср. *Magnin*, p. 362), p. 189 (*esperirer*, Imperf. вм. Perf.); Plusquamperf. вм. Imperf. *Theophilus*, vv. 94, 100; *Agnes*, v. 69 и т. п.

ществительную форму *Infin. praes.* отъ *velle, posse, esse* ¹⁾? Неужели филологъ Целтысъ могъ употреблять сочетание: *spes de aliqua re* ²⁾? Мы привели лишь незначительную часть имѣющихся примѣровъ; но и приведенныхъ совершенно достаточно, чтобы показать несостоятельность увѣренія Ашбаха, будто языкъ произведеній Росвиты соответствуетъ XV, а не X столѣттю. Не смотря на знакомство съ Видукиндою и Руотгеромъ, современниками Росвиты, мы должны были употребить усиліе, чтобы вчитаться въ „духовные стихи“, особенно же въ „драмы“ саксонской монахини, хотя относительно языка Видукинда мы охотнѣе раздѣляемъ мнѣніе Ваттенбаха, чѣмъ Вайца ³⁾. Не беремся рѣшить, кому отдать предпочтеніе относительно языка, Видукинду или Росвитѣ, но утверждаемъ, что Ашбахъ былъ слишкомъ пристрастенъ къ Росвитѣ, когда писалъ: *Die Latinität von Roswitha ist eine ziemlich correcte und gewandte, welche der im fünfzehnten Jahrhunderte bei den besten Schriftstellern vorkommenden entspricht*“. Подобное увѣреніе, ничѣмъ не доказанное, ни мало не служитъ въ пользу той предвзятой мысли, ради которой оно написано.

Передавая вкратцѣ содержаніе „духовныхъ стиховъ“, мы привели нѣсколько отрывковъ, изъ которыхъ можно видѣть, что Росвита писала леонинскимъ или риэмованнымъ стихомъ гекзаметромъ; Ашбахъ находитъ, что гекзаметры Росвиты слишкомъ хороши для X столѣтія, что цѣлыя произведенія, писанныя леонинскимъ гекзаметромъ, встрѣчаются лишь въ XIV и XV столѣтіяхъ ⁴⁾. Не находя особой прелести въ гекзаметрахъ Росвиты, должно признать, что Я. Гриммъ, судья въ данномъ случаѣ наиболѣе компетентный, имѣлъ основанія отличить эти гекзаметры отъ современныхъ имъ и поставить ихъ выше

¹⁾ *Sapientia*: Quapropter scito, nostrum *velle*, nostrum *consentire*, nostrum *sapere* unum idemque esse, nec me in ullo umquam illis dissidere. *Baraek*, p. 293.

²⁾ *Gallicanus*: *Stabilitas vestrae fidei spem mihi excitat de credulitate Gallicani*. *Baraek*, p. 154.

³⁾ Die schwerfüllige, von Fehlern keineswegs freie Sprache Widukiuds ablegt kein günstiges Zeugnis von den gelehrten Studien in Korvei. *Wattenbach*, *Deut. Geschichtsq.*, 1866, p. 214. Ср. *Waits*, въ *Gott. gel. Anz.*, 1867. p. 12.140.

⁴⁾ Die Versification, wie sie sich in den lateinischen Gedichten des zehnten und elften Jahrhunderts vorfindet, mit den leoninischen Hexametern und Pentametern ist ziemlich unvollkommen: es sind schwache Anläufe zu dem, was in einer gewissen Vollendung in den Roswitha'schen Gedichten geboten wird. Auf diesen Grad der formellen poetischen Ausbildung war man erst im zwölften Jahrhundert und später gekommen. Ueberhaupt ist der Gebrauch der leoninischen Verse durch ganze Dichtungen ein späterer, der erst im 140 der 15 Jahrhundert sich verbreitete. *Aschbach*, p. 25, *Anm.* 1.

убогихъ двустипшій XII вѣка ¹⁾). Какимъ же образомъ достоинство гекзаметровъ Росвиты можетъ служить доводомъ къ ея уничтоженію? Апбахъ не приводитъ доказательствъ осужденію, высказанному такъ рѣзко. Гекзаметры были обычною формою стихотвореній того времени и именно леоповскіе, съ тупою рѣзкою ²⁾). Росвита употребляла еще другой метръ, встрѣчающійся въ X вѣкѣ довольно рѣдко, именно элегическое сочетаніе леоповскаго гекзаметра съ пентаметромъ, иногда рѣмованнымъ. Подобное сочетаніе чрезвычайно соотвѣтствуетъ цѣли и настроенію церковныхъ пѣсней и духовныхъ стиховъ; позже, въ XII и XIII столѣтіяхъ, оно встрѣчается довольно часто, у Росвиты же составляетъ исключеніе, — имъ написали лишь духовный стихъ о св. Гонгольфѣ и четыре мелкія стихотворенія ³⁾).

Апбахъ проходитъ молчаніемъ прозу Росвиты, между тѣмъ какъ эта проза даетъ возможность правильнѣе судить и о стихахъ саксонской монахини. Изъ всѣхъ произведеній Росвиты написаны прозою только шесть драмъ, но эта проза такова, что уже давно въ ней были замѣчены рѣомы ⁴⁾). Въ этомъ отношеніи разсматриваемыя драмы

¹⁾ Die Vergleichung der sogenannten Roswitha'schen Versification mit andern Dichtungen des X und XI Jahrh. zeigt uns wesentliche Unterschiede. Wie verschieden klingen die Distichen der XII Jahrh. von leoninischen Versen des X. J. Grimm und A. Schmeller, Latein. Gedichte des X und XI Jahrh., 1837, p. 305.

²⁾ Ibid p. XXIV. Рѣмованный гекзаметръ называется *леоповскимъ*, вѣроятно, вслѣдствіе того, что монахъ сень-викторскій *Leontius*, XII столѣтія, рѣмовалъ полустишія своихъ гекзаметровъ. Такія рѣомы встрѣчаются и у древнихъ писателей, у Виргилія и Овидія. Леоповскій стихъ монотоненъ, утомителенъ и пригоденъ лишь для духовныхъ произведеній средневѣковой музыки. Кажется, Росвита сознавала это, и въ стихѣ о дѣяніяхъ Оттона она нерѣдко старается усилить впечатлѣніе подборомъ такихъ словъ, которыя наиболѣе выражаютъ мысль своимъ вышнимъ звукомъ:

v. 582: Clausam carcercis claustris servare cubilis.

v. 696: Albus accinctas altis intraverat otas.

³⁾ Passio s. Gongolfi martyris; посвященіе Герберга первой книги (12 строкъ), предисловіе къ стиху о св. Маріи (44 строки), посвященіе Герберга послѣднихъ трехъ стиховъ (6 строкъ) и, наконецъ, приведенная нами выше (стр. 14, прим. 3) стихотворная забава въ 8 строкъ.

⁴⁾ *Bendixen*, Comodiae Hrotsuitae. Lfbeck, 1858, хотѣлъ даже переложить эту рѣмованную прозу въ гекзаметры, но это ему не удалось. Такимъ же способомъ написаны: письмо къ ученымъ покровителямъ и посвященіе Герберга, которыя мы привели выше въ дословномъ переводѣ (см. стр. 17). Какова именно эта рѣмованная проза, видно изъ слѣдующихъ прѣирочъ, въ которыхъ, для

тѣмъ оригинальнѣе, что въ нихъ эта „риемованная проза“ употребляется не постоянно и перемѣшана съ чистою прозою, такъ что, собственно говоря, слогъ драмы не представляетъ ни прозу, ни поэзію, а скорѣе полупрозаическую и полупоэтическую форму ¹⁾. Эта форма намъ, Русскимъ, хорошо извѣстна изъ нашихъ народныхъ сказокъ, слушаая которыя, не доумѣваешь, прозой или стихами говорить разказчикъ; на Западѣ, она употреблялась за нѣсколько столѣтій до появления Росвиты, и ею написаны даже такія большія сравнительно произведенія, какъ житіе св. Галла ²⁾, основателя знаменитаго Сентъ-галленскаго монастыря. Еслибъ Амбахъ обратилъ вниманіе на „риемованную прозу“ Росвиты, то конечно, ея „риемованный гекзаметръ“ представился бы ему въ иномъ свѣтѣ“ ³⁾.

большей очевидности, прозаическія строки переданы нами въ стихотворной формѣ:

- 1) воины въ драмѣ «Dulcinius» говорятъ (Barack, p. 183):

Frustra sudamus,
In vanum laboramus.
Ecce, vestimenta
Virgineis corporibus inhaerent velut coria.

- 2) «Calimachus», воскресенный св. Іоанномъ, говоритъ (Barack, p. 204):

Nam nimium confundor,
Cordetenus contristor,
Auxio,
Gemo,
Doleo super gravi impietate mea.

- 3) трактирщикъ въ драмѣ «Abraham» говоритъ Маріи (Ibid. p. 227):

Fortunata Maria,
Lactare, quia
Non solum, ut hactenus, tui coeivi,
Sed etiam senio jam confecti
Te adeunt
Te ad amandum confluunt.

¹⁾ Die Dramen Hrotsvitha's tragen das Eigenthümliche an sich, dass sie in einer Form geschrieben sind, die weder mit den gewöhnlichen Prosa, noch auch mit der metrisch gebundenen Form der Poesie identificirt werden kann; es ist eine eigenthümliche, halbpoetische und halbprosaische, Form. Barack, p. XLIII.

²⁾ Vita s. Galli abbatis et fundatoris coenobii Sangallensis, auctore anonymo, ap. Pertz, II, p. 1.

³⁾ G. Freitag, De Hrotsvitha poetria, 1839, 12 и сл., подробно разсматриваетъ вопросъ о версификаціи въ произведеніяхъ Росвиты.

Въ предисловіи къ драмамъ Росвита сама говоритъ, что ими она желала вытѣснить чтеніе Теренція, слишкомъ распространенное ¹⁾. Какъ драмы, такъ и стихи Росвиты обличаютъ въ ней знакомство съ Горациемъ, Virgiliemъ, Овидіемъ и особенно съ Плавтомъ; слѣды вліянія Плавта встрѣчаются чаще, и они замѣтнѣе, чѣмъ заимствования и подражанія Теренцію. Ашбахъ же находитъ, что кругъ древнихъ классиковъ, читавшихся въ эпоху Оттоновъ, былъ довольно ограниченъ и не простирался далѣе Virgiliа, Lucana, Stacia и Horacia; что Овидій и Теренцій рѣдко или вовсе не читались, и что сомнительно—еще былъ ли даже Плавтъ извѣстенъ Германіи въ X вѣкѣ ²⁾. Затронувъ такой серьезный вопросъ, Ашбахъ не считалъ уже возможнымъ оставить его безъ доказательства; но его доказательства такъ оригинальны, что мы вынуждены привести ихъ полностью: въ подтвержденіе своихъ словъ,—что въ X столѣтіи не читали Овидія и Теренція, а о Плавтѣ вовсе не знали,—Ашбахъ говоритъ, что „Алкуинъ, пользовавшійся болѣе, чѣмъ какой-либо другой ученый VIII столѣтія классиками въ Йоркской архіепископской библиотекѣ, не упоминаетъ въ числѣ римскихъ поэтовъ, имѣвшихся въ этой библиотекѣ, ни Теренція, ни Овидія ни Плавта“ ³⁾. Въ доказательство мнѣнія о Германіи X столѣтія приводится извѣстіе объ Англіи VIII вѣка!... Алкуинъ вообще жаловался Карлу даже въ 801 году, что во Франціи нѣтъ тѣхъ книгъ, какія находятся въ Британіи ⁴⁾, но при чемъ же тутъ Германія времени Оттоновъ? Относительно заботъ о просвѣщеніи своего народа, Оттонъ I не уступаетъ Карлу Великому: не смотря на то, что Оттонъ не получилъ образованія, лишь въ зрѣломъ возрастѣ „изу-

¹⁾ Sunt etiam alii, qui, licet alia gentilium spernant, Terentii autem pingmenta frequentius lectitant. *Barack*, p. 137. См. переводъ выше.

²⁾ Der Kreis der alten Classiker war ziemlich beschränkter; er ging nicht viel über Virgil, Lucan, Statius und Horaz hinaus; selten oder gar nichts wurden Ovid und Terenz gelesen, und es ist zweifelhaft, ob im zehnten Jahrhundert Plautus überhaupt nur in Deutschland bekannt war. *Aschbach*, p. 25.

³⁾ Alcuin, der mehr als irgend ein anderer Gelehrter des achten Jahrhunderts classische Bücher in der erzbischöflichen Yorker Bibliothek benutzte, erwähnt unter den dort vorhandenen römischen Dichtern weder Terenz und Ovid, noch Plautus. *Aschbach*, p. 26, Anm. 1.

⁴⁾ Ea parte desunt mihi servulo vestro exquisitores eruditionis scholasticae libelli, quos habui in patria per bonam et devotissimam magistri mei industriam vel etiam mei ipsius qualemcumque sudorem. Ideo haec vestrae excellentiae dico ne forte vestro placeat totius sapientiae consilio ut aliquos ex pueris nostris remittam, qui excipiant unde nobis necessaria et revehant in Franciam flores Britanniae (Ep. 43, Coll. *Migne*, t. c.).

чилъ грамату“¹⁾ и до конца жизни былъ въ ней нетвердъ²⁾, онъ не жалѣлъ средствъ для привлеченія въ Германію знаменитыхъ ученыхъ: Гунцонъ и Стефанъ Наварскіе, Ратгерій Веронскій, Лудпрандъ Кремонскій, Эггардъ Сентъ-Галленскій, Гербертъ, Отрикъ Магдебургскій и многіе другіе схоластики и грамматики распространяютъ просвѣщеніе въ Германіи X вѣка; именно въ саксонскихъ монастыряхъ проявляется литературная дѣятельность, и монастыри въ Гандерсгеймѣ, Корвеѣ, Кведлинбургѣ, Гильдесгеймѣ, Магдебургѣ и Мерзебургѣ становятся центрами современной учености. Въ X столѣтіи, классическіе поэты, и именно: Овидій, Теренцій, Плавтъ, были извѣстны въ монастыряхъ Ломбардіи и Франціи, не только Германіи³⁾. Ашбахъ оказалъ бы большую услугу исторической наукѣ, если бы дѣйствительно доказалъ, что въ саксонскихъ монастыряхъ X столѣтія не было рукописей тѣхъ классиковъ, которые были въ ломбардскихъ и французскихъ.

Таковы доводы Ашбаха противъ формы произведеній Росвиты. „Не только одна форма, но и содержаніе противорѣчитъ“, по мнѣнію Ашбаха, „тому, что ихъ авторомъ была монахиня“⁴⁾. Мы довольно подробно познакомились уже съ содержаніемъ тѣхъ произведеній Росвиты, которыя записаны въ Мюнхенскомъ кодексѣ, и намъ остается только обратить вниманіе на тѣ именно мѣста, на которыя указываетъ Ашбахъ, находя, что они не могли принадлежать перу женщины-монахини.

Первая книга Мюнхенскаго кодекса запята „духовными стихами“, въ которыхъ Росвита разказала почти дословно содержаніе легендъ, житій святыхъ, придавъ своему разказу форму гекзаметровъ. Чтѣ же въ этомъ необыкновеннаго? Современникъ Росвиты, и подобно ей, монахъ, бенедиктинецъ Видукинъ также точно занимался составленіемъ разказовъ по легендамъ, прежде чѣмъ приступилъ къ своему

¹⁾ Widuk., l. II, cap. 36, ap. Pertz, III, 172.

²⁾ Flodvard., ap. Pertz, III, p. 396; Casus S. Galli Mon., ap. Pertz, II, 139, 146.

³⁾ Въ каталогъ бібліотеки аббатства Боббіо, въ Ломбардіи, составленномъ въ X вѣкѣ, помѣщены между прочимъ слѣдующіе классическіе поэты: Juvenalis II et in uno ex his habetur Martialis et Persius; in uno vol. habemus Persium; Lib. Ovidii Nasonis II; Lib. Terentii, II (*Muratori, Antiq. Ital.*, III, 818). Въ монастырѣ Корби (Corbie, близъ Амьена) были, между прочимъ, рукописи: *Terentius cum Stacio Thebaidos; Ovidius; Persius; Juvenalis (Delisle, Bibl. de l'école des Chartes, v. XXI, p. 138).*

⁴⁾ Aber nicht allein die Form, sondern auch der Inhalt der Dichtungen spricht dagegen, dass eine Nonne ihre Verfasserin gewesen. *Aschbach, p. 27.*

историческому труду. Въ первой главѣ первой книги своихъ *Res gestae Saxonicae* Видукинъ говоритъ: „Пусть никто не удивляется, что, посвятивъ первымъ мои произведенія прославленію побѣдъ подвижниковъ Всевышняго Повелителя, я хочу теперь описать дѣянія нашихъ герцоговъ“¹⁾. Какъ Росвита, такъ и Видукинъ перерабатывали матеріалъ, представляемый легендами, съ единственною цѣлью доставить современникамъ навидательное чтеніе; передѣлки Видукинда не дошли до насъ, но вѣроятно, и онъ, подобно Росвитѣ, точно придерживался содержанія и смысла легендъ. Росвита въ этомъ отношеніи была до крайности щепетильна²⁾, и намъ удалось встрѣтить только двѣ прибавки, чисто впрочемъ, поэтическаго характера, которыя мы и отмѣтили въ своемъ мѣстѣ.

Изъ замѣчаній Ашбахъ относительно „духовныхъ стиховъ“, нѣкоторыя носятъ явные слѣды пристрастія, желанія, во что бы то ни стало, увидѣть подлогъ. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что три части перваго стиха разнятся языкомъ и „могли быть написаны“ различными авторами³⁾. Другія замѣчанія обличаютъ въ Ашбахѣ самосверхностное знакомство съ тѣми произведеніями, о которыхъ онъ говоритъ: такъ, мы замѣтили уже, что содержаніе заключительныхъ строкъ втораго стиха передано имъ невѣрно; далѣе, говоря о седьмомъ стихѣ, описывающемъ страданія св. Діонисія, Ашбахъ даже не подозреваетъ, что стихъ составленъ по житіямъ двухъ различныхъ Діонисіевъ, и павивно приписываетъ Діонисію Арсепаниту путешествіе въ Галлію и мученичество Діонисія Гальскаго⁴⁾. Упомянувъ о третьемъ стихѣ — *Passio s. Gongolfi* — Ашбахъ замѣчаетъ, что характеристика развратной жены Гонгольфа „не соотвѣтствуетъ мыслимъ и воззрѣніямъ благочестивой монахини“⁵⁾. Ашбахъ довольно часто высказываетъ по-

¹⁾ Widuk. I. I, cap. I., ap. Pertz, III, p. 1.

²⁾ Die Entwicklung ist ängstlich getreu nach der Legende; die Erzählung stimmt genau überein mit der der Bollandisten и т. п. Barack, p. XX sqq.

³⁾ Es ist das umfangreichste Stück, in drei Abtheilungen, welche in der Sprache sich nicht ganz gleich sind, so dass sie von verschiedenen Verfassern *geschrieben sein könnten*. *Aschbach*, p. 19. Ашбахъ сознаетъ, что разницы въ языкѣ есть, и не говоритъ, что эти три части не могли быть писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ; ему нужно только набросить тѣнь и онъ самъ, выражаясь крайне уклончиво, лишаетъ свое замѣчаніе всякаго значенія.

⁴⁾ *Passio s. Dionysii egregii martyris* erzählt die Geschichte des ersten Bischof, von Alten, womit dessen Reisen nach Aegypten und *seine* Studien in der Astronomie, endlich *seine* Wanderung nach Gallien und *sein* Martyrerthum daselbst verflochten wird. *Aschbach*, p. 22.

⁵⁾ Die Charakterzeichnung von dem verworfenen Weibe des burgundischen Prinzen

добное мнѣніе не только относительно стиховъ, но и драмъ Росвиты, забывая, конечно, что эти воззрѣнія и мысли были почерпнаты изъ легендъ, изъ житій святыхъ, которыя во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ составляли и составляютъ по настоящее время любимое, послѣ Священнаго Писанія, чтеніе монаховъ и монахинь; что, по уставу св. Бенедикта, для подобнаго чтенія назначались особые часы. Правила св. Бенедикта предписываютъ: „Во время великаго поста—съ утра до третьяго часа заниматься чтеніемъ; въ эти дни пусть всякій беретъ книги изъ бібліотеки и читаетъ ихъ *всѣ по порядку*. Одинъ или двое изъ старцевъ должны обходить монастырь и смотрѣть, нѣтъ ли между братьями какого-либо лѣннива, который предается праздности или болтовнѣ, вмѣсто того, чтобы заниматься чтеніемъ. По воскреснымъ днямъ *всѣ ртнительно* должны посвящать время чтенію“¹⁾. Гандерсгеймскій монастырь слѣдовалъ уставу св. Бенедикта; Росвита была обязана читать, и конечно, читала *всѣ по порядку* имѣвшіяся въ монастырѣ книги, въ числѣ которыхъ житія святыхъ занимали первое мѣсто въ книгохранилищѣ, послѣ *библиотеки*²⁾, то-есть, Священнаго Писанія. Доморощенная мораль можетъ находить чтеніе легендъ „вреднымъ и опаснымъ“³⁾, здравый смыслъ — скучнымъ и бесплоднымъ; но историкъ не имѣетъ права игнорировать факты и не долженъ произносить обвинительный приговоръ, противорѣчащій попятіямъ вѣка и

Gongolf ents, richt wenig der Gedankenwelt einer frommen in Zurttckgezogenheit lebenden Nonne. *Aschbach*, p. 20.

¹⁾ *Muratori*, Scr. rer. Ital., IV, p. 209.

²⁾ Въ средніе вѣка всякое книгохранилище называлось *armarium*; подъ словомъ же *bibliotheca* разумалось спеціально собраніе книгъ Ветхаго и Новаго Завета: *Unam bibliothecam id est sacrorum biblicorum codicem* (*Mabill.*, *Annal. ord. s. Ren.*, IV, p. 405); *Bibliothecam optimam continentem vetus et novum Testamentum* (*Achery*, *Spicil. vet. script.*, II, 281). Еврардъ, графъ Теруанскій, такъ перечисляетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи тѣ книги, которыми онъ даритъ: *In prima volumina ut Unroch habeat: Psalterium nostrum duplum; Bibliothecam nostram; Librum s. Augustini de verbis Domini etc.* (*Ibid*, p. 877).

³⁾ Selbst wenn zugestanden werden muss, dass die Roswitha'schen Legenden eine sittliche Tendenz verfolgten, mit lebhaften Farben die Bestrafungen des Lasters angaben und den Triumph der Tugend vesterrlichten, so wird man doch nicht umhin können, eine derartige Lectüre für unverderbte Gemüther schädlich, gefährlich und keineswegs empfehlenswerth zu finden. Jene Legenden stehen dann ungefähr auf gleicher Linie mit manchen modernen Tugendromanen, welche die Phantasie jugendlicher Gemüther in eine falsche Richtung bringen, und sie anstatt für Sittlichkeit und geistige Erhebung zu gewinnen, den Verlockungen des Lasters entgegenführen. *Aschbach*, p. 27.

положенію обвиняемаго лица. Росвита менѣе всего можетъ подлежать въ этомъ отношеніи обвиненію: мы видѣли, что именно въ стихѣ о св. Гонгольфѣ Росвита умолчала о нескромныхъ отъѣвахъ Ганей по поводу чудесъ мужа.

Изъ восьми духовныхъ стиховъ Росвиты, Ашбахъ обращаетъ особенное вниманіе на четвертый—*Passio s. Pelagii*, посвящая ему особую главу въ своей брошюрѣ¹⁾. Ашбахъ разсматриваетъ прежде всего краткое содержаніе (*argumentum*), предпосланное стиху, и удивляется, что оно не соотвѣтствуетъ содержанію самаго стиха²⁾. Дѣйствительно, въ стихѣ Целагій названъ сыномъ Галліційскаго короля³⁾, въ содержаніи — Кордовскаго гражданина⁴⁾; въ стихѣ Абдеррахманъ завоевываетъ Галицію⁵⁾, въ содержаніи — Кордову⁶⁾; наконецъ, въ содержаніи Абдеррахманъ ложно названъ мавританскимъ тираномъ⁷⁾. Страннымъ образомъ, Ашбахъ видитъ въ этомъ доказательство, что стихъ поддѣланъ Цельтисомъ⁸⁾, между тѣмъ, какъ разность между стихомъ и содержаніемъ свидѣтельствуетъ, что именно Цельтисъ никомъ образомъ не могъ быть составителемъ стиха! Дѣло въ томъ, что краткое содержаніе къ стиху о св. Целагій, какъ и ко всѣмъ стихамъ, составлено именно Цельтисомъ; если Цельтисъ былъ авторомъ стиха, какимъ образомъ могла произойти разница между стихомъ и содержаніемъ? Обращаясь къ самому стиху и видя въ немъ историческія невѣрности, Ашбахъ заключаетъ, что стихъ писанъ не въ X, а въ XV вѣкѣ, такъ какъ въ X столѣтіи этотъ эпизодъ изъ исторіи Испаніи былъ извѣстенъ въ Германіи лучше и вѣрнѣе⁹⁾, чѣмъ въ XV столѣтіи. Когда же и какая легенда сообразовалась съ историческою истиною³⁾, и вообще, по самому существованію дѣла, возможно ли

¹⁾ 2 Nachtrag. Ueber die Roswitha'sche Legende des heil. Pelagius. Aschbach. p. 91.

²⁾ Es ist auffallend, dass das Argumentum, welches Celtes in seiner Ausgabe der Legende vorausschickt, mit dem versificirten Inhalte derselben nicht übereinstimmt. Ibid., p. 91.

³⁾ Barack, p. 69.

⁴⁾ Aschbach, p. 91, Anm. 2.

⁵⁾ Barack, p. 68, v. 100.

⁶⁾ Cum Cordubam cepisset.

⁷⁾ Abdrahmen, Mauritaniae tyrannus.

⁸⁾ Diese Legende gibt mehrere wichtige Anhaltspunkte bei der Untersuchung über die Celtes'sche Fälschung. Aschbach, p. 91.

⁹⁾ Aschbach, p. 94.

¹⁰⁾ Исторія такъ передаетъ извѣстіе о св. Пелагій: Pro isto Hermogio episcopo

предъявлять къ легендѣ подобныя требованія? Легенда никогда еще не стѣснялась ни временемъ, ни мѣстомъ, ни какими-либо иными соображеніями, кромѣ „назиданія сердца во спасеніи“, которое составляетъ ея цѣль. Казнь Пелагія произвела большое впечатлѣніе на современниковъ; по поводу ея составлялись и передавались изъ устъ въ уста самыя разнорѣчивыя разказы, и чѣмъ болѣе противорѣчили разказы естественности, возможности, тѣмъ болѣе вѣруша въ себя довѣрія; народная фантазія скоро овладѣла имъ и изукрасила своими вымыслами. Одинъ изъ такихъ вымысловъ дошелъ до монахинь Гандерсгеймскаго монастыря; Росвита изукрасила его поэтическими описаніями мѣстности, лицъ, чудесъ, и такимъ образомъ, составилъ тотъ стихъ, который, подобно всякой легендѣ, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ нѣчто исторически-достоверное. Берега Гвадалквивира, при которомъ стоитъ Кордова, плоскіе, безъ скалъ и утесовъ, являются подъ перомъ Росвиты совершенно иными:

v. 286. Funda Pelagium jacentes martyrijandum
 Urbis famosae traus maxima mornia longe.
 Sed licet ingentes obstantes undique ripas
 Artarent textis corpus frædulce cadentis,
 Altamen illæsus Christi permansit amicus.
 Certe regales citius pervenit ad aures,
 Martyris allisi corpus non posse secari,
 Infigi scopulis ripæ quod jussit acutis и т. д. ¹⁾.

Строже, чѣмъ въ духовнымъ стихамъ, относится Ашбахъ къ драмамъ Росвиты, которыя онъ называетъ комедіями ²⁾.

ingressus est subrinus ejus v. Pelagius Cordubam. Deinde posuerunt in carcere, qui postea pervenit ad martyrium. *Aschbach*, p. 92. Ср. *Schäfer*, II, 179.

¹⁾ *Barack*, p. 73. Испанскій комментаторъ легенды о св. Пелагіи върнѣе Ашбаха оцѣнилъ приведенное описаніе мѣстности въ стихѣ Росвиты, называя его *inventæ poetriæ*. Acta Sanct., Febr., I, 480.

²⁾ Росвита нигдѣ не называетъ своихъ драмъ комедіями. Первый Цельтнеръ придалъ имъ такое названіе, вписавъ своею рукою въ Мюнхенскій кодексъ выраженіе: *præfatio in comadias*, которое вошло въ его изданіе и повторялось затѣмъ всѣми до тѣхъ поръ, пока *Magnin*, p. 454, и за нимъ *Barack*, p. XXXII, не обратила вниманія на неточность такого опредѣленія этихъ произведеній Росвиты. Драмы Росвиты — не комедіи: ихъ содержаніе исполнено трагизма и комическій элементъ выступаетъ лишь во второй драмѣ (*Dulcitius*); сама Росвита называетъ ихъ драмами и не могла назвать комедіями уже и потому, что въ средніе вѣка подъ комедіей разумѣли болѣе энической разказы, чѣмъ представленіе дѣйствій въ діалогѣ; поэтому-то Данте и называлъ свое произведеніе

Что такое драмы Росвиты? Въ предисловіи ко второй части своихъ произведеній, заключающей въ себѣ драмы, Росвита говоритъ что она подражала въ нихъ Теренцію, желая „прославить достойную хвалы чистоту святыхъ дѣлъ тою же формою произведеній, какою возвеличены безбожныя непотребства безстыдныхъ женщинъ“ ¹⁾. Изъ словъ Росвиты видно уже, что ея подражаніе Теренцію имѣеть отрицательный характеръ. Росвита писала свои драмы исключительно съ тою цѣлю, чтобы дать современникамъ пріятное чтеніе, которымъ могъ бы быть замѣненъ Теренцій, такъ какъ „его вымысли пятнають читателей позваніями вещей непотребныхъ“ ²⁾. Драмы Росвиты предназначались ею самою для чтенія; тѣмъ не менѣе, нѣкоторые находятъ, что эти драмы были представляемы на сценѣ. Росвита писала свои драмы, чтобы вытѣснить Теренція изъ чтенія, по не со сцены; Теренція, вѣроятно, не представляли въ монастыряхъ X столѣтія: откуда же явилось предположеніе, что драмы Росвиты писаны для сцены? Менѣе всего, конечно, изъ самихъ драмъ,—не говоря уже о томъ, что въ нихъ являются лошади и змѣи, самое мѣсто дѣйствія мѣняется слишкомъ часто и слишкомъ рѣзко; такъ, въ „Галликанѣ“ дѣйствіе переходитъ съ улицы Рима въ долину Тиракіи. Французскій переводчикъ драмъ, Маньенъ, первый высказалъ, что драмы Росвиты не только читались, но и представлялись ³⁾; онъ напелъ даже въ самихъ драмахъ указаніе для игры актеровъ, дидакаліи, и такъ какъ такихъ дидакалій онъ могъ привести только двѣ, то напомнилъ, что и въ древнихъ драматическихъ произведеніяхъ они были довольно рѣдки ⁴⁾. Обѣ дидакаліи отысканы Манье-

комедіей. Ашбахъ, сядуя Цельтису, продолжаетъ называть драмы Росвиты комедіями.

¹⁾ Unde ego non recusavi illum imitari dictando, dum alii volunt legendo, quo eodem dictationis genere, quo turpia lascivarum incesta recitabantur, laudabilis sacram castimonia virginum celebraretur. *Baruck*, p. 137.

²⁾ Sunt alii, qui Terentii pingmenta frequentius lectitant, et, dum dulcedine sermonis delectantur, nefandarum notitia rerum maculantur. *Ibid.*

³⁾ Les piéces de Hrotsvitha n'étaient pas seulement destinées à être lues, mais elles ont dû être représentées. *Magnin*, p. XLII. Die sinnlich anschauliche Darstellung, die Personen, Scenen und Zeitveränderung — das alles würde uns zur Annahme nöthigen, dass Hrotsvitha's Stücke für die Bühne geschrieben waren, wenn auch nicht sonst manche Einzelheiten in Wort und Ausdruck bezeugten, dass die Darsteller zum Publicum sprechen sollten. *Löher*, Hrotsvitha und ihre Zeit, *номощ. въ Wissenschaftl. Vorträge, gehalten zu München*, 1858, p. 497.

⁴⁾ Les notes indicatives du jeu des acteurs, que les grammairiens grecs appe-

номъ по недоразумѣнiю: первая основана на превратномъ чтенiи текста ¹⁾, вторая — на невѣрномъ его пониманiи ²⁾. Что драмы Росвиты не ставились на сцену, которой ранѣ XII столѣтiя и не было въ Германiи ³⁾, было доказано за десять лѣтъ до появленiя брошюры Ашбаха ⁴⁾; и тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ повторять миѣнiе ⁴⁾, ни на чемъ не основанное и противорѣчащее словамъ самой Росвиты. Трудно себѣ даже представить, какова могла быть *mise en scène* въ X столѣтiи?

Содержанiе трехъ первыхъ драмъ Росвиты—*Gallicanus*, *Dulcitus*, *Callimachus*—и шестой, послѣдней—*Sapientia*,—не беспокоитъ Ашбаха и онъ останавливаетъ свое вниманiе лишь на четвертой и пятой—*Abraham* и *Parhutius*. Эти драмы сходны между собою по содержанiю: въ обѣихъ пустынники покидаютъ свое отшельничество и идутъ въ города спасать погибшихъ женщинъ. „Должно удивляться смѣлости“, говоритъ Ашбахъ, „приписывать составленiе обѣихъ пьесъ, представляющихъ такiя соблазнительныя сцены, монахинѣ непорочной и чуждой суетѣ мира“ ⁵⁾. Мы перевели уже одну изъ этихъ „соблазнительныхъ“ сценъ ⁷⁾, предоставляя исѣмъ судить, — во что обращались эти соблазны подѣ перомъ Росвиты; приводимъ и вторую подобную же сцену, изъ пятой драмы:

laient *didascalies*, se rencontrent, comme on sait, fort rarement dans les ouvrages dramatiques anciens. Ibid. p. 457.

¹⁾ *Constantia*: Placet, introducuntur honorifice (*Barack*, p. 153). *Magnin* же, p. 42, прочелъ *introducuntur* и напечаталъ: Placet (introducuntur honorifice), то есть, Хорошо (ихъ вводятъ съ почетомъ). Чтобы не было сомнѣнiя въ этой первой *didascalii*, Маньенъ при словѣ *introducuntur* дѣлаетъ выноску: *sic codex*, между тѣмъ какъ въ рукописи стоитъ именно ненавистное *a*: *introducuntur*.

²⁾ *Tribuni*: Praeceede, collectim comitantur (*Barack*, p. 155). Понимая это по своему, Маньенъ заключилъ два послѣднiя слова въ скобки и перевелъ: *Предводительствомъ нами (трибуны группами слѣдуютъ за Галликаномъ)*, причеиъ дѣлалъ выноску: *Verba collectim comitantur unciis inclusa didascalium, id est, quid sit agendum in scena a ludentibus* (p. 50, n. b).

³⁾ *Mone*, Schauspiele des Mittelalters, I, p. 1.

⁴⁾ *Barack*, p. XXXIX.

⁵⁾ Nicht mit Unrecht hat man behauptet, dass die Roswitha'schen Dramen für die scenische Aufführung bestimmt gewesen. *Aschbach*, p. 37.

⁶⁾ Man muss erstaunen über die Kühnheit, die Autorschaft der beiden Stücke, die so schlüpfrige Situationen schildern, einer keuschen und dem argen Welttreiben fremden Nonne zuzuschreiben. *Aschbach*, p. 18.

⁷⁾ См. выше, стр. 21.

Пафнуцій. Ты здѣсь ли, Таисія, которую я ищу?

Таисія. Какой это незнакомецъ говоритъ мнѣ?

Пафнуцій. Любящій тебя.

Таисія. Кто ко мнѣ питаетъ любовь, получаетъ въ замѣнъ равнымъ образомъ любовь ¹⁾.

Пафнуцій. О, Таисія, Таисія, какой тяжелый путь прошелъ я, чтобы только имѣть счастье поговорить съ тобою и созерцать твое лицо!

Таисія. Я не избѣгаю взглядовъ и не отказываюсь отъ разговоровъ.

Пафнуцій. Секретная наша болтовня требуетъ болѣе скрытнаго мѣста.

Таисія. Вотъ комната, хорошо убранная и пріятная для обитанія.

Пафнуцій. Нѣтъ ли болѣе уединенной, гдѣ мы могли бы побесѣдовать секретнѣе?

Таисія. Есть еще одна, отдаленная и такая секретная, что ес, кромѣ меня и Бога, никто не знаетъ.

Пафнуцій. Какого Бога?

Таисія. Истиннаго.

Пафнуцій. Ты вѣришь, что Онъ что-нибудь знаетъ?

Таисія. Мнѣ не безызвѣстно, что отъ него ничего не сокрыто ²⁾. Затѣмъ Таисія раскаивается въ своихъ грѣхахъ, и эта „соблазнительная“ сцена оканчивается обращеніемъ ея на путь истинный. Можно ли подобную сцену называть „соблазнительною“ въ томъ дурномъ смыслѣ, какой хочетъ придать ей Ашбахъ? Чтобы вполнѣ понять то впечатлѣніе, которое производила эта сцена на читателей, необходимо привести непосредственно слѣдующую за нею, гдѣ Росвита на нѣсколько вѣковъ упредила Саванароллу:

Таисія раскаялась; она рѣшилась „предать огню и обратить въ пепель“ ³⁾ все нажитое грѣхомъ; она устраиваетъ костеръ изъ своихъ платьевъ, нарядовъ, драгоценностей, украшеній и созываетъ своихъ любовниковъ:

Таисія. Идите, поспѣшите ко мнѣ, всѣ мои безпутные любовники!

Любовники. Голосъ Таисіи! Она зоветъ насъ. Поспѣшимъ, чтобы не оскорбить ее промедленіемъ.

¹⁾ *Thais:* Quicumque me amore colit, aequam vicem amoris a me recipit. Тоже самое, въ четвертой драмѣ, говоритъ Марія Аврааму: Quicumque me deligunt aequalem amoris vicem a me recipiunt.

²⁾ *Barack*, p. 252.

³⁾ *Igni tradere et in fovillam redigere.* Ibid. p. 254.

Таисія. Придите, приблизьтесь; хочу обмѣняться съ вами нѣсколькими словами.

Любовники. О, Таисія, Таисія, что значитъ этотъ костеръ, который ты сооружаешь? Зачѣмъ валяшь на костеръ всю эту массу драгоценностей?

Таисія. Вы желаете знать?

Любовники. Мы слишкомъ удивлены!

Таисія. Я скоро вамъ скажу.

Любовники. Мы этого и желаемъ.

Таисія. Смотрите!

Любовники. Перестань, успокойся! Что ты дѣлаешь? Ты съ ума сошла?

Таисія. Не сошла, а теперь только поумнѣла.

Любовники. Зачѣмъ губить четыреста ливровъ золота и другія богатства?

Таисія. Хочу пожечь огнемъ все, что грѣховно исторгла у васъ, чтобъ никто уже не надѣялся, что вновь склонюсь на любовь.

Любовники. Подожди минутку, остановись! Повѣдай намъ причину твоихъ волненій.

Таисія. Ни ждать, ни говорить съ вами не хочу. Пустите меня; не рвите одежды моей, желая меня удержать. Довольно съ васъ, что и до сей поры я соглашалась грѣшнить съ вами. Пора перестать грѣшнить. Пора намъ разстаться. Иду туда, гдѣ уже никто изъ васъ не увидать меня!¹⁾...

Желая подражать Теренцію не только формою своихъ произведеній, но и силою впечатлѣнія, производимаго на читателя; желая прославить чистоту помысловъ, непорочность жизни и твердость вѣры христіанскихъ мучениковъ, чтобы тѣмъ принизить классическіе типы Теренція, Росвита выбираетъ для своихъ драмъ такіа легенды, въ которыхъ прославляется торжество непорочности, и слабость невинныхъ женщинъ беретъ верхъ надъ животною грубостью мужчинъ. Подобный выборъ оправдывается уже и тѣмъ, что такіа именно легенды, какъ о св. Авраамѣ или Пафнуціѣ, были всегда любимы, наиболѣе читались и переводились на народныя языки²⁾.

¹⁾ *Barack*, p. 255.

²⁾ Сохранился древне-нѣмецкій переводъ легенды о св. Авраамѣ, напечатанный въ трудѣ *Der Altäter Buch, zu Latein Vitas patrum, Augsburg, 1488, vol.*, и почти дословно согласующійся съ драмою Росвиты: *eine deutsche Uebersetzung der Legende, welche fast wörtlich mit dem Drama Abraham übereinstimmt*

Чтобы выставить во всемъ блескѣ женщинъ, Росвита должна была подвергнуть ихъ добродѣтели самой большой опасности и остановилась на двухъ легендахъ, назидательныхъ по цѣли и полныхъ моралию, по содержанію, способныхъ встревожить стыдливую скромность. Для оцѣнки, въ этомъ отношеніи, писательницы X вѣка должно обращать вниманіе не столько на матеріалъ, который былъ уже данъ въ легендахъ, сколько на его переработку подъ перомъ женщины и монахини; перо же это, по словамъ знатока драмъ Росвиты, остается всегда также цѣломудренно и скромно, какъ чисты и безупречны ея намѣренія ¹⁾.

Разсматривал произведенія Росвиты со стороны ихъ формы и содержания, Ашбахъ, какъ мы видѣли, высказываетъ сужденіе, противорѣчащее фактамъ, и въ подтвержденіе своихъ сужденій не приводитъ никакихъ доказательствъ, или ограничивается доводами, не выдерживающими критики. Не путемъ добросовѣстнаго, научнаго изслѣдованія трудовъ саксонской монахини дошелъ онъ до отрицанія той литературной ея дѣятельности, которую сохранилъ намъ Мюнхенскій кодексъ Росвиты; иныя основанія, лежащая внѣ разсматриваемыхъ произведеній, навели Ашбаха на мысль, что Мюнхенскій кодексъ поддѣланъ, и именно въ послѣдніе годы XV столѣтія, гуманистомъ Цельтисомъ и его литературными друзьями.

(Hirsch, *ар. Magazin für Literatur des Auslandes*, 1867, № 44). Ашбахъ знаетъ объ этомъ переводѣ (р. 17, н.), но не сличаетъ его съ драмою Росвиты, опасаясь, быть можетъ, что результатомъ подобнаго сличенія явится краснорѣчивое обличеніе защищаемой имъ темы, такъ какъ нѣмецкій переводъ драмы изданъ за 15 лѣтъ до перваго изданія произведеній Росвиты Цельтисомъ и за шесть лѣтъ до перваго знакомства Цельтиса со спискомъ, хранявшимся въ монастырѣ св. Эммерана.

¹⁾ Si les sujets traités par Roswitha sont pris ordinairement dans un ordre de faits et d'idées qui semblent inquiétants pour la pudeur, la plume de la discrète religieuse demeure toujours aussi chaste et aussi réservée que ses intentions sont candides et irréprochables. *Magnin*, p. XXXVIII. Маньенъ напоминаетъ, что легенды о св. Авраамѣ и Хафнуціѣ послужили темой для многихъ произведеній новѣйшаго времени (*Barlette*, нѣветный проповѣдникъ конца XV стол., составилъ рѣчь, говоренную съ церковной кафедрой; *Erasmus* написалъ пьесу *Idolotensens et scortum*; *Decker*, англійскій поэтъ времени Іакова I, поставилъ на сцену свою комедію: *The honest whore*, названіе которой не грубое содержанія), и находитъ, что въ XVI и XVII столѣт. эта тема разрабатывалась далеко не такъ деликатно, какъ въ X вѣкѣ. *Ibid.* p. LIII. Приведенные нами въ текстѣ отрывки изъ двухъ драмъ подтверждаютъ справедливость словъ французскаго ученаго.

Цельтисъ пользовался у своихъ современниковъ большимъ уваженіемъ, какъ глубокій ученый и знатокъ воскресшей тогда классической литературы, какъ талантливый поэтъ и трудолюбивый профессоръ, лекціи котораго въ Ингольштадтѣ и потомъ въ Вѣнѣ производили серьезное впечатлѣніе на слушателей, наконецъ, какъ гуманистъ и патриотъ, горячо сочувствовавшій чести и славѣ своей родины ¹⁾. Цельтисъ много путешествовалъ и имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ; всѣ ученія и литературныя знаменитости вѣка были съ нимъ въ перепискѣ; Пейтингеръ, Ульзенъ, Рейхлинъ, Толгофъ, Тритемій, Ентингемъ, Стурхи, Сильбербергъ находились съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Вѣнской придворной библіотекѣ хранится около 250 писемъ, полученныхъ Цельтисомъ отъ своихъ академическихъ друзей въ теченіи пятнадцати лѣтъ (1491—1505). Это-то собраніе писемъ—Codex epistolaris Celticus—и послужило Ашбаху главнымъ основаніемъ для высказаннаго имъ мнѣнія о подложности Мюнхенскаго кодекса Росвиги: Ашбахъ перечелъ эти письма, нашелъ въ нихъ намеки, по его собственному сознанію, *краткіе и загадочные*, дополнилъ ихъ своими личными догадками, произвольными толкованіями, и такимъ образомъ, сдѣлалъ ихъ операционнымъ базисомъ своей, какъ мы видѣли, довольно смѣлой атаки на Мюнхенскій кодексъ.

Въ приложеніи къ брошюрѣ „Росвиги и Конрадъ Цельтисъ“, помещено девять писемъ цѣликомъ ²⁾, именно всѣ тѣ, въ которыхъ Ашбахъ вычиталъ свои „краткія и загадочныя“ намеки. Мы не думаемъ, чтобы Вѣнскій профессоръ умолчалъ о письмахъ, свидѣтельствующихъ противъ защищаемой имъ, довольно неблагодарной, темы: подобный подлогъ въ столь важномъ для исторической науки вопросѣ, конечно, не мыслимъ; но и изъ нанечатанныхъ девяти писемъ можно составить довольно опредѣленное понятіе о характерѣ всего кодекса. Во всѣхъ девяти письмахъ рѣчь идетъ о литературныхъ занятіяхъ, при чемъ переписывающіеся обвиняются извѣстіями о положеніи того или другаго труда, извѣщаютъ о мѣстопробываніи того или другаго ученаго друга, пересылаютъ поклоны, и все это въ выраженіяхъ краткихъ, понятныхъ только для непосредственныхъ корреспондентовъ, почеркомъ неразборчивымъ, слогомъ небрежнымъ до неряшливости, какимъ пишется большая часть писемъ въ дружеской перепискѣ. Что же прочелъ въ этихъ письмахъ Ашбахъ?

¹⁾ *Wattenbach*, p. 3.

²⁾ *Aschbach*, p. 56—70.

Стурнъ ¹⁾, въ крайне льстивомъ письмѣ ²⁾, отъ 22-го августа 1504 года, изъ Брюна, пишетъ Цельтису, что онъ тѣмъ болѣе радъ находкѣ и изданію произведеній Росвиты, что въ нихъ упоминается „избранная имъ невѣста Агнеса“ ³⁾. Какую Агнесу разумѣеть Стурнъ — не извѣстно: говоритъ ли онъ о св. Агнесѣ или о какой-либо земной, съ которою онъ былъ помолвленъ, — въ настоящее время рѣшить не возможно. Ашбахъ понимаетъ это мѣсто письма по своему, и зная, что восьмой духовный стихъ Росвиты оваглавленъ именемъ Агнесы, переводитъ такъ: „Изданіе Росвиты тѣмъ болѣе обрадовало Стурна, что въ число стихотвореній Росвиты принято и его произведеніе объ Агнесѣ“ ⁴⁾. Прежде всего, конечно, должно замѣтить, что латинская *sponsa* не поддается переводу въ нѣмецкій *Production*; и сверхъ того, Стурнъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ гуманистовъ, можетъ быть заподозрѣнъ въ сочиненіи такого духовнаго стиха, какъ „Агнеса“. Стурнъ, правда, далъ нѣсколько стихотвореній подъ своимъ именемъ, но вскорѣ обнаружилось, что онъ ихъ цѣлкомъ списалъ изъ бумагъ, оставшихся по смерти ученаго Гассенштейна ⁵⁾, а въ „Агнесѣ“ 459 латинскихъ гекзаметровъ!

По мнѣнію Ашбаха, Цельтисъ, въ предисловіи къ изданію произведеній Росвиты, называетъ саксонскую монахиню *Mulier Cymbrica* ⁶⁾. Это не справедливо: въ той фразѣ, на которой Ашбахъ основалъ свое мнѣніе, выраженію „*nostra Cymbrica mulier*“ противупо-

¹⁾ *Jodocus Sturnus* или *Sturlinus*, родомъ изъ Шмалькальдена, воспитывалъ дѣтей одного чешскаго ученаго, и потому называется иногда *Paedagogus*. Около 1500 г. былъ въ Италіи. *Mencke*, *De graec. et latin. litt. in Misnia restaurata*, § 11. *Aschbach*, p. 40.

²⁾ Письмо начинается словами: *Salve virorum praecellentissime, ornamentum decusque Germaniae*, и сохраняетъ такой льстивый тонъ до конца. *Cod. Celt.*, XIV, ep. 9, fol. 156. *Aschbach*, p. 69.

³⁾ *Certo quidem signo tuae humanitatis et singularis ergo me benevolentiae, de quo mimensas refero grates, et crede mihi quod ultra quam dicere queo me recreat atque delectat hic Roswithae codicellus et ob hanc praecipue causam, quod meae singularissimae electaeque sponsae Agnetis in suis meminit carminibus. Ibid.*

⁴⁾ *Sturnus* schreibt an *Celtes*, dass es ihn ganz besonders gefreut habe, dass unter den *Roswitha'schen* Dichtungen auch seine *Production* über die *Agnes* aufgenommen worden. *Aschbach*, p. 40.

⁵⁾ *Klüpfel* II, 154. *Kaltenbäck*, *Jod. Sturnus*, помѣщ. въ *Oesterr. Zeitschrift für Geschichte*, III, p. 86.

⁶⁾ Wir wissen aus der Vorrede des *Celtes* zu seiner Ausgabe der *Roswitha'schen* Werke, dass er die sächsische Dichterin *Mulier Cymbrica* nannte. *Aschbach*, p. 41.

лагается выраженіе „*haec virgo nostra*“¹⁾; въ самомъ же предисловіи, посвященномъ курфюрсту Фридриху Саксонскому, Цельтисъ называетъ Росвиту *virgo germana, mulier germana*²⁾; поэтому, какъ ни темна та фраза предисловія³⁾, все же болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Росвита разумѣется въ ней подъ выраженіемъ *virgo nostra*, а не *Cymbrica mulier*; и какъ бы искусственно Ашбахъ не объяснялъ обозначеніе Саксонки Росвиты прилагательнымъ *Cymbrica*⁴⁾, оно къ ней не идетъ: Росвита — *mulier germana*, или точнѣе, *virgo germana*, но никакъ не *Cymbrica*. Между тѣмъ, Ашбахъ идетъ въ этомъ отношеніи еще далѣе: „Такъ какъ надменные Итальянцы обзываютъ Саксонцевъ, какъ и Нѣмцевъ вообще, *варварами*, то Цельтисъ иронически придалъ Росвитѣ, Кимврской женщины, которая въ X столѣтіи такъ превосходила Итальянцевъ своимъ образованіемъ, названіе *Cymbrica Barbara*“⁵⁾. При этомъ Ашбахъ не указываетъ, гдѣ именно, въ какомъ изъ произведеній и когда Цельтисъ придавалъ такое названіе Росвитѣ, и эта осторожность со стороны Ашбаха была необходима, такъ какъ никогда и нигдѣ Цельтисъ не называетъ Росвиту *Кимврскою варваркой*, и это названіе всецѣло принадлежитъ фантазіи Ашбаха.

Для цѣлей Ашбаха необходимо было отнести къ Росвитѣ неясное выраженіе Цельтиса *nostra Cymbri'a mulier*, умолчавъ о болѣе определенномъ *virgo germana*, затѣмъ уже построить на этомъ выраженіи свое собственное предположеніе, что Цельтисъ называлъ Росвиту *Cymbrica Barbara*, и выдать это предположеніе за фактъ. Это было необходимо потому, что въ сборникѣ писемъ къ Цельтису Ашбахъ

¹⁾ Вотъ эта фраза изъ предисловія: «Proinde non me tantum *hujus virginis nostrae litterae delectabant, quantum vel ille nostrae Cymbriacae mulieris, vel Velada illa aut Aurinia a Rhomanis scriptoribus, qui singularem in bello virtutem et divinationem illi divinitus inspiratum commemorat.*»

²⁾ Reperi vetustissimum codicem sub inscriptione *virginis et monialis germanae*. Incredibile dictu quanto stupore et gaudio correptus fuerim dum *mulierem germanam* post sexcentos annos, tot enim ab Oddone primo in nostram usque etatem fluxere.

³⁾ Diese Stelle ist noch undeutlich, говоритъ Вагнеръ объ этой фразѣ *Gött. gel. Ans.*, 1867, p. 1267).

⁴⁾ Celtes identificirte die Cimbern mit den Sachsen, welche beide germanische Völker in der cimbrischen Halbinsel oder in Jütland Wohnsitze gehabt hatten. *Aschbach*, p. 41.

⁵⁾ Weil die Sachsen, wie die Deutschen überhaupt, von den dünkclhaften Italienern Barbaren gescholten wurden, gab er der Roswitha, der cimbrischen Frau, welche im zehnten Jahrhundert so hoch über der italienischen Bildung gestanden, ironischer Weise den Namen *Cimbrica Barbara*. *Aschbach*, p. 41.

встрѣтилъ выраженія *Cymbrica Barbara*, которыя, по его мнѣнію, подтверждаютъ подозрѣніе о подлогѣ Мюнхенскаго кодекса произведеній Росвиты. Даже принимая, вмѣстѣ съ Ашбахомъ, что Росвита въ дружескихъ письмахъ Ульзена ¹⁾ къ Цельтису была называема „Кимврскою варваркой“, нельзя не замѣтить, до какой степени Ашбахъ произвольно объясняетъ приводимыя имъ два мѣста: 1) Ульзенъ, въ письмѣ отъ 1492 года, пишетъ: „Quod de re tua scribam, nihil est, quam omnino sileas et moreris me. Dabo operam, ut aliquid quod hris (sic) sim: tota tua Barbara Cymbrica inter aniles fabulas cogatur perpetue versare ²⁾“. Мѣсто это довольно темно, быть можетъ, невѣрно прочтено, но во всякомъ случаѣ, едва ли въ немъ заключенъ тотъ смыслъ, который придаетъ ему Ашбахъ: „Вся твоя Кимврская варварка, которая принуждена постоянно заниматься древними легендами“ ³⁾, предполагая, что Кимврская варварка обозначаетъ дѣйствительно Росвиту. Ульзенъ здѣсь скорѣе говоритъ, что „Цельтисъ не долженъ все молчать и медлить; его кимврская варварка не должна оставаться постоянно бабьими сказками“, то-есть, она должна быть издана, напечатана, чтобы не подумали, что это только бабья сказка ⁴⁾. 2) Два года спустя, въ 1494 году, Ульзенъ пишетъ Цельтису: „Credo ego nec dubito, *Cymbricam tuam barbaram* plurimam (?) ejus comodi ⁵⁾ pleni (verius arborticios [aborticios?]) aliquid digne enixuram:

¹⁾ Theodoricus Ulsonius—извѣстный юмористъ, другъ Цельтиса. *Klöpffel*, v. II, p. 147; *Kaltenböck*, III, p. 90. Codex epistolaris Celticus заключаетъ въ себѣ четырнадцать писемъ Ульзена къ своему другу. *Aschbach*, p. 40.

²⁾ Cod. epist. Celt. lib. II, ep. 12, fol. 17. *Aschbach*, p. 63.

³⁾ Ganz deine Cimbrische Barbara, welche sich mit alten Legenden beständig abzugeben genöthigt ist. *Aschbach*, p. 41. При такомъ пониманіи этого мѣста, выраженіе *Cimbrische Barbara* также точно относится къ Росвитѣ, какъ и ко всякой другой женщинѣ, занимающейся почему-либо легендами (aniles fabulas). Въ предисловіи къ своему изданію, Цельтисъ называетъ двухъ современныхъ ему женщинъ-писательницъ: Анну, писавшую стихи, ученую, знакомую съ гражданскими и церковными правомъ, занимавшуюся философіей, и Любовь (Charitas), Нюренбергскую монахиню, которая находилась съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и съ которою мы еще встрѣтимся. Въ концѣ же XV столѣтія, когда писано разсматриваемое письмо, переработкою легендъ занимались многіе: Цельтисъ написалъ *Carmen de s. Sebald*, Цуспинианъ — *Vita divi Leopoldi marchionis Austriae*, Третьмій и Вернеръ воспѣвали въ стихахъ житіе св. Анны, Ботъ, Вимедлингъ, Евтихъ — другихъ святыхъ.

⁴⁾ *Waits* въ *Gött. gel. Anz.*, 1867, p. 1266.

⁵⁾ Въ сборникѣ писемъ *pleni* Ашбахъ произвольно замѣняетъ словомъ *prolem*.

Nemesi vero matre orta est, patrem te geris (si. recte sentio) non omnino inertem ad ulciscendas injurias, nec sequem prorsus atque stupidum ¹⁾). Ашбахъ придаетъ особенную важность этому мѣсту, хотя сознается, что оно мало понятно и объясняетъ это умышленнымъ искаженіемъ словъ ²⁾). Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о какомъ-то мщеніи, въ которомъ Кимврская варварка должна явиться средствомъ; но напрасно Ашбахъ такъ настаиваетъ на тѣхъ словахъ, въ которыхъ Целтисъ названъ отцомъ ³⁾): выраженіе *pater* также точно идетъ къ издателю, какъ и къ сочинителю ⁴⁾, и опять повторяемъ, въ приведенной фразѣ ничто не даетъ повода разумѣть подъ Кимврскою варваркой именно Росвиту. Кого называли друзья въ своей интимной перепискѣ „Кимврскою варваркой“ останется, вѣроятно, навсегда неизвѣстнымъ; но, конечно, они разумѣли какую-либо современницу, хорошо знакомую, быть можетъ, близкую имъ даму: въ другихъ письмахъ, къ сожалѣнію, не вполне приведенныхъ Ашбахомъ, Ульзеппъ говоритъ сперва о свадьбѣ, затѣмъ о разводѣ Кимврской варварки ⁵⁾). Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ семейными дрызгами, лишенными всякаго значенія при рѣшеніи нашего научнаго вопроса.

Еще одинъ и послѣдній примѣръ, какъ неосторожно отнесется Ашбахъ къ письмамъ друзей Целтиса, и какъ произвольно объясняетъ ихъ. Ашбахъ старается доказать, что „Целтисъ, получивъ изъ библіотеки монастыря св. Эмирама сборникъ легендъ Росвиты, изготовилъ, при помощи искуснаго палеографа, ту рукопись, которая хра-

¹⁾ Cod. epist. Celt., lib. II, ep. 12, fol. 17. *Aschbach*, p. 65.

²⁾ Hier sind einige Worte wohl mit Absicht entstellt in der Cod. epist. eingeschrieben: für *prolem* steht *pleni*, für *arboticios* zu lesen *abortivos* dürfte nicht richtig sein. *Ibid.* p. 64, Anm.

³⁾ Cimbrische Barbara stamme von der Mutter Nemesi und habe ihn (*Celtas*) zum Vater, der geschickt und gewandt genug sei die Beleidigungen zu rächen. *Ibid.* p. 41.

⁴⁾ *Wails* in *Gött. gel. Anz*, 1867, p. 1267.

⁵⁾ *Ulsenius Celti Cimbricae Barbarae nuptiis interesse: «Ego vero auctis rebus brevi Cimbricum discortium per cumulatissima organica apud te celebrare intendo. Bacchi et Phoebi non ignoramus sacerdotum»* (Cod. epist. Celt. VI, ep. 38, fol. 65). «Habet nunc quod toto corde petisti, habes quoque Cimbricam illam barbaram dividers. Expi in diem politam illam Barbaram quam rudem, multo plus laedere amorem ac extenuare» (Cod. epist. Celt. VI, ep. 41, fol. 67). Ашбахъ, однако, не стѣсняется этими чисто семейными рѣчами: Wenn in diesen Briefen von der Hochzeit der Cimbrica Barbara, und dann auch von ihrer Scheidung geredet wird, so deuten solche Ausdrücke wohl (?) auf die Aufnahme der eingeleit. Dichtung in die Sammlung oder auf die Ausschliessung aus derselben (sic). *Aschbach*, p. 42.

нится въ Мюнхенѣ, а старую, подлинную, которая могла обнаружить подлогъ, уничтожилъ, возвративъ монастырю вмѣсто подлинной рукописи подложную ¹⁾. Само собою разумѣется, что въ письмахъ ни о чемъ подобномъ пѣтъ и рѣчи. Между тѣмъ, въ подтвержденіе того, что будто бы для „окончательнаго сокрытія ученаго подлога“, друзья переписывались объ уничтоженіи подлинной рукописи Росвиты ²⁾, Ашбахъ ссылается на письмо Матвѣя Паппенгейма къ Цельтису, въ которомъ, будто бы, „говорится о тайномъ уничтоженіи рукописи, упоминается Спонгеймскій аббатъ Триттемъ, какъ посвященный въ эту тайну ³⁾, и наконецъ, указывается, что Сунтгеймъ ⁴⁾, видѣвшій въ монастырѣ св. Эммерама подлинную рукопись Росвиты, готовъ былъ открыть императору ученый подлогъ, но былъ остановленъ императорскими совѣтниками Крахенбергеромъ, Цуспиніаномъ и Матеемъ Лангомъ, благоволившими къ Цельтису“ ⁵⁾. Письмо, на которое ссылается

¹⁾ Der Codex, welchen Celtes von einem in der Peläographie bewanderten Schreiber hatte fertigen lassen, nach der Schrift der in St. Emmerans-Kloster zu Regensburg aufgefundenen alten Roswitha'schen Legendeübcher hat sich bis auf den heutigen Tag erhalten. Die alte Handschrift, welche den Betrug hätte an den Tag bringen können, würde vernichtet und anderen Stelle der neue Codex den Kloster zurückgegeben. *Aschbach*, p. 45.

²⁾ *Aschbach*, p. 34.

³⁾ Matthäus Pappenheim in einem Brief an Celtes spricht von der Vernichtung einer Handschrift, bei welcher Sache auch der Sponheimer Abt Trithemius in das Geheimniß gezogen war. *Aschbach*, p. 34, Anm. 2.

⁴⁾ Владиславъ Сунтгеймъ, капелланъ и гофмаршалъ двора императора Максимилиана I, занимавшійся собираніемъ историческихъ матеріаловъ; въ запискахъ императора находится собственноручная отиѣтка: «Herr Lassla Priester soll die östarrreichisch, sächsich und bairisch Chroniken zusammenzustimmen». Сунтгеймъ былъ не въ ладахъ съ Цельтисомъ; онъ пишетъ Матеею Лангу: «Wo mich jemand bei der keiserl. Maj. verleumdet hätte, doctor Celtes oder andere, soll kaiserl. Maj. und Ew. Gnaden keinen Glauben schenken: ich hab mich nichts verpflichtet mit den Celtes zu machen, da er der neuen Historien nicht unterrichtet ist. *Aschbach*, p. 46.

⁵⁾ Ladislaus Suntheim hat in Regensburger St. Emmerans-Kloster (noch vor dem Jahre 1491) das alte ursprüngliche Roswitha'sche Legendebuch eingesehen und war im Stand nachdem von Celtes besorgten Drucke der angeblichen Roswitta'schen Werke den literarischen Betrug nach seinem ganzen Zusammenhange zu überblicken und er schien Willens dem Kaiser die Sache mitzuthemen. Dass dieses nicht geschah, verhinderten die Freunde des Celtes, welche wie er selbst frühzeitig von dem Nötigen und scharfsichtigen Matthäus Pappenheim gewarnt worden waren. Die keiserlichen Räte Krachenberger, Cuspinian, Mattäus Lang, welche den gekrönten Dichter wie dem emsigen Forscher Suntheim gewogen waren, wusste letztern von seinen beabsichtigten Schritten abzuhalten und so blieb die Sache weiter geheim. *Aschbach* p. 46.

Ашбахъ служить самымъ вѣрнымъ и наиболѣе категорическимъ опроверженіемъ вѣнскаго профессора; вотъ это письмо:

Matthaeus Pappenheim imperialis aulae marscalcus Conrado Celti.
 Commendatione praemissa, excellentissime vir fautorque dilecta, Transmitto hic quaedam scripta solatii causa, affectorque intime adventum vestrae humanitatis, ut aliquos vetustos codices videre et ut intendebamus indagare possimus. In quibus sicuti pollicitus sum vos fideliter juvabo. Praeterea vir humanissime *vobis dudum significare volui: sed tradidi oblivioni secretum illud, quod insignis pater albas Tritheimus Sponhaim, vobis bona fide insinuavit.* In gloriatur dominus Ladislaus presbyter occulte venditasse et per monactum quendam latentor abstulisse. Ea dicam (?), ne praefatur Ladislaus vos praeveniat apud regiam mejestatem, volo vos habere avisatum. Ceteris nihil praeterquam latorem praesentium vobis commendatum habere: necnon ea quae ipse vobis significabit mihi mittere, aut vos ipse personaliter comparere velitis, plurimum rogo. Valetе feliciter. Ex castro N. III Kalend. Octobris 1503 ¹⁾.

Итакъ, въ письмѣ рѣчь идетъ не объ уничтоженіи, а о находкѣ и тайномъ приобрѣтеніи рукописи; Тритгеймъ не былъ „посвященъ въ эту тайну“ (in das Geheimniss gezogen), но онъ ее сообщилъ (insinuavit); о Росвитѣ не упомянуто ни слова и не могло быть упомянуто, такъ какъ письмо писано въ 1503 году, то-есть, десять лѣтъ послѣ полученія Цельтисомъ рукописи Росвиты изъ Эммерамскаго монастыря (1494) и спустя два года послѣ изданія ея. Относительно Владислава Сутгейма въ письмѣ сказано только, что онъ взялъ къ себѣ кодексъ, наслѣженный (indagar.) Цельтисомъ, и Паппенгеймъ извѣщаетъ его объ этомъ, чтобъ Сутгеймъ не могъ предупредить Цельтиса предъ императоромъ и не лишилъ бы Цельтиса славы на сдѣланное имъ открытіе; ни объ обвиненіи Цельтиса предъ императоромъ за какой-то подлогъ, ни о совѣтникахъ, упросившихъ Сутгейма молчать, ни о чемъ подобномъ нѣтъ въ письмѣ ни единого слова! Цельтисъ открылъ какую-то рукопись; Сутгеймъ взялъ ее и хотѣлъ представить императору, приписавъ себѣ честь открытія; объ этомъ узналъ Паппенгеймъ и предупреждаетъ Цельтиса; все это выражено въ письмѣ ясно, обстоятельно, и письмо не заключаетъ въ себѣ ничего, что давало бы Ашбаху право ссылаться на него въ подтвержденіе своего предположенія, болѣе чѣмъ произвольнаго.

¹⁾ Cod. epist. Celt. XIII, ep. 3, fol. 148. Ашбахъ ссылается лишь на то мѣсто письма, которое напечатано здѣсь курсивомъ (р. 40).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ писемъ, Ашбахъ основываетъ свое мнѣніе о подложности мюнхенскаго кодекса на самой личности Цельтиса: онъ разсматриваетъ его ученую дѣятельность, разбираетъ его сердечныя привязанности, подслушиваетъ его помыслы и предугадываетъ его намѣренія. Какъ ни страненъ подобный пріемъ въ рѣшеніи ученаго вопроса о подлинности рукописи, но должно сознаться, Ашбахъ выказалъ въ немъ глубокую эрудицію профессора и подозрительную пытливость австріака. Для нашей цѣли интересенъ лишь вопросъ, какимъ образомъ, по мнѣнію Ашбаха, у Цельтиса явилось грѣшное желаніе выдать свое стихотвореніе и драмы за произведенія X столѣтія.

Какъ и всѣ гуманисты XV вѣка Цельтисъ стремился распространить гуманизмъ на своей родинѣ, и въ своихъ одахъ взывалъ къ Аполлону, приглашая его переселиться съ лирою изъ Италіи въ Германію ¹⁾. Ашбахъ, не приводя, конечно, доказательствъ, находитъ, что это стремленіе было главною задачею всей жизни Цельтиса ²⁾: съ этой цѣлью Цельтисъ хлопоталъ объ основаніи Рейнскаго общества, *sodalitas Rhenana* ³⁾, задача котораго состояла въ изученіи классическаго міра вообще и классической поэзіи въ особенности; для этой цѣли было необходимо доказать, что Аполлонъ съ своею лирою встрѣтилъ бы въ Германцахъ не варваровъ, какими ихъ счи-

¹⁾ Цельтисъ написалъ въ 1486 году, въ своемъ трудѣ *Ars versificandi*, слѣдующую оду: *Ad Apollinem, ut ab Italis cum lyra ad Germanos veniat*:

Phoebe, qui blandae citharae pepesti-r,
Linque dilectos Heliconque Pindum,
Et veni nostris vocitatus oris
Carmine grato.

Cernis ut laetae properent Camoenae
Et canant dulces gelido sub axe:
Tu veni incultam fidibus canoris
Visere terram.

Barbarus, quem olim genuit vel acer
Vel parens hirsutus Latii leporis
Nescius, nunc sit duce te docendus
Pangere carmen.

²⁾ Das war der Zweck, welche Celtes sich als besondere Lebensaufgabe setzte. *Aschbach*, p. 5.

³⁾ Общество это было основано, впрочемъ, не ранѣе 1491 года, и первымъ председателемъ его былъ норскій епископъ Иванъ Дальбергъ. *Klöpffel*, I, p. 109. *Endlicher*, Ueber Klöpffel's Werk, помѣщ. въ *Wiener Jahrb.*, 1829, S. 146.

тали тщеславные итальянскіе гуманисты, но народъ, среди котораго еще въ глубокой древности, въ X столѣтїи, когда Италия не имѣла даже понятія о классическомъ языкѣ, могла явиться женщина, монахиня, писавшая прекраснымъ латинскимъ языкомъ и выказавшая въ своихъ произведеніяхъ знаніе версификаціи и философскаго образованія ¹⁾. Если этого нельзя было доказать открытою въ эммерамскомъ монастырѣ рукописью, въ которой были помѣщены легендарные разказы въ прозѣ и историческія замѣтки объ Оттонѣ Великомъ ²⁾, то Цельтисъ готовъ былъ, по мнѣнію Ашбаха, самъ написать, на основѣ тѣхъ разказовъ и замѣтокъ свои собственныя стихотворенія, поддѣлать пергаментъ, почеркъ, чернила и замѣнить подлинную рукопись поддѣльною.

Кромѣ стремленія принизить тщеславіе итальянскихъ гуманистовъ, и соображеніе чисто личнаго характера возбудило въ Цельтисѣ, по словамъ Вѣнскаго профессора, желаніе поддѣлать произведеніе Росвиты. Цельтисъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ знатною Нюренбергскою фамиліей Пиркгеймеровъ; Виллибальдъ Пиркгеймеръ, знаменитый гуманистъ, былъ его товарищемъ и другомъ; Любовь Пиркгеймеръ, сестра Виллибальда, монахиня Нюренбергскаго монастыря св. Клариссы, была съ нимъ въ постоянной перепискѣ ³⁾, уважала, любила его, и Цельтисъ посвятилъ ей одну изъ лучшихъ своихъ одъ ⁴⁾. Между тѣмъ, вообще враждебные гуманизму францисканцы, имѣвшіе право высшаго надзора за монастыремъ св. Клариссы, преслѣдовали переписку сестры Любви съ Цельтисомъ, беспощадно преслѣдовавшимъ духовенство, и запретили ей писать что бы то ни было по латыни. Желая доказать францисканцамъ, обижавшимъ его Любовь, что латинское писаніе—дѣло не грѣховное,

¹⁾ Es war zu zeigen, dass schon in einer Zeit, wo in Italien die classische Sprache und der wahre Sinn für Poesie und die freie Künste verloren gegangen, in dem als ganz barbarisch verschrieenen sächsischen Lande nicht nur bei den gebildeten Männer Wissenschaft und Dichtkunst noch gefunden worden, sondern es auch eine Frau, eine Nonne, gegeben, welche in reiner lateinischen Sprache, mit Kenntniss der Verakunst und dichterischen Schwung, mit tactvoller und philosophischer Bildung zu pröduciren vermochte. *Aschbach*, p. 6.

²⁾ Ibid. p. 5.

³⁾ Cod. epist. Celt., lib. XII, ep. 12 et 13, fol. 143. Первое письмо (Charitas soror Conrado Celti — Vale in gratia Dei et memento mei) напечатано у *Aschbach*, p. 55.

⁴⁾ Ad Charitatem de familia Pirkheimerorum Sanctimonialium ord. s. Clarae Norinbergae professam Conradi Celtis carmen. *Klüpfel*, II, p. 45.

Цельтисъ прибѣгнувъ будто бы къ фальши и издалъ свои стихотворенія и произведенія своихъ друзей подъ именемъ монахини Росвиты, которая еще въ X столѣтіи „будто бы“ писала латинскіе стихи и посвящала ихъ не только императору Оттону, человѣку свѣтскому, но и его брату Вильгельму, архіепископу Майнцкому, и дѣлала это съ вѣдома, согласія и при поддержкѣ игуменьи своего монастыря ¹⁾). Нечего и говорить, что эти „личныя соображенія“ поддѣлки, приводимыя Ашбахомъ, не имѣютъ никакого основанія, такъ какъ главнѣйшее ихъ доказательство помѣчено заднимъ числомъ: первое изданіе произведеній Росвиты вышло въ свѣтъ, въ 1501 году, а запрещеніе латинскаго писанія послѣдовало въ 1504 году, то-есть, три года спустя. „Францисканцы“ пишутъ Цельтису Виллибальду Пиркгеймеръ отъ 14-го марта 1504 года — „внушили Любови, чтобъ она *отредъ* не писала по латыни“ ²⁾). Такимъ образомъ, чтобы доказать поддѣлку Мюнхенскаго кодекса Цельтисомъ, Ашбахъ самъ прибѣгаетъ къ фальши.

Но почему у Ашбаха явилась мысль, что Мюнхенскій кодексъ поддѣланъ именно Цельтисомъ?

Въ 1507 году Цельтисъ издалъ „стихотвореніе Гунтера Лигурина о дѣяніяхъ императора Фридриха I“ ³⁾), найденное имъ будто бы въ одной древней рукописи XII столѣтія, хранившейся въ Эбрахскомъ монастырѣ; это произведеніе Лигурина было нѣсколько разъ издаваемо и считалось однимъ изъ лучшихъ источниковъ для эпохи Фридриха Барбароссы; между тѣмъ, историческая критика доказала, что это произведеніе есть подлогъ, состоящій въ простой перефразировкѣ исторіи Оттона Фрейзингенскаго (*Historia de gestis Friderici I imperatoris*) и его продолжателя Родевика ⁴⁾). Поддѣ-

¹⁾ Celtes wolte nun den Franciscanern das Beispiel einer sächsischen Nonne im 10. Jahrhundert vorführen, welche ihre lateinischen Dichtungen nicht nur dem Kaiser Otto I, sondern auch dem Sohne desselben, Wilhelm, Erzbischof von Mainz, mitgetheilt und mit Wissen, Zustimmung und Unterstützung ihrer Aebtissin sich den gelehrten und dichterischen Beschäftigungen gewidmet hatte. *Aschbach*. p. 8.

²⁾ Ἐυλοκόβης (Franciscani) ipsi (Charitati) inhibuerunt, ne *posthac* latine scribat. Cod. epist. Celt. lib. XIV, ep. 6, fol. 155.

³⁾ Guntheri Ligurini de gestis Friderici primi Augusti libri X carmine heroico conscripti nuper apud Francones in silva Hersinia Druidarum Eberacensi coenobio a Conrado Celte reperti, postliminio restituti. 1507. Ср. *Klüpfel*, II, p. 123.

⁴⁾ Сенкенбергъ въ XVIII столѣтіи, первый открылъ подлогъ въ сочиненіи: *Conjecturae de S. Ligurini scriptore, Parerga Götting*. Celtes oder einer seiner Freunde und Genossen könnte den Ligurinus gedichtet haben, dem mehr der Aus-

даль Цельтисъ трудъ Оттона Фрейзингенскаго, — почему же не поддѣлать ему и произведеніе Росвиты, думаетъ Ашбахъ; подобный литературный обманъ, по его мнѣнію, вполне соответствуетъ характеру Цельтиса ¹⁾. Но Ашбахъ забываетъ при этомъ, что если подлогъ произведенія XII столѣтія не удался Цельтису и былъ раскрытъ, не смотря на то, что онъ не приносилъ большаго вреда, такъ какъ во всемъ согласовался съ тѣми источниками, по которымъ былъ составленъ ²⁾, — то какимъ же образомъ могъ Цельтисъ такъ поддѣлать произведеніе X столѣтія, и притомъ, столь важное для исторической науки, что до настоящаго времени, никто не только не сомнѣвается въ подлинности Мюнхенской рукописи, но даже всѣ встаютъ противъ сомнѣній, высказанныхъ Вѣнскимъ профессоромъ? Ашбахъ забываетъ, что въ то время, какъ „стихъ о дѣяніяхъ Фридриха I“ не оставилъ по себѣ ни одной рукописи ³⁾, произведенія Росвиты, писанныя двумя вѣками ранѣе, сохранились въ рукописи, принадлежащей концу X или началу XI вѣка: еслибы Мюнхенскій кодексъ былъ поддѣлкой, онъ, конечно, исчезъ бы также безслѣдно, какъ пропала и та мнимая рукопись Ебрахскаго монастыря, съ которой будто бы Цельтисъ сдѣлалъ первое изданіе своего Лигурина.

Если подлогъ Лигурина, съ болѣею или меньшею вѣроятностію приписываемый Цельтису, могъ навести Ашбаха на мысль, что Цельтису же должна принадлежать и поддѣлка Росвиты, которую не признаетъ Вѣнскій профессоръ, то ему кажется, что литературная дѣятельность Цельтиса въ состояніи лишь утвердить эту мысль. Дѣй-

---

gang des XV Jahrhunderts entspricht, als des XII. J. Grimm, Kleine Schriften, III, 12. — Der Verfasser des Heldengedichtes Ligurinus aller Wahrscheinlichkeit nach war Celtis selbst. Wattenbach, Deuts. Gesch. Quell. p. 3. Одно мѣсто въ письмѣ Якова Вимеллинга къ Цельтису можетъ служить подтвержденіемъ И. Гримма и Ваттенбаха: «Ego jam occupor in castiganda historia Ottonis Phrisingensis cras nostro praeposito mittenda. O utinam ut alterum habeamus exemplar, magis castigatum. Tu de hoc cogitabis». (Cod. epist. Celt. lib. VI, ep. 10, fol. 64). Cp. Pertz, въ Archiv, X, p. 85; Stälin, Wirtemb. Gesch., II, p. 23.

¹⁾ Uebrigens entspricht ein litterarischer Betrug, wie ihn Celtes mit den Dichtungen der Roswitha beging ganz seinem Character. Aschbach, p. 47.

²⁾ Ligurinus ist vielfach für die Geschichte Kaiser Friedrichs benutzt worden, ohne doch grossen Schaden anzurichten, weil er sich seiner Quelle sehr genau anschliesst. Wattenbach, p. 3.

³⁾ Keine einzige Handschrift des Gedichts ist an den Tag gekommen, so wenig, als des zu Eingang und am Schluss erwähnten Solymarius, worin der Kreuzzug unter Konrad III besungen und welcher dem gleichnamigen Sohn Friederichs I gewidmet sein soll. J. Grimm, Kl. Schriften, III, p. 13.

ствительно, подобно Росвитѣ, въ трудахъ Целтыса можно найти духовные стихи, драмы и даже героическую эпопею. Мы упоминали уже о духовномъ стихѣ, написанномъ Целтысомъ на основѣ древней легенды—*Carmen de s. Sebald*, и объ его героической эпопее—*Carmen de gestis Friderici Primi*; что же касается драмъ, то Целтысь не только писалъ ихъ, но и былъ актеромъ при ихъ представленіи ¹⁾— въ 1501 году, въ Липцѣ, Целтысь участвовалъ въ исполненіи пьесы *Ludus Dianae*, имъ сочиненной. Но вѣдь и Рейхлинъ также точно писалъ драмы ²⁾ и участвовалъ въ исполненіи ихъ ³⁾; писали драмы и духовные стихи также точно и другіе гуманисты конца XV и начала XVI столѣтій, современники Целтыса, отъ которыхъ онъ, въ этомъ отношеніи, отличался лишь своими дарованіями и познаніями, но вовсе не родомъ литературной дѣятельности.

Быть можетъ однако, находя несостоятельными отдѣльные доводы и соображенія Апсбаха, мы должны будемъ признать, что въ совокупности они на столько значительны, что дѣлаютъ неоспоримую его основную мысль ⁴⁾ о поддѣлѣ именно Целтысомъ Мюнхенскаго кодекса? Намъ кажется, что какъ отдѣльные соображенія, такъ и совокупность ихъ теряютъ все свое значеніе передъ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что Целтысь не имѣлъ даже достаточно времени, чтобы сочинить всѣ тѣ произведенія, которыя сохранились въ Мюнхенскомъ кодексѣ. Изъ документа, выданнаго властями монастыря св. Эммерамма, мы знаемъ, что Целтысь получилъ рукопись Росвиты въ 1494 году; если въ документѣ не обозначенъ мѣсяць, то изъ письма Опфельнеха къ Целтысу видно, что 11-го мая того года велись еще только переговоры объ этой рукописи съ братомъ Эразмомъ, подписавшимъ документъ ⁵⁾; а между тѣмъ, Шпонгеймерскій аббатъ, извѣстный

¹⁾ Primus comoedias et tragoedias in publicis aulis veterum more agit. Vita Conradi Celtis, помящ. въ Libri Odarum, ed. Sodal. Rhen., 1513.

²⁾ Scenica Progymnasmata, Tübingen, 1512.

³⁾ Reuchlin verfertigte dem J. von Dahlberg zu Ehren eine Comedie, welche die erste war, die in Deutschland gehalten wurde. Er führte solche 1498 in dem Hause des Bischofs zu Heidelberg auf. Zayf, Leben J. v. Dahlberg, Augsb. 1789, p. 59.

⁴⁾ As regard Aschbach's proof, we must admit the verdict to be founded only on circumstantial evidence. But in their connection the facts become so convincing that a jury could hardly fail to find the same verdict. *The Chronicle*, 1867, № 33.

⁵⁾ Sigismundus Opfelpek, procurator Ratisponens, doctissimo poetarum domino Conrado Celti gymnasii Indolstatiensis ordinario dignissimo domino et praeceptoris suo observandissimo.... «Astralem quoque fratrem Erasmus in coenobio S. Emerani personaliter tractatulos praesentando visitavi illique intentionem vestram declaravi,

Триттемъ, въ своемъ „Перечнѣ церковныхъ писателей“, напечатанномъ въ 1494 же году, говоритъ уже о Росвитѣ, при чемъ довольно подробно перечисляетъ всѣ ея произведения, находящіяся въ Мюнхенскомъ кодексѣ и изданныя позже Цельтисомъ ¹⁾. Такимъ образомъ, для сочиненія восьми духовныхъ стиховъ леониновскими гекзаметрами, шести драмъ прозою, стихотворенія о дѣяніяхъ Оттона Великаго и многихъ мелкихъ предисловій, посвященій и стиховъ, остается всего какихъ-нибудь семь мѣсяцевъ.

Не только, однако, времени, но и познаній Цельтиса было недостаточно для того, чтобы исправлять произведения Росвиты, не говоря уже о томъ, чтобы создать ихъ. Мы упоминали, что Цельтисъ дѣлалъ поправки въ Мюнхенскомъ кодексѣ; одна изъ этихъ поправокъ служить доказательствомъ подлинности произведеній Росвиты, или точнѣе, опроверженіемъ мнѣнія, что эти произведения составлены въ концѣ XV столѣтія Цельтисомъ. Въ Мюнхенскомъ кодексѣ, въ духовномъ стихѣ о страданіи св. Діонисія, встрѣчаются слѣдующія два стиха:

v. 83: Festinat subito *clamari* cum conjuge cara
Pergere, quo Paulum cognoverat esse beatum ²⁾.

Очевидно ошибочное *clamari* Цельтисъ исправилъ въ *cupidus*, хотя отъ этого стихъ ни мало не выигрывалъ; а между тѣмъ всякій, кто рѣшился бы писать о св. Діонисіѣ, конечно, зналъ бы, что жена Діонисія Ареопагита называлась Дамарь, *Damaris* ³⁾, и *clamari* есть не болѣе, какъ ошибка переписчика, вмѣсто *Damari* ⁴⁾. Такимъ образомъ,

qui licet adhuc infirmus ad preces tum meas ipse vobis rescripsit... Ex Ratispona die XI mensis Maii anno domini 94. (Cod. epist. Celt. lib. IV, ep. 4, fol. 33).

¹⁾ Rosvida nobilis mulier in Saxonia nata in Gandeshemensi coenobio, sanctimonialis miro ingenio et doctrina claruit et in utroque scribendi genere admirabilis, ad virgines enim sacratae castitatem et continentiam hortando latine conscripsit:

Comoedias sex,
De gestis Oddonum panegyricum versu hexametro,
In laudes beatæ virginis elegiaco et hexametrico versu.
Item passionem s. Dionysii carmine elegiaco,
Item de s. Gongolfo et aliis sanctis.

Trithemius, De script. eccles., ed. Fabric., p. 99.

¹⁾ *Barack*, p. 109.

²⁾ Дѣян. св. Ап., XVII, 84.

⁴⁾ *W. Ch.*, въ *Augsb. Allgem. Zeitung*, 1867, № 266, первый указалъ на эту злополучную поправку. Подпись *W. Ch.* принадлежитъ профессору Вильгельму Эрнету *W (ilhelm) Ch (rist)*. См. *Hist. Zeitschrift*, XX, p. 418, гдѣ буквы *W. M.* означаютъ *W, Maurenbrecher*,

познаній Цельтиса въ Священномъ Писаніи оказывается недостаточно даже для возстановленія собственнаго имени въ древнемъ спискѣ произведеній Росвиты; можетъ ли же быть послѣ этого рѣчь о томъ, что всѣ эти произведенія составлены Цельтисомъ и лишь приписаны Росвитѣ?

Но если не Цельтисъ, то быть можетъ, кто-нибудь другой составилъ, въ концѣ XV столѣтія, Мюнхенскій кодексъ, фальшивый, по мнѣнію Амбаха? Безусловная подлинность произведеній Росвиты доказывается несомнѣннымъ фактомъ, не зависящимъ ни отъ Мюнхенскаго кодекса, ни отъ перваго его изданія, сдѣланнаго Цельтисомъ. Кромѣ тѣхъ произведеній, которыя вошли въ Мюнхенскій кодексъ, Росвитѣ принадлежитъ еще „Стихъ о построеніи Гандерсгеймскаго монастыря“¹⁾; Цельтисъ, не зная этого „стиха“, не упоминаетъ о немъ въ своемъ изданіи, и онъ былъ впервые напечатанъ въ началѣ XVIII столѣтія²⁾. Что этотъ „Стихъ“ принадлежитъ Росвитѣ, видно изъ находящейся въ немъ ссылки на „Стихъ о дѣяніяхъ Оттона I“, безспорно принадлежащій Росвитѣ и находящійся въ Мюнхенскомъ кодексѣ; говоря объ императорскомъ величіи Оттона, Росвита ссылается на скромную книгу, ею написанную, въ которой то изложено подробнѣе:

v. 87: Haec egitur modici demonstrat pagina libri
Menius, e causis rerum quem scripsimus harum³⁾.

Этотъ-то стихъ о построеніи Гандерсгеймскаго монастыря сохранился въ нижне-саксонской передѣлкѣ начала XIII столѣтія, именно 1216 года⁴⁾, писанный, слѣдовательно, за 300 лѣтъ до того времени, когда

¹⁾ Carmen de primordiis coenobii Gandersheimensis. *Barack*, p. 340—359.

²⁾ Das bisher von denen gelehrten Liebhabern der Historie so sehr gesuchte und verlangte Lateinische *Carmen*, der berühmten Gandersheimischen Hroswithae, so von diesem Stifte und dessen Erbauung handelt, und noch nie zum Druck kommen, theile ich hier gleichfals zum ersten mahl mit, bestehend aus 600 Versen. *Leuckfeld*, p. III (des Auctoris Vorrede); ср. также p. 276.

³⁾ *Barack*, p. 343.

⁴⁾ Alt Nieder-Sächsisches Reim-Chronikon, von der Anlegung des Stifts Gandersheim, welches an 1216 ein Dom-Herr Namens Everhard daselbst aus Lateinischen übersetzt. *Leuckfeld*, p. 353. — Everhardi Presbyteri de fundatione et incrementis Gandeshemensis ecclesiae versus Saxonici antiqui. *Leibnits*, Scr. rer. Brunsw., III, p. 149—171. Авторъ говоритъ, что, спустя 360 лѣтъ послѣ построенія монастыря, которое онъ относитъ къ 856 году, то-есть, въ 1216 году, онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ эту книжку:

Cap. XVII: Von den jaren waren vorgangen, dat is war,

Цельтисъ впервые увидѣлъ неполный списокъ произведеній Росвиты, и за 650 лѣтъ до того, когда Ашбахъ впервые заподозрилъ принадлежность этихъ произведеній монахинѣ X вѣка.

III.

Вѣнскій профессоръ Ашбахъ, въ своей брошюрѣ „Росвита и Цельтисъ“, старается доказать, что Мюнхенскій кодексъ произведеній Росвиты поддѣланъ, и что поддѣлка сдѣлана именно Цельтисомъ. Мы видѣли, что ни одно изъ этихъ положеній не выдерживаетъ критики, и что оба они вызвали протестъ со стороны ученыхъ историковъ и палеографовъ ¹⁾, довольно горячій ²⁾, если и не столь обстоятельный. Для разбора и критики мнѣнй Ашбаха мы познакомились съ Мюнхенскимъ кодексомъ и съ доводами въ подтвержденіе поддѣлки его Цельтисомъ; намъ остается только познакомиться съ самою Росвитою, съ тою монахинею Гандерсгеймскаго монастыря, произведенія которой подали поводъ къ ученому спору.

Современники не оставили намъ свѣдѣній о монахинѣ Росвитѣ; даже и тѣ скудныя извѣстія о ней, которыя мы имѣемъ, она сама даетъ намъ въ своихъ произведеніяхъ. Чѣмъ скупѣе были, въ этомъ отношеніи, современники, тѣмъ щедрѣе было потомство,—и въ настоящее время накопилось довольно много чертъ, не только затемняющихъ настоящій образъ Росвиты, но даже представляющихъ ее въ ложномъ свѣтѣ. Невсегда, конечно, можно замѣнить ложное из-

---

Verdehalf hundert unde dorover theyn jar,
Do dūt bockelin to Dūde wart ghekart
Van einen Papen, do het Everhart.

Начало представляетъ переводъ стиха Росвиты; въ концѣ сдѣланы прибавленія, и произведеніе доведено до временъ Генриха.

¹⁾ Исключеніе, въ этомъ отношеніи, составляетъ лишь отзывъ о книгѣ Ашбаха, помѣщенный въ англійскомъ изданіи *The Chronicle* (London, 1867, № 33).

²⁾ Вайцъ заключаетъ свою замѣтку словами: Mitunter ist es mir fast vorgekommen, als habe der Verfasser mit seiner Anschuldigung einer Mystification gegen den Gelehrten des 15-ten Jahrhunderts sich selbst eine solche gegen seine Zeitgenossen erlauben, etwas eine Satire auf die ihm vielleicht zu skeptische Kritik unserer Tage schreiben wollen. Aber dagegen spricht wohl der Ort, wo die Abhandlung veröffentlicht ist. So kann ich nur mein Bedauern aussprechen, dass der durch manigfache historische Arbeiten bekannteste und verdiente Gelehrte sich hier auf ein Gebiet begeben hat, wo er offenbar in keiner Weise zu Hause ist, und eine Abhandlung publiciert, von der man in seinem Interesse nur wünschen kann, dass sie möglichst bald vergessen werden möge. *Gött. gel. Ans.*, 1867, p. 1.270.

вѣстіе истиннымъ, но всегда должно его отмѣтить и отвергнуть, какъ ни на чемъ не основанное. Росвита, впрочемъ, много потруди-лась, и по ея произведеніямъ, мы можемъ представить себѣ довольно полный образъ ея, какъ писательницы X вѣка.

Саксонскій герцогъ Лудольфъ ¹⁾, по просьбѣ своей супруги Оды, основалъ женскій монастырь въ Брунсгаузенѣ; наплывъ лицъ, желавшихъ спастись въ этомъ монастырѣ, былъ такъ великъ, что въ 852 году онъ былъ переведенъ въ болѣе обширную и удобную мѣ-стность, — на гористый берегъ рѣки Ганды, отчего и монастырь на-звался Гандерсгеймскимъ ²⁾. Лудольфъ и умеръ, не успѣвъ оконча-тельно устроить монастырь на новомъ мѣстѣ ³⁾; вдова Ода, будучи уже 63 лѣтъ, поселилась въ монастырѣ, и переживъ почти всѣхъ родныхъ, умерла въ немъ, 107 лѣтъ ⁴⁾. Гандерсгеймская обитель при-нимала подъ свой кровъ только знатныхъ дѣвицъ и дамъ, которыя жили въ немъ, какъ при дворѣ: сюда приходили знаменитые рыцари навѣщать своихъ родственницъ, вносили дорогіе вклады и жертвовали обширныя помѣстья; королевская фамилія часто посѣщала обитель и оставалась здѣсь по долгу со всею своею блестящею свитою; король и королева осыпали своими милостями Гандерсгеймъ ⁵⁾, богатствомъ

¹⁾ v. 10: Quod nam construxisse ducem reverenter eundem.
Constat Saxonum, quem praedixi, Liudulfum. (Carmen de constr. coe-
nobii Gandersh.).

²⁾ v. 109: Quis fuit ecclesiae possessio denique parvae
Trans ripas Gaudae supra montana locatae,
Unde locum celebrem vocitabant Gandeshemensem. (Ibid.).

³⁾ v. 286: Sed dux Liudulfus, primus qui conditor ejus
Extitit et cura cujus processit origo
Omnis structurae, precibus poscentibus Odae,
Proh dolor! ad summum non duxit opus studiosum,
Sed, naturalis saeva tactus necc mortis etc. (Ibid.).

⁴⁾ v. 580: Oda, nimis felix, nostri spes et dominatrix,
Quum decies denos septem quoque vixerat annos,
Vitam sine beno consumens transit ad astra. (Ibid.).

⁵⁾ Carmen de primord. coenob. Gandersh, v. 470:
Ergo rege pio jam defuncto Hludowico
Qui regum primus nostros tradebat in usus
Regali prius obsequio loca debita multa,
Necnon chyrographis ejus sub nomine scriptis
Jura monasterii firmaverat omnia nostra;
Ejus post annos discessus denique paucos

превосходившій всё монастыри и роскошью непохожій на мирную обитель. Въ спискѣ аббатиссъ Гандерсгеймскаго монастыря упоминаются исключительно принцессы владѣтельныхъ домовъ. Первыми аббатиссами были три дочери Лудольфа и Оды — Гатумова, Герберга I и Христина; седьмою аббатиссою была Герберга II, дочь Генриха, герцога Баварскаго: во время ея игуменства и жила въ монастырѣ монахиня Росвита ¹⁾).

Росвита писала свое имя *Hrotswitha* ²⁾, а переводила его на латинскій языкъ выраженіемъ: *clamor validus* ³⁾. Она, къ сожалѣнію, умолчала о своемъ происхожденіи, и только зная уставъ Гандерсгеймскаго монастыря, мы можемъ догадываться, что Росвита была Саксонка знатнаго рода ⁴⁾. Въ своихъ произведеніяхъ, Росвита оставила нѣсколько намековъ, по которымъ можно опредѣлить приблизительно время, когда она жила. Говоря о смерти Оттона, отца Генриха Птицелова, Росвита прибавляетъ, что она „въ то время не покидала еще утробы матери и родилась гораздо позже“ ⁵⁾, а въ пре-

*Eiudgardis regina, sui dignissima regni
 Consorts tontarum quae nobis causa bonorum
 Extitit, e mundo discessit proh dolor! isto
 Non sine nostrarum magno rerum detrimento.*

¹⁾ Sub illustrissima domina Garburgi ista secunda vitam egit ac floruit, illustris virgo sanctimonialis Hrosuita. *Bodo*, Syntagma de eccl. Gandes., ap. *Leibnitz*, Scr. reg. Brunsw., III, p. 712..

²⁾ Такъ написано это имя въ Мюнхенскомъ кодексѣ четыре раза, и только разъ *Hrotswith*, именно въ предисловіи къ драмамъ (*Barack*, p. 140). Сохранилось до 18 различныхъ формъ этого имени (*Förstemann*, Altd. Namenbuch, I, p. 741).

³⁾ *J. Grimm*, Lat. Ged., p. IX, Anm., подтверждаетъ, что *Hrotswitha* въ переводѣ на латинскій языкъ означаетъ *clamor validus*, звучный голосъ. Все другія объясненія имени должны быть отвергнуты: 1) *Gottsched*, Nothig. Vorrath z. Gesch. d. deut. dram. Dichtkunst, II, p. 13, переводитъ на нѣмецкій языкъ — *Weisse Rose*; 2) *Acta Sanct.*, Jun., V, p. 205: *Vixit Roswitha sive Hrotswitha, formato ab equis pascendis vel rubro alboque coloribus*; 3) *Seidel*, Icones et elogium virorum aliquot praestantium, 1670, говорить, что *Hrotswitha* есть *Helena Rossow*; наконецъ 4) *Löher*, *Hrotswitha und ihre Zeit*, p. 470, говорить: *das konnte nur die weisse Rose heissen oder die Roth' und Weisse*.

⁴⁾ Въ монастырь принимали только знатныхъ родовъ. *Roswitis*—*puella saxonica, insignis patria*. *Bodo*, Chron. episc. Hildensh., ap. *Leibnitz*, scr. reg. Brunsw. II, p. 787.

⁵⁾ *Carmen de primordiis cœnobii Gaudersheimensis*, v. 530:

*Necdum maternis quæ tunc erupimus alvis
 Sed fuimus vere longo post tempore natæ.*

дисловіи къ духовнымъ стихамъ говорить, что аббатисса Герберга „моложе ея лѣтами“¹⁾; Герберга родилась около 940 года и Оттонъ умеръ въ 912 г., слѣдовательно, Росвита родилась гораздо позже 912 года и нѣсколько ранѣе 940 г., приблизительно между 930 и 935 годами. Годъ смерти Росвиты нельзя опредѣлять даже и приблизительно; мы знаемъ только, что она жила въ 968 году, такъ какъ „стихъ о дѣяніяхъ Оттона I“ упоминаетъ о 967 годѣ, а послѣ этаго труда Росвита написала еще „стихъ о построеніи Гандерсгеймской обители“²⁾. Не подлежитъ лишь сомнѣнію, что Росвита жила во второй половинѣ X столѣтія³⁾.

Воспитаніе Росвиты, ея юность, жизнь до поступленія въ монастырь, какъ и время ея посвященія, намъ рѣшительно не извѣстны, и мы не считаемъ даже нужнымъ повторять догадки новѣйшихъ ученыхъ, иногда совершенно произвольныя⁴⁾, иногда довольно безсвѣдствныя⁵⁾. Въ монастырѣ Росвита пользовалась наставленіями сперва

¹⁾ Gerberga abbatissa, quæ ætate minor, sed scientia provector. *Barack*, p. 3.

²⁾ Генрихъ Водонъ, въ одномъ мѣстѣ своей *Cron. episc. Hildenshemensium*, говоритъ: Roswitis, quæ sex comœdias sacras scripsit et *trium imperatorum Ottonum* res gestas omnes, и на этомъ основаніи многіе опредѣляютъ годъ смерти Росвиты годомъ смерти послѣдняго изъ трехъ Оттоновъ, то-есть, 1002 годомъ, забывая, что Водонъ, какъ писатель половины XVI стол., не можетъ служить въ данномъ случаѣ надежнымъ авторитетомъ и что въ предисловіи къ „стиху о дѣяніяхъ Оттона I“ Росвита, обращаясь къ императору, говоритъ:

v. 30: Et licet imperii teneas decus Octavioni,
Non dedigneris vocitari nomine regis,
Donec perscripto vitæ regalis honore,
Ordine digesto necnon sermone decoro
Dicatur sceptri decus imperiale secundi.

Тотъ же Водонъ относитъ Росвиту къ IX вѣку: *Constanea Joannis Anglici* fuit, quæ doctrina sua paratum meruit (*Leibnitz*, *Scr. rer. Brunsw.*, III, p. 712). *Ducange* относитъ ее къ XII стол.: Roswita, sanctimonialis in Saxonia vixit a. 1120 (*Gloss. med. et inf. lat.*). *Villemain*, *Tableau de litter. franç. au moyen-âge*, p. 216: Hroswitha, religieuse du monastère de Gandersheim, au XI siècle.

³⁾ Claruit temporibus Ottonis primi et secundi clarissimorum imperatorum. *Tritheim.*, *Catal. illustr. vir.*, p. 129.

⁴⁾ Hrotsvitha entra au monastère de Gandersheim un peu après Gerberge, c'est-à-dire, avant 959, à l'âge d'environ vingt-trois ans. *Magnin*, p. XXII.

⁵⁾ *Scherr*, *Geschichte deutscher Cultur und Sitte*, p. 85. Отвѣтъ на подобныя замѣчанія уже сдѣланъ: Wer nur einige Blätter der von dem edelsten Hauche jungfräulicher Unschuld durchwehten Gedichte und Dramen unserer Dichterin liest, wird diese Anschuldigung als ein ungerechte und gewissenlose erkennen. *Barack*, p. VIII.

монахини Риккардисы, потомъ игуменьи Герберги ¹⁾. Какъ всѣ монашери бенедиктинскаго ордена, Гандерсгеймская обитель была образовательною школой, въ которой чтеніе Священнаго Писанія соединилось съ изученіемъ свѣтскихъ познаній, и въ этомъ отношеніи Гандерсгеймъ рано приобрѣлъ извѣстность: сохранилось свѣдѣніе, что четвертая аббатисса монастыря отличалась своею ученостью, особенно же познаніями въ логику и риторику; она написала даже особый трактатъ о логикѣ, который очень цѣнится хронистомъ ²⁾. Въ своихъ сочиненіяхъ Росвита выказала довольно разносторонніи познанія: въ драмѣ „*Parvultius*“ говорится о раздѣленіи музыки на духовную, свѣтскую и инструментальную ³⁾, о симфоніи ⁴⁾, и приводится математическая теорія аккордовъ и интервалловъ ⁵⁾; въ драмѣ „*Sapientia*“ высказывается теорія чиселъ ⁶⁾; очевидно, что Росвита была знакома съ сочиненіями Боэція, Цензорина, Кассіодора, Марціана Капеллы, Макробія. Самый языкъ произведеній Росвиты, выраженія и обороты рѣчи свидѣтельствуютъ, что ей хорошо были извѣстны классическія произведенія Овидія, Горация, Виргилія ⁷⁾, особенно же Теренція и

¹⁾ *Barack*, p. 4.

²⁾ *Walbertus, septimus episcopus Hildeshemensis, post Christinam Gandersheimensem abbatissam defunctam, Roswitham ibidem in regimen intramisit, quæ ceteris excellentior in Logica et Rhetorica extitit, ut ejus libri et scriptum testantur; composuit namque librum Logicæ valde insignem. Cron. cœn. s. Michaelis, ap. Meibom., I, p. 706. Möglich, dass der Ruhm der Gelehrsamkeit, den die Dichterin Hrotsvitha sich erworben hatte, auf ihre Namensschwester, die Aebtissin, einigermassen zurückstrahlte. Barack, p. VIII.*

³⁾ *Prima dicitur mundona sive cœlestis, secunda humana, tertia, quæ instrumentis exercetur. Barack, p. 242. См. Bætius, De musica, lib. cap. 2; Aurelianus Remensis, ap. Gerbert, cr. de musica, I, p. 65.*

⁴⁾ *Symphonia dicitur modulationis temperamentum. Barack., p. 243. Довольно темное и неполное опредѣленіе симфоніи взято Росвитою у Цензорина (*Symphonia est duarum vocum inter se junctarum dulcis concensus. Censorinus, de die natali, cap. X, § 5*) или Кассіодора (*Symphonia est temperamentum sonitus gravis ad acutum, vel acuti ad gravem modulamen efficiens Cassiodorus, de musica, p. 430, ed. princ.*); выраженіе же *modulatio* употреблено въ томъ смыслѣ, какой придалъ ему Марціанъ Капелла: *modulatio est soni multiplicitis expressio (Martianus Capella, lib. IX, § 95).**

⁵⁾ *Diatessaron, diapente, diapasen. Barack, p. 244. Все это почти дословно взято изъ Censorin., de die natali, и Macrobi., Somnium Scipionis.*

⁶⁾ *Barack., p. 278 и 279. Даже взяты четыре четныя числа, какъ примѣръ, заимствованы у Boeth., Arithmet., lib. I, cap. 20.*

⁷⁾ Такъ, подражая Горацию, она употребляетъ *gaudere* съ Infinit: «*Gauderet mundum loquis retinere malignis*» (*Maria, v. 222*), или: «*Nam Deus in templo gau-*

Плавта ¹⁾; едва ли нужно упоминать, что Росвита читала Тертуллиана, Лактанція, Августина и хорошо знала Священное Писаніе ²⁾. Много читала Росвита, много и писала. Мы не знаемъ ея орфографіи, но если Мюнхенскій кодексъ есть точный списокъ съ ея собственной рукописи, то должно признать, что Росвита была болѣе, чѣмъ слаба въ правописаніи, такъ какъ Мюнхенская рукопись переполнена орфографическими ошибками ³⁾. Въ сочиненіяхъ Росвиты насчитывается десятка три греческихъ словъ ⁴⁾, изъ чего многіе заключаютъ, что она знала греческій языкъ ⁵⁾. Заключение это намъ кажется нѣсколько смѣлымъ: могла знать, могла и не знать: ея греческія слова или общепотребительныя ⁶⁾, или термины ⁷⁾, заимствованные изъ другихъ книгъ; а греческая конструкція, въ родѣ *posere aliquem*, могла явиться вслѣдствіе безсознательнаго употребленія.

Внутреннее развитіе писателя сказывается въ произведеніяхъ, и для характеристики Росвиты, какъ писательницы, необходимо узнать хронологическую послѣдовательность ея сочиненій. Въ этомъ отно-

det requiescere mundo» (Ibid. v. 391). Такія выраженія, какъ напримѣръ: «si mens non fuisset laeva (Barack, p. 221), указываютъ на вліяніе Виргилія. См. Zappert, Virgils Fortleben im Mittelalter, помѣщ. въ *Denkschriften d. k. k. Akad. d. Wiss.*, II, Abth. 2, p. 40.

¹⁾ У Росвиты часто встрѣчается заимствованный у Плавта *genit.* (не *dativ. gen.*, какъ думаетъ Амбахъ, p. 25, Anm. 2) *mis* и *tis*, вмѣсто *mei* и *tui*:

v. 179: Accipe, care meus, *mis* jam venerabile corpus (Passio s. Dionisy).

v. 219: Quo *tis* secretum scrutarer mysteriorum (Ibid.).

Такихъ мѣстъ много, и не только въ гекзаметрахъ, но и въ прозѣ: «*Mis familiares socii, Johannes et Paulus, suaserunt mihi votum fecisse Creatori*» (Gallic., Barack, p. 161). Выраженіе: *vetula virgo, moestitudo, amatrix* и др. напоминаютъ Теренція.

²⁾ Въ одной драмѣ, «*Parhnutius*», мы встрѣтили слѣдующія заимствованія изъ Священнаго Писанія: 1) *Nam stulta mundi elegit Deus, ut confuderet sophistica* (Barack, p. 246) изъ 1 посл. къ Коринѣ. гл. I, ст. 27; 2) *Ea videlicet, quae consentientes in oratione promisit omnia impetrare posse* (Ibid. p. 265) изъ Матвѣя, гл. XVIII, ст. 20; 3) *Si Deus iniquitates observabit, nemo sustinebit* (Ibid. p. 266). изъ Псалма СХХІХ, ст. 3.

³⁾ L'orthographe du manuscrit est tellement inconstante et habituellement fautive, qu'il est impossible de la reproduire sans modification. Magnin, p. LXII.

⁴⁾ Такихъ словъ всего 27; они приведены въ изданіи произведеній Росвиты. Barack, p. LCIV.

⁵⁾ Græcæ etiam linguæ notitiam habuit. Bodo, Syntagma. ap. Leibnitz, III, 712.

⁶⁾ Какъ, напримѣръ, *atomus, clima, scenobium, oda, strophium* и т. п.

⁷⁾ *Diapason, diatessaron, dynamis* и др.

шеніи исходною точкою должны быть два указанія, сдѣланныя самою Росвитою: въ „стихѣ о построеніи Гандерсгеймской обители“ авторъ ссылается на „панегирию Оттону I“—слѣдовательно, „Панегирикъ“ написанъ ранѣе „Стиха“¹⁾; и во введеніи къ драмамъ авторъ говоритъ, что въ „предыдущихъ“ своихъ трудахъ онъ основывался на извѣстныхъ авторитетахъ, при чемъ упоминается духовный стихъ о св. Пелагій,—слѣдовательно, духовные стихи писаны ранѣе драмъ²⁾; изъ предисловія же къ панегирику и изъ воззванія къ Оттону II, которому было въ то время лѣтъ тринадцать, и по „повелѣнію“ котораго писанъ Панегирикъ³⁾, очевидно, что легенды и драмы составлены ранѣе панегирика и стиха. Такимъ образомъ, въ составленіи сочиненій Росвиты оказывается тотъ хронологическій порядокъ, въ которомъ они являются въ Мюнхенскомъ кодексѣ: духовные стихи, драмы, панегирикъ и не вошедшій въ кодексъ стихъ о построеніи Гандерсгеймской обители.

Указать послѣдовательный порядокъ составленія восьми духовныхъ стиховъ не возможно; мы знаемъ лишь несомнѣнно, что послѣдніе три писаны позже первыхъ пяти: сама Росвита называетъ ихъ новѣйшими стишками, *versicoli novelli*; по содержанію же, можно думать, что они составлялись въ томъ порядкѣ, какъ помѣщены въ Мюнхенскомъ кодексѣ. Конечно, духовные стихи о жизни Богоматери и о вознесеніи Господнемъ, въ которыхъ строгое, совершенно историческое настроеніе не нарушается никакою примѣсью изъ „грѣховнаго“ міра, написаны ранѣе страданій св. Гонгольфа, причина которыхъ заключается въ его распутной женѣ, и ранѣе страданій св. Пелагія, въ которыхъ выступаютъ на сцену грубые инстинкты изнѣженной восточной натуры калифа.

¹⁾ *Carmen de primordiis sanob. Gandersh.*, v. 87 et 88.

²⁾ *Explicit liber primus, incipit secundus, dramatica serie contextus. Barack,* p. 133.

³⁾ v. 40: *Vilem ne spernas vilis textum monialis,
Quem praesentari, si digneris reminisci,
Ipse tui claris jussisti nuper ocellis,
Et cum perspicias maculis sordescere crebris,
Ad celerem tanto veniam mox pronior esto
In monstrando, tuis quantum plus pareo jussis,
Si tis praeepto non urgerer metuendo,
Non foret ullo modo mibiment fiducia tanta
Ut tibi praesentis scrutandum rusticitatis
Auderem satis exiguum praeferre libellum.* (*Barack*, p. 307).

Содержаніе духовныхъ стиховъ, какъ мы видѣли, во всемъ согласно съ легендами, и обращаетъ на себя вниманіе лишь то обстоятельство, что страданія всѣхъ мучениковъ, описанныхъ Росвитою — св. Целагія, Діонисія, Агнесы, оканчиваются не иначе, какъ отсѣченіемъ головы. Въ этомъ отношеніи Росвита осталась вѣрна духу средневѣковыхъ сказаній о святыхъ мученикахъ. Читая легенды и исторію мученій, видишь, что моральное величіе мучениковъ проявляется въ физической апатіи, въ неуязвимости тѣла ни огнемъ, ни мечемъ, за исключеніемъ головы: съ тѣхъ поръ, какъ, по преданію, пала отъ римской сѣкиры голова св. Павла, ни одна легенда не осмѣлилась притупить мечъ палача на столько, чтобы чья-либо шея могла остаться невредимою. Св. Целагія бросаютъ съ утесовъ, св. Агнесу жгутъ въ огнѣ, и они остаются невредимыми, но только шея христіанскихъ мучениковъ, напоминая греческую пята Ахилла, даруетъ имъ желанный мученическій вѣнецъ. Сюжеты всѣхъ духовныхъ стиховъ разнствуютъ между собою, за исключеніемъ пятого и шестаго, въ которыхъ повторяется одинъ и тотъ же мотивъ — запись души сатанѣ. Это сказаніе, бывшее любимомъ темою средневѣковыхъ поэтовъ, имѣло, быть можетъ, для Гандерсгеймской обители особое значеніе: сохранилось извѣстіе, что четвертая Гандерсгеймская аббатисса исторгла у дьявола запись, писанную кровью юноши ¹⁾. Если это извѣстіе идетъ, по преданію, со времени Росвиты, то въ немъ не трудно увидѣть причину, почему саксонская монахиня посвятила подобному сюжету два духовные стиха.

На драмахъ яснѣе всего отразился постепенный ходъ развитія Росвиты. Между тѣмъ какъ въ первыхъ своихъ драматическихъ опытахъ Росвита довольно боязливо подчиняется легендѣ и почти рабски ²⁾ слѣдуетъ ей, въ послѣдующихъ она все болѣе и болѣе становится самостоятельною: она придаетъ легендарнымъ образамъ болѣе рѣзкія черты, вводитъ въ дѣйствіе новыхъ лицъ или же, уступая вкусу вѣка, помѣщаетъ въ пьесы ученыя вставки. Въ писемѣ къ сво-

¹⁾ De Roswitha abbatisa, filia regis Graeciae, ut fertur, dicitur, quod Diabolo schedulam, quo puer quidem sanguine suo scripta se ei obligaverat, extosserit. *Schneuer, Paedag.*, pars I, tit. de usuris, ap. *Meibom*, I, p. 706.

²⁾ Во второй части первой драмы (Gallicanus), глумленіе Юліана надъ ученіемъ Христа, выраженнымъ въ ев. Луки, XIV, 33, дословно взято изъ легенды: «O milites, accingimini et nudate christicolae possessionibus propriis, obiciendo sententiam Christi, dicentis: qui non renuntiaverit omnibus, quae possidet, N. P. T. M. V. E. S. D. P. L. (*Barack*, p. 166).

нимъ ученымъ покровителямъ, Росвита разказываетъ, какъ она долго колебалась и лишь послѣ громваго одобренія первыхъ драматическихъ попытокъ рѣшилась продолжать: „я едва осмѣливалась показывать мои грубыя произведенія очень немногимъ и то лишь близкимъ мнѣ лицамъ; я почти перестала уже сочинять что-либо въ этомъ родѣ и только теперь, поддѣренная похвалами, чувствую въ себѣ болѣе увѣренности“ ¹⁾).

Намъ не извѣстна жизнь Росвиты до вступленія въ монастырь, и мы не можемъ поэтому указать тѣ намеки на пережитое и пережитое ею, которые, быть можетъ, встрѣчаются въ драмахъ. Быть можетъ, Росвита скрылась въ монастырь вслѣдствіе какого-либо столкновенія, изъ котораго она вышла съ разбитымъ сердцемъ, и воспѣвая пережитое, думала тѣмъ взять верхъ надъ своими страданіями; что-то подобное слышится въ похвальбѣ, что въ ея драмахъ „побѣждаетъ женская слабость, и мужская сила терпитъ поражение“ ²⁾, и быть можетъ, еще болѣе въ откровенномъ признаніи, что „удостоятся ли ея драмы похвалы или порицанія, она сама все-таки рада, что, изображая рядъ драматическихъ сценъ, она избѣгла пагубныхъ соблазновъ язычниковъ“ ³⁾. Но если не въ сокрытой отъ насъ жизни самой Росвиты, то въ извѣстной намъ исторіи Гандерсгеймскаго монастыря могутъ быть усмотрѣны нѣкоторые мотивы, побудившіе ее избрать ту или другую легенду сюжетомъ для драмы.

Въ „Стихъ о построеніи Гандерсгеймской обители“ приведенъ прекрасный разказъ изъ жизни аббатиссы Герберги, во многомъ сходный по содержанію съ первою драмою Росвиты — *Gallicanus*. Мы приведемъ этотъ разказъ, живо рисующій жизнь монахинь въ Гандерсгеймѣ:

„Послѣ того какъ Гатумоза, счастливая дѣва Христа, дважды одиннадцать лѣтъ имѣла заботу о паствѣ ⁴⁾, она, умирая во Христѣ, отошла въ небесное царство и поручила управление Гербергѣ. Эта была обручена съ нѣкимъ свѣтлымъ и чрезвычайно могущественнымъ му-

¹⁾ Rusticitatem meae dictatiunculae hactenus vix audebam paucis ac solummodo familiaribus meis ostendere; unde poene opera cessavit dictandi ultra aliquid hujusmodi... at nunc, vestris corroborata sententiis, fiducialius praesumo. *Barack*, p. 141.

²⁾ Praesertim cum feminea fragilitas vinceret et virilis robur confusioni subjaceret. *Barack*, p. 158.

³⁾ Si enim alicui placet—gaudebo, si autem nulli placet, memet ipsam tamen juvat, quod feci, quia dum proprii vilitatem laboris, in aliis opusculis heroico ligatam strophio, in hac dramatica junctam serie colo, perniciosas gentilium delicias abstinendo divito. *Ibid.* p. 139.

⁴⁾ v. 322: Cum gregeis undenos curam bis gesserat annos.

жемъ, по имени Бернгардомъ. Но она сама тайно посвятила себя Христу, истинно небесному жениху, презирая всю душою жениха смертнаго. Она не могла вдругъ сбросить свои блестящія золотомъ одежды, чтобъ избѣжать соблазна, и одѣвалась по прежнему въ дорогія платья¹⁾. Между тѣмъ, явился тотъ, кого отвергла невѣста Бога, желая открыто переговорить съ нею. Онъ слышалъ, что она сама добровольно дала обѣтъ непорочно сохранить дѣвическую стыдливость. Когда же она медлила и не хотѣла выйти къ нему, онъ очень утрашился, чтобы не было правдой то, что онъ прежде слышалъ. Не теряя времени, онъ безпокоилъ своими мольбами Оду до тѣхъ поръ, пока она не приказала явиться дочери, великолѣпно изукрашенной дорогими одеждами и драгоценными камнями, какъ украшаются невѣсты²⁾. Когда Бернгардъ увидѣлъ ту, которую такъ страстно желалъ, онъ, какъ говорятъ, сказалъ своей возлюбленной подругѣ: „Печальная вѣсть прошла; я слышалъ не разъ уже, что ты стремишься нарушить данное обѣщаніе. По повелѣнію короля, нашего государя, я долженъ тотчасъ же отправиться отсюда на войну, и такъ какъ теперь у меня нѣтъ времени переговорить объ этомъ, то знай напередъ, что если я вернусь здоровъ и невредимъ, я соединюсь съ тобою и уничтожу твой обѣтъ, какъ ничего не значущій!“ Онъ сказалъ, и взволнованный, поднявъ правую руку, поклялся своимъ мечемъ, что, по ирѣв силъ, приведетъ свои слова въ исполненіе. Герберга скромно отвѣчала ему: „Христу посвятила я себя всю и свою жизнь; я молю, да исполнится надо мною Его святая воля“. Когда она окончила свою рѣчь, Бернгардъ ушелъ и вскорѣ почувствовалъ на себѣ, что могущество сердца ничто передъ Господомъ: такъ какъ онъ слишкомъ нагрѣшилъ своими безумными рѣчами, онъ палъ въ битвѣ, побѣжденный небесными силами“.

Этотъ разказъ, хорошо извѣстный въ Гандерсгеймской обители, побудилъ, быть можетъ, Росвиту драматизировать легенду о Галликанѣ: язычникъ Галликанъ, военачальникъ, отправляясь на войну противъ Сарацинъ, просить руку дочери императора Константина, христіанки Констанціи, посвятившей себя Богу. Констанція, зная,

¹⁾ v. 380: Nec tamen extimplo, pro seditione cavenda,
Auro fulgentes potuit deponere vestes,
Induitur solito sed vestitu pretioso.

²⁾ v. 841: Ornatam pulchre cultu vestis pretiosae
Necnon gemmatis sponsarum more metallis.

какъ важна для имперіи полководческая слава Галликана, соглашается, но требуетъ сперва окончанія войны, а между тѣмъ, молится, чтобы Господь просвѣтилъ язычника свѣтомъ христіанскаго ученія, и такимъ образомъ, дозволилъ ей исполнить свой обѣтъ. Галликанъ отправляется на войну, побѣждаетъ во имя Христа, крестится, и все оканчивается къ общему удовольствію. Правда, Галликанъ самъ отказывается отъ руки своей невѣсты, и не походить на Беригарда, но положеніе Констанціи во всемъ сходно съ Гербергой, и обѣты, данные обѣими, приводится въ исполненіе при посредствѣ войны.

Какъ первая, такъ и послѣдняя драма — *Sapientia* — могла быть написана въ воспоминаніе прошлыхъ судебъ Гандерсгеймской обители: Ода, основательница монастыря, похоронившая въ ней трехъ своихъ дочерей, и наконецъ, сама упокоившаяся въ стѣнахъ возлюбленной обители, рядомъ съ дочерьми ¹⁾, напоминаетъ Софію, которая своими руками хоронитъ трехъ своихъ дочерей — Вѣру, Надежду, Любовь, а затѣмъ сама умираетъ во Христвѣ. Софія, схоронивъ своихъ дочерей, говоритъ: „Я вручила тебѣ, земля, цвѣты, рожденные моею утробою, чтобы ты сохранила ихъ на своемъ лонѣ до дня общаго воскресенія, когда они разцвѣтутъ съ большею славою“ ²⁾; съ тою же мыслью провожаетъ Росвита въ могилу престарѣлую Оду:

Vitam fine bono consumens transit ad astra,
 Expectans spe felici tempus redeundi,
 Flatus, atque resurgendi de pulvere pleni
 Corporis in tumulo, quod nunc sub tegmine duro ³⁾.

Лучшая драма изъ всѣхъ шести, безспорно, *Callimachus*, какъ по фабулѣ, полной романической прелести и жизненной правды, такъ и по исполненію, въ которомъ страстная нѣжность чувствъ вѣрно передана въ развитіи драмы и въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ. Есть положительныя указанія, что духовный стихъ Росвиты о св. Целагін былъ хорошо извѣстенъ въ Испаніи, по мы не знаемъ на сколько ея драмы были извѣстны въ Англіи. Мы не можемъ въ настоящее время разгадать — читалъ ли Шекспиръ драмы Росвиты, но съ увѣренностію можемъ сказать, что если онъ читалъ ихъ, то именно „*Каллимахъ*“

¹⁾ *Carmen de primord. Gandersh.*, v. 586:

Juxta notarum requiescit busta suorum.

²⁾ *Sapientia*: *Flosculos uteri mei tibi, terra, servandos committo, quos tu materiali sinu foveto, donec in resurrectione majori reviridereant gloria. Barack*, p. 296.

³⁾ *Carmen de prim. coen. (Gandersh.)*, v. 582—585 (*Ibid.* p. 369).

произвелъ на него самое глубокое впечатлѣніе; или быть можетъ, сходство „Каллимаха“ съ „Ромео и Джульетой“ совершенно случайно? быть можетъ, то чувство, которое легло въ основу фабулы обѣихъ драмъ, проявлялось одинаково какъ въ X, такъ въ XIII столѣтіи и даже въ XIX, когда мы съ равнымъ интересомъ относимся къ тождественнымъ произведеніямъ какъ Росвиты, такъ и Шекспира? Какъ бы то ни было, но сходство обѣихъ драмъ бросается въ глаза. Заключительная сцена, при всей своей своеобразности, одна и та же въ обѣихъ драмахъ: на гробѣ—трупъ красивой женщины; у ногъ его—два мужскія тѣла, умершихъ вслѣдствіе любви къ той женщинѣ; къ этой неживой сценѣ подходятъ, у Шекспира—принцъ и монахъ, у Росвиты—государь и апостолъ; въ довершеніе сходства этой сцены, въ обѣихъ драмахъ, помислы дѣйствующихъ лицъ возвышенны, и рѣчи ихъ равно торжественны. Начало обѣихъ драмъ можно считать тождественнымъ: Ромео выступаетъ на сцену также меланхолически, также страшится открыть свою любовь, какъ и Каллимахъ; веселые, но преданные друзья также точно просятъ каждого повѣдать имъ его тайну. Всѣмъ извѣстна постепенность отвѣтовъ Ромео: сперва—„я люблю“, потомъ—„я люблю женщину“, наконецъ—„и та, которую я люблю, прекрасна“, затѣмъ уже идетъ рѣчь объ обѣтѣ непорочности, данномъ любимой женщиной, и Ромео заключаетъ словами: „и этотъ обѣтъ есть смерть для того, который любить, потому что житье“. Въ первой сценѣ „Каллимаха“ тотъ же ходъ мыслей, почти тѣ же выраженія. На сценѣ Каллимахъ, полный грусти; его окружаютъ друзья:

Друзья. Повѣдай намъ твою печаль, и если она велика, мы будемъ страдать вмѣстѣ съ тобою; если же нѣтъ, мы постараемся отвлечь твой умъ отъ печальной мысли.

Каллимахъ. Я люблю.

Друзья. Кого?

Каллимахъ. Ничто прекрасное и полное граціи.

Друзья. По этому нельзя узнать, что ты любишь.

Каллимахъ. Я люблю женщину! ¹⁾

Затѣмъ идетъ рѣчь о томъ, что любимая Каллимахомъ женщина посвятила себя Богу, въ чемъ Каллимахъ предвидитъ для себя смертельный приговоръ.

Историческія произведенія Росвиты хорошо извѣстны и оцѣнены

¹⁾ Callimachus, ap. Barack, p. 194.

по достоинству: „Панегирикъ“ Оттону II былъ и навсегда останется важнымъ источникомъ исторіи ¹⁾); „Стихъ о построеніи Гандерсгеймской обители“, основанный на документахъ, до насъ не дошедшихъ, служить отраднымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ объ умственной дѣятельности одного изъ центровъ средневѣковой образованности ²⁾. Оба эти произведенія Росвиты подробно рассмотрѣны историческою германскою литературою, и не повторяя уже извѣстнаго, мы можемъ ограничиться лишь упоминаніемъ ихъ, равно какъ пройти совершеннымъ молчаніемъ тѣ произведенія, которыя приписываются Росвитѣ по недоразумѣнію и которыя, вѣроятно, никогда не существовали ³⁾.

В. Вильбасовъ.

¹⁾ *Pertz, Monum.*, VI, B; *Contzen, Die Geschichtsschreiber der sächsischen Kaiserzeit*, p. 109; *Giesebrecht, Gesch. d. deutschen Kaiserzeit*, I, p. 214.

²⁾ «Стихомъ» Росвиты, какъ историческимъ матеріаломъ, пользовались уже давно и на немъ, главнѣйшимъ образомъ, основанъ трудъ *H. Bodonis, Syntagma de ecclesia Gandesiana*, помѣщенный въ *Leibnitz, Scr. rer. Brunsw.*, v. III.

³⁾ Упомянутый въ предыдущемъ примѣчаніи Бодо, желая перечислить сочиненія Росвиты, говоритъ: *Hrotsvithae operae sunt: Ad virgines sacras, castitatem et continentiam hortando, latina sermone conscripsit: in laudes Beatae Virginis elegiaco et hexametris versu librum unum etc.* (L. v. c., p. 712). Историкъ Гандерсгеймскаго монастыря, Лейкельдъ, въ началѣ XVIII столѣтія, принявъ подчеркнутыя нами слова, выражающія характеристику произведеній Росвиты, за названіе отдѣльнаго труда, и пересчитывая, съ своей стороны, произведенія Росвиты, приписалъ ей девятый духовный стихъ: «Die Beschreibung der Keuschheit der Nonnen». Ошибка нѣмецкаго ученаго тѣмъ непростительнѣе, что Бодо при этомъ замѣчаетъ: «et praescripta quidem in lucem per caleographos edita habentur», такъ что Лейкельдъ легко могъ разъяснить свое сомнѣніе простымъ просмотромъ изданія Целтыса. Въ «Стихѣ о Гандерсгеймской обители» Росвита упоминаетъ о патронахъ обители, св. Анастасіи и Иннокентіи (v. 168), что дало нѣкоторымъ ученымъ поводъ утверждать будто-бы Росвита написала подробныя житія этихъ святыхъ, до насъ не дошедшія (*Boδο*, l. c.; *Fabricius, Biblioth.*, v. II, p. 834). Росвита приписываютъ также *Liber diversorum carminum et epigrammatum*, какъ отдѣльное произведеніе (*Trithem.*, De viris illustr., p. 129; *Schröck, Lebensbesch. berühmter Gelehrten*, p. 10, см. *Pertz, Monum.*, VI, p. 305, n. 17). Равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Росвита составила житія св. Виллибальда и Вундибальда, какъ то говоритъ *Casimir Oudin, Supplem. de script. eccles. a Bellarmino omissis*, ad n. 890, сознавая, впрочемъ, что эти житія болѣе ранняго происхожденія (*Comment. de script. eccles.*, v. II, p. 508). Въ перечисленные шесть произведеній Росвиты не принадлежатъ и только два послѣднія дѣйствительно существуютъ. (*Mabilion, saecul. IX, sanctog. v. Bened.*, v. II, p. 176).